

УРАЛЬСКИЙ № 11 (593), 2006
Следопыт
РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ ISSN 0134-241X

НОЯБРЬ:

**ТАЙНА
СОКРОВИЩ
ЧИНГИЗХАНА**

**ПОЭТИЧЕСКИЕ
МАРШРУТЫ
РЕФТИНСКОГО
ДИССИДЕНТА**

**ФОТОАППАРАТ
КАК ВЕРНЫЙ СПУТНИК
ПУТЕШЕСТВЕННИКА**

СЮРПРИЗЫ ГОР

Маршруты Уральского следопыта

Вот и наступил новый сезон горных путешествий. Как я и планировал в прошлом 2002 году, наша группа готовится к серьезному походу на север Урала. Связавшись со знакомыми из заповедника «Денежкин Камень», получил ценный совет: сходить в район перевала Ходовой. Этот маршрут рассчитан на недельное пребывание в природе. Все, с кем я советовался, говорили, что там очень красиво. И если идти куда-то в районе Североуральска, то только туда. Читайте статью на стр. 62.

Главный редактор — Максим Фирсов
Редакторы разделов — Юний Горбунов,
Елена Минакова,

Алексей Слепухин,
Элиана Зиланова

Худ. редактор, верстка — Юлия Ульянова

Художник — Ирина Овсянникова

Набор — Валентина Кадочникова

Корректор — Татьяна Сергеевко

Интернет-версия — Дмитрий Баландин

Учредитель — общественная организация

«Трудовой коллектив редакции

журнала «Уральский следопыт»

Издатель — ООО «Уральский следопыт»

Редакционный совет —

Владислав Крапивин,

Сергей Казанцев,

Борис Стругацкий,

Геннадий Прашкевич,

Олег Поскребышев,

Юрий Казарин,

Станислав Мешалкин

Наблюдательный совет —

Евгений Виноградский,

м.с.м.к., «Снежный Барс»

Евгений Савенко,

чл. Союза фотохудожников России

Семен Спектор,

заслуженный врач России

Выпуск издания осуществлен

при финансовой поддержке

Федерального агентства по печати

и массовым коммуникациям

при поддержке

Министерства физкультуры, спорта

и туризма Свердловской области

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

Адрес редакции:

620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67.

Тел. редакции:

(343) 257-45-01, 257-36-62

E-mail: info@uralstalker.ru

www.uralstalker.ru

«Уральский следопыт», № 11, 2006

Издается с 1935 г.,

возобновлен в 1958 г.

Регистрационное № 441,

выдано 13.12.90 г. Министерством печати

и массовой информации РСФСР

ООО «Уральский следопыт»

обладает исключительным правом

на логотипы и название журнала.

Рукописи принимаются отпечатанными не менее

12 пт, по 60 знаков в строке, 28–30 строк на

странице. Каждая страница рукописи должна быть

подписана автором.

Обязательно прилагать информацию об авторе, указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте

журнала, корректорскую и редакторскую правки.

В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, дискета, CD).

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА.

Любое использование материалов журнала

допускается только с письменного согласия

ООО «Уральский следопыт».

Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

По вопросам приобретения журнала

обращаться по тел. (343) 257-36-62.

Вы также можете оформить подписку через

агентство альтернативной подписки

ООО «ИНТЕР-ПОЧТА-2003»,

агентство «Урал-Пресс»,

Почта России

Подписано к печати 30.10.2006 года.

Формат бумаги: 34х108/16. Усл. п. л. 9,66.

Печать офсетная. Тираж 4500.

Отпечатано в типографии

ООО ПТЦ «ЯСА»

г. Красноуральск, ул. Чкалова, 4

Заказ №

РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт

ноябрь 2006

РЕКА ВРЕМЕНИ

Версия	Ю. БАЛУНОВ	Где искать золото древнего мира?.....	4
Тропой поиска	Ю. ГОРБУНОВ	Писательницы России	13
День Победы	И. ГЛАДКОВА	Ордена из кованого сундука. Почему бабушка не улыбалась.....	14
Клуб собирателей	А. МАКУРИН	Памятные места Екатеринбурга в телефонкартии	15
Портреты	Ю. СЕНТЯБРЕВ	Ученый-физик на ледоколе «Челюскин».....	30
Краеведческая копилка	А. МУРЗИН	Шадринские рыболовы ходатайствуют ..	56
Далекое-близкое	О. ОЖГИБЕСОВА	Роковая любовь командарма.....	79

АЗЛИТА

Старты	Е. МИНАКОВА	Премия Командора	2
Наедине со всеми	Н. МЕДВЕДЕВ	Город.....	10
Современная поэзия	В. КАСАТСКИЙ	Стихи	25
Фантастика	Д. ЛАЗАРЕВ	Жара	31
Современная проза	В. КОСТЮКОВ	Пятьдесят граммов для восторга, или Начало конца	71
Дебют в «Уральском следопыте»	А. ЗУБОВ	Глубина.....	82

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

В объективе — Урал	М. ФИРСОВ	Сим	18
Дети в походе	С. БОРИЧ	Сплав	20
	М. ЖДАНОВ	Новые открытия на озере без дна	85
	А. ВРАДИЙ	Альпинизм в темноте	54
Советы специалистов	В. ПЕТРОВ	Фотосоветы бывалого	58
Команда искателей Приключений	А. СЛЕПУХИН	На север Главного Уральского хребта	62
Сказы уральских озер	Н. РЫБАЛКИНА	Озеро Иткуль и Шайтан-камень	88

Все товары и услуги, рекламируемые в журнале «Уральский следопыт», имеют необходимые лицензии и сертификаты. Редакция не несет ответственности за достоверность информации, опубликованной в рекламных объявлениях. Материалы рубрики «Добрые поступки «Уральского следопыта» публикуются на правах рекламы.

Премия Командора... Курс на Тюмень

14 октября этого года стали известны имена первых лауреатов Международной литературной премии Владислава Крапивина. В городе детства известного писателя и в день его рождения состоялся необычный турнир для тех, кто пишет для детей, – настоящих рыцарей пера и доброго слова. Около 60 новых и только что изданных рукописей разных жанров и обьемов состязались в этом конкурсе. В короткий список (шорт-лист) вошли девять авторов, в их числе есть и наш земляк Андрей Щупов (О. Раин – его «детский» псевдоним). Приятно отметить, что рассказ Андрея «Новичок», заслуживший столь высокую оценку жюри, был опубликован в апрельском номере «Уральского следопыта».

Более 40 авторов претендовали на звание лауреата этого конкурса. Но, видимо, настолько высока была планка, что сразу четверо удостоились престижной награды. Лауреатами признаны: Альберт Лиханов из Москвы, Елена Габова из Сыктывкара (Республика Коми), Сергей Козлов из поселка Горноправдинска (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра) и Валентина Фролова из Севастополя. Стало настоящей сенсацией заявление одного из лауреатов. Известный писатель и председатель российского Детского фонда, автор конкурсной дилогии «Русские мальчики» и «Мужская школа» Альберт Лиханов рассказал, как намерен распорядиться наградой. Полученные деньги он передаст в родную Кировскую область, где в свою очередь учредил премию для лучших учителей и детских библиотекарей.

А предыстория конкурса такова. Сначала возникла инициатива. Премия Владислава Крапивина появилась на свет в Екатеринбурге, где давно сложился немалый круг друзей и поклонников дара писателя. Благодаря их усилиям и потекли живые ручейки на Средний Урал отовсюду – из Санкт-Петербурга, Омска, Нижнего Тагила, Магнитогорска, Саратова, Оренбурга и даже из-за рубежа. Учредили премию Свердловский областной общественный фонд «Фонд Владислава Крапивина» и Ассоциация писателей Урала. Еще этой весной организаторы разработали положение, в соответствии с которым на победу могут претендовать любые произведения для детей и юношества, а также наиболее интересные, по мнению оргкомитета, неизданные рукописи. В исключительных случаях в состязании с новичками также имеют право участвовать и маститые писатели («по совокупности заслуг в области детской литературы») и даже иностранцы. Пишущим, правда, необходимо заручиться рекомендацией. Как правило, такую поддержку оказывают писательские

организации, библиотеки, редакции «толстых» журналов, литературные музеи, книжные издательства, различные учебные заведения, детские фонды и оргкомитет конкурса. Возглавляет жюри сам Владислав Петрович.

А присуждать премию будет ежегодно в день рождения писателя – 14 октября – в одном из городов России. Размер вознаграждения – сто тысяч рублей (правда, эта сумма не является неизменной). Диплом и памятная наградная медаль будут своего рода свидетельством признания таланта автора. Эскиз диплома выполнила известная уральская художница-график Евгения Стерлигова. Отныне знаменитый крапивинский мальчик со шагагой на фоне бушующей стихии и парусов будет украшать памятный знак премии.

В борьбе за право принимать у себя прославленного писателя, фантаста боролись сразу три города: Екатеринбург, Пермь и Тюмень. Но именно город на Туре удостоился чести открыть традицию. На церемонии награждения в театре кукол собрались не только именитые гости из Москвы, Екатеринбурга и северных автономий, но и все девять номинантов. Они приехали из Москвы, Сызрани, Сыктывкара, села Миасского Челябинской области, Севастополя, Горноправдинска, Тюмени и Екатеринбурга.

У наших городов немало общего, родственного. Перепелись корни – и в этом есть заслуга Крапивина. А ведь его знают и любят читатели не только у нас, но и по всему миру! Вокруг его творчества объединяются неравнодушные и талантливые. Не только литераторы, педагоги, художники, но даже сами дети. Прежде всего, для них, юных читателей, и был создан Фонд на Урале, в городе, где Владислав

Петрович живет вот уже более 40 лет. Университетское издательство в Тюмени в свою очередь выразило желание выпустить в свет на родине кумира одно из его последних произведений, посвященное работе отряда «Каравелла» и другим интересным ребячьим объединениям. На базе этого издательства уже сверстан первый том книги «Белые башни родины» (в нее вошли все рассказы писателя о Тюмени), второй том также готовится к печати. В него включена и повесть «Нарисованные герои», проиллюстрированная самим автором. Не так давно он закончил работу над графикой. А рисунки для всего тюменского издания подготовила Евгения Стерлигова.

Конкурсы обещают открытия большие и «на вырост». На церемонии в театре были объявлены имена и совсем юных дарований, чье творчество тоже оказалось в поле зрения экспертов. Предварительный отбор осуществлялся среди участников самых разных детских объединений. Лучшим сочинителям были вручены гранты по 10 тысяч рублей. Первой обладательницей награды стала Кристина Пуртова, выпускница тюменского детского дома «Содружество» с повестью «Лейла», где затрагиваются непростые отношения детей разных национальностей. Еще один грант присужден Анатолию Осипову из Омска. Свою приключенческую повесть «Тайна огненного змея» он написал в 12 лет еще во второй половине 1950-х. А опубликована она была только через 50 лет. Анатолий Осипов трагически ушел из жизни. Грант получил его старший брат, профессор Омского государственного университета Борис Осипов.

...Когда-то флагман отечественного политического детектива Юлиан Семенов подарил путевку в жизнь молодому уральцу Андрею Щупову (Олегу Райну). Поддержка живого классика – дорого стоит! Премия ДЭМ-92 (за лучший российский детектив) от Ю. Семенова и премия «Старт» от организаторов старейшего екатеринбургского конвента фантастов «Аэлиты» стали важными вехами в биографии начинающего литератора, выпускника ВНИИЖта. Как известно, нелегко живется тем, кто «привязан» к письменному столу и к глубинке. И все-таки Андрею в определенном смысле до сих пор везло: его книги неоднократно выходили большими тиражами в крупных столичных издательствах, выпускающих преимущественно популярную художественную литературу «в сериях». Детектив, фантастика и остросюжетный боевик – те «штуки», которые, по словам Андрея, «кушаются сегодня всеми». «Хорошо то, что хорошо продается», – такой напрашивается вывод. Да только диапазон творческого человека не ограничивается рамками. В этом-то и «бедра» пишущего! Как прозаик, литературный критик и журналист, Щупов издал уже порядка 20 книг – при этом он не ходил с протянутой рукой. Наобо-

рот, еще «до ГКЧП» на гонорары за четыре сборника умудрился купить квартиру. А нынче, замечает с сожалением, гонорары платят такие, что даже профессионалам от литературы, зарабатывающим пером, «едва хватает на хлебушек с маслом». Реалистическая философская проза заживает: ее удел – «толстяки», журналы и альманахи. Литература для детей и вовсе не востребована.

В то же время профессиональные творческие союзы только разрастаются. И, очевидно, потому, что для пишущих такого рода объединения – альтернатива всеобщему упадку в культуре, ее коммерциализации... Огорчает только, что в нашем городе литераторам живется, мягко говоря, тесновато. На долгие годы у них затянулась ожесточенная война с собственником части здания по ул. Пушкина, 12. Случались в этой борьбе без правил поражения и победы. А финал – фиаско. Писателей просто «тихонько выжили». Выделили им каморку: там они и сидят – «на пачке книг и журналов». Неутешительно отозвался обо всей этой ситуации в одном из своих интервью председатель правления Екатеринбургского отделения СПР Юрий Казарин: «Наш союз отметил уже семидесятилетие, но если раньше он получал всяческую, в том числе и материальную, поддержку от государства, то сейчас мы остались один на один с тем, что есть некая экономика, политика и страна».

Что делать, как выживать? А ситуация на самом деле решается. И решается просто. Необходимо все вернуть на круги своя. Нужна государственная политика не только по части «комфортного и доступного жилья» для населения, но и по отношению к культуре. Простые отдельные литераторы и Союзы нуждаются в поддержке федеральных структур. В каждом издательстве должны быть отделы, которые бы печатали настоящую, качественную, литературу, а в каждом книжном магазине должен находиться уголок, где она будет продаваться. Причем работать там должны люди профессиональные, и платить им должны достойную зарплату.

Инициатива – это тот ручеек, из которого рождаются реки, моря и океаны. Вот и мы сегодня, похоже, стоим у истоков новой большой традиции. Какую она проживет жизнь? Как сложится судьбы лауреатов необычной премии?

К детским писателям особенно подходит эпитет – «любимые». Они учат наших детей отличать подлинные культурные ценности от подделок. Им и Бог в помощь...

Национальный парк «Алханай».
«Камень-ворота»
Агинский Бурятский автономный округ

Где искать золото древнего мира?

Прежде чем указать места, где надо искать золото древнего мира, убедимся, что подобные места возможны.

Египетские фараоны первыми наладили добычу золота в промышленных масштабах. Долгое время Египет был монополистом золотодобычи. Но в 671 году до н.э. это государство в нижнем течении Нила уничтожили полчища ассирийцев, и всё золото оказалось в Ассирии. Через полвека Ассирия тоже была покорена, и золото перекочевало в Вавилон, где его скопилось около четырёх тысяч тонн. В 538 году до н.э. войско персидского царя Кира Великого захватило и ограбило Вавилон. Золото перекочевало в Персеполь и Сузы. Но уже в 334 году до н.э. Александр Македонский захватил и ограбил всю Персию, Среднюю Азию и Северную Индию. Только чтобы вывезти в Грецию золото и серебро, потребовалось десять тысяч конных повозок и пять тысяч верблюдов. Общее количество золота, попавшего в руки Александра Македонского, оценивается в десять тысяч тонн.

Возникшая в середине третьего века до н.э. Римская империя вычистила золото из всех покорённых стран. Оно оказалось в Риме. В 410 и 455 годах н.э.

вандалы и германо-славянские племена разграбили в свою очередь Рим дотла. Только вандалы вывезли в Карфаген 600 тонн золота. Через 78 лет Карфаген был захвачен византийским полководцем Велизарием, и золото Карфагена было брошено к ногам императора Византии Юстиниана.

Золото же, оказавшееся в руках германо-славянских племён, за двести лет крестовых походов перекочевало в Малую Азию. Начиная с 1097 года войска рыцарей-крестоносцев отбили у мусульман Палестину, где создали государства с городами и крепостями. Это был форпост Западной Европы. Сюда из самых отдалённых мест Персии, Индии, Китая и Средней Азии купцы доставляли оружие, ткани, пряности, драгоценности. Для покупки этих товаров требовалось много золота, поэтому оно всё прибывало и прибывало в Палестину (Святую Землю) из Западной Европы, частично уходя в вышеназванные страны, а частично оседая в Византии, через которую проходили крестоносцы по пути в Святую Землю.

Но золото не принесло Византии благополучия. Начались ссоры за обладание тронном императора, чем и воспользовались крестоносцы. Как всегда под благородным предлогом «торжества справедливости», в 1204 году они захватили Константинополь и подвергли его полному опустошению. Вот как описывает эти события французский очевидец: «Добыча

* Фотографии предоставлены «Уральскому следопыту» другом и читателем журнала Виктором Кобисским, краеведом и литератором из села Акша Читинской области.

же была так велика, что никто не в состоянии был определить количество найденного золота, серебра, сапудов, драгоценных камней, бархата, шелковых материй, меховых одежд и прочих предметов. Но Жоффруа Виллардуж, маршал Шампани, свидетельствует вам по совести и по истине, что в течение многих веков никогда не находили столько добычи в одном городе». Более половины награбленного ушло идейному вдохновителю грабежа — венецианскому дожу Дандоло, оставшаяся же часть была перевезена в Святую Землю, и только отдельные фрагменты художественных ценностей — в Западную Европу.

В 1257 году монголы вторглись в Святую Землю и ограбили её, но перед этим в 1240 году полчища Батия появились вблизи Венеции — у города, где было сосредоточено практически всё золото Западной Европы, которая даже не была защищена мощными стенами.

К этому времени прославленные немецкие рыцари были полностью уничтожены в сражениях с монголами под Лигнице, Люблином, Сандомир, Краковом и Братиславой. Сам император Священной Римской империи Фридрих II, бросив империю, бежал на Сицилию. Папа Римский тоже оставил Святой Престол и бежал во Францию в Лион. В самой же Франции уже 40 лет рыцари грызлись за наследство распутной Элеоноры. Поэтому, когда мать короля Франции Людовика IX обратилась к нему с вопросом, что он будет делать против монголов, получила ответ: «Небесное утешение поддерживает нас. Ибо если эти татары, как они себя именуют, дойдут до нас или мы последуем за ними в те места, где они живут, то мы всё равно попадём в рай на небесах».

Таким образом, сил, чтобы остановить победное шествие монголов, у Европы, обескровленной шестью крестовыми походами и постоянными междоусобными войнами, уже не было. Но у Святой Церкви был богатый опыт решения подобных проблем денежным путём. Достаточно вспомнить договор папы Льва I с вождём гуннов Атилой, в результате которого варвары не только убрался восвоися, но и оставили Римскому Папе всю территорию Западной Римской империи.

Некоторые историки считают, что монголы ушли из Европы, т.к. спешили на избрание нового Великого Хана взамен умершего Угедея. Но позвольте, Угедей умер в 1241 году, а Гаюк был избран лишь в 1246 году. Пять лет великой империей от Тихого океана до Адриатики управляла вдова Угедея — Туракина-хатум и, как выясняется, не очень-то спешила отдавать власть, нарушая предсмертные завещания мужа и делая гадости ханам и их союзникам. Да и куда было спешить, когда перед монголами в Венеции и Риме лежали практически незащищённые тысячи тонн золота. Это равносильно тому, что бандиты сломали все запоры, убили всю охрану, но не взяли золота, зная точно, где оно лежит. Это только в детских книжках В. Яна говорится о каком-то разладе в стане монголов и что монголам нечем было кормить

лошадей. К сожалению, ему вторят и серьёзные исследователи, предполагая, что, подойдя к Венеции, монголы потеряли ударную силу.

Нет, Батый знал, что делал, ему нужны были козыри в битве за влияние на будущего великого хана. (Самому Батыю по традиции, заведенной Чингизханом, стать великим ханом вообще не светило.) В те времена, да и сейчас, этими козырями являются только золото и сила. Поэтому Батыю нужно было золото здесь и сейчас, с наименьшими потерями. Вот монголы и договорились с Папой Римским. И как показали дальнейшие события, Батый был прав — великий хан Гаюк вскоре умер и на его место был избран ставленник Батия — Мэнгу.

Монголы ушли из Европы, когда Европа признала своё поражение, и Папа Римский (в те времена фактический правитель Европы) выкупил свой ярлык на правление, как это делали все правители покорённых монголами стран. Папа Римский прекрасно знал, что делают монголы, если не выполняются их требования. От Венеции и Рима не только остались бы одни камни, но и пыли бы от камней не осталось. Надо говорить правду — посольство Папы Римского Иннокентия II во главе с Джованни дель Плано Карпини являлось не более чем представительством захудалого вассала на курултае по случаю избрания великого хана Гаюка и ничем не отличалось от посольства русского князя Ярослава, отца Александра Невского. Недаром Карпини так возмущался поведением монголов: «...знатный муж Ярослав, великий князь Руси, а также сын царя и царицы грузинской и много великих султанов, а также князь солангов не получили среди них должного почёта, но представленные к ним татары, какого бы низкого звания они ни были, шли впереди их и занимали всегда первое и главное место.» А о себе он вообще не говорит, так как чуть с голоду не умер. Не менее красноречива и цель посольства Папы Римского: «...дабы татары своим случайным и внезапным вторжением не застигли нас врасплох, как это и случилось однажды по грехам людским». Эти посланники были на всё согласны, лишь бы отворотить новое нашествие монголов. Поэтому можно без преувеличения сказать, что Гаюк был всемирно избранным ханом и не зря именовал себя государём мира, прибавляя: «Бог на небе, а я на земле».

Конечно, есть много предположений, почему монголы не достигли последнего моря, но факт остаётся фактом: дальше Венеции они не пошли, значит, получили всё, что, по их мнению, могла дать Европа. По пути на Восток эти «потерявшие ударную силу» монголы полностью разорили и разграбили Болгарию. Венеция же частично восстановила свое былое могущество лишь к 1360 году, т.е. через 120 лет.

Итак, все золото оказалось в руках монгольских ханов. Можно грубо оценить его количество. Александр Македонский «скопил» десять тысяч тонн, и, допустим, все это осталось в Европе и на Ближнем Востоке. Монголы, кроме Западной Ев-

Агинский р-н, левобережье реки Онон — «Лестница богов». Здесь есть плиточные могилы — древние захоронения

ропы, захватили территории современной России, Украины, Средней Азии, Афганистана, Пакистана, Ирана, Ирака, Закавказья и Северной Индии, где наверняка взяли не меньше. В одном Багдаде за 600 лет халифами были накоплены такие богатства, что даже выдавшие виды монголы были поражены. А уж о богатствах ассасинов в Иране нам и слов не найти. Примерно столько же было захвачено в Китае, Корее, Вьетнаме, Бирме, Таиланде (возможно, в Индонезии, на Цейлоне и на всём побережье Индостана).

Словом, масса драгоценных металлов, попавших в руки ханов, составляла не менее тридцати тысяч тонн. Следует заметить, что в Монголии золото и серебро не переплавлялось на монеты. В землях, подчиненных великому хану, в ходу были бумажные деньги. Вот как описывает Марко Поло процесс обмена драгоценностей на «бумажки»: «...Приходят много раз в году купцы с жемчугом, с драгоценными камнями, с золотом, серебром и другими вещами... и всё это купцы приносят в дар великому хану. Со зывает великий хан 20 мудрых, специально для этого дела выбранных... и приказывает им заплатить за них, что они стоят. Досматривает мудрецы все вещи и уплатят за них бумажками...»

Но куда же исчезло это золото?

Монголия никем не была завоевана. Монголы не были вытеснены другими народами. Они до сих пор живут на своей территории. Золото осталось там. Тогда почему оно не было найдено? Думается, это связано с обрядом погребения монголов. Они не возводили курганов и пирамид. В своём отчёте о посещении

Монголии в 1246 году, всего лишь по прошествии 18 лет после смерти Чингизхана, Плано Карпини пишет: «Они идут тайком в поле, удаляют там траву с корнем и делают большую яму и сбоку этой ямы делают яму под землю... Мёртвого же кладут в яму, которая сделана сбоку... Золото и серебро они хоронят таким же образом вместе с ним... Затем зарывают яму, которая находится перед его ямой, и сверху кладут траву, как было раньше, с той целью, чтобы впредь нельзя это место найти... и никто до третьего поколения не дерзнёт назвать умершего его именем».

По мнению Е.И. Кычанова, захоронение Чингизхана, других великих ханов и их приближённых следует искать в горах Хэнтэй на северо-востоке Монголии: «...в горах и холмах, в богатых погребальных камерах, тщательно укрываемых глубоко под землёй от чужого глаза и грабителей, могилы киданьских, тангутских и других государей тех лет».

Возможно, это так. Действительно, по легенде Чингизхан родился в низовье реки Онон в урочище Демчун-Болдак, оно и сейчас так называется. Но вот похоронен ли он там, где скрывался никому не известный, затравленный татарами и брошенный родственниками Тамучин (будущий Чингизхан)? Вряд ли. Будучи в Монголии, я исходил горы Хэнтэй вдоль и поперёк и сказать, что они производят особое впечатление, соответствующее величию Чингизхана, не могу.

Вообще людей хоронят в местах, где их будут помнить и чтить. Поэтому разберёмся, сыном какого народа был Чингизхан? Начнём с того, что в Монголии нет монголов. Большинство населения Монголии составляют халхасы. Но великопленный памятник в честь 800-летия рождения Чингизхана (заметим, в советское время) был поставлен в посёлке Гурваннур (север Хэттэйского аймака), на территории, которую населяет небольшой народ — буряты. Тем самым всеми, проживающими в Монголии, народами было признано за бурятами право называть Чингизхана своим сыном, и никто не оспаривает это право.

Теперь обратимся к воспоминаниям Марко Поло. Этот удачливый авантюрист не был официальным представителем при монгольских ханах, какими были Пэн Да-я, Сюй Тин, Карпини или Рубрук. Семейка Поло, начиная с отца Никколо Поло и кончая самим Марко Поло, прожила в Монголии 40 лет, с 1255 по 1295 год. Занимаясь торговлей или выполняя поручения самих ханов, побывала во всех уголках Монгольской империи, поэтому Марко Поло хорошо знает, о чём говорит: «...На север от Каракорума и от Алтая, от того места, где, как я рассказывал, хоронят татарских царей, есть долина Бангу. Тянется она на сорок дней. Народ тамошний дикий и зовётся мекри, занимается скотоводством, много у них оленей; на оленях, скажу вам, они ездят. Нравы и обычаи у них, что и у татар; они великого хана. Через сорок дней — море-океан, там же горы, где соколы-пилигримы вьют гнёзда».

Каракорум — столица Монгольской империи — вполне конкретное место, на север — тоже конкретное направление.

На север от Каракорума перед путником возникают суровые и величественные горы с озёрами, в которых вода цвета «оюн» (от нежно-зелёного до ярко-голубого). Здесь, вблизи одного из красивейших озёр мира Хубсугула, внук Чингизхана, великий хан Мэнгу, построил свой дворец. А ещё дальше на север, на горизонте, маячат белыми шапками горы Алтая, но они уже находятся не в Монголии, а в Бурятии.

За Алтаем на тысячу километров простирается сильно заболоченное Среднесибирское плоскогорье, и лишь ближе к морю-океану возникают горы — плато Путорана.

За Алтаем до сих пор живут буряты (Усть-Оринский бурятский автономный округ).

В этих суровых и прекрасных местах золотых гор (Алтай по-монгольски — золотой), которые находятся в центре мира, покорённого Чингизханом, среди народа, который любит и чтит своего великого сына, покоится прах величайшего из завоевателей. А возможно, как показывают последние события с захоронениями бурятских лам, и не прах. Может быть, визит даосского монаха Чан-Чуня к Чингизхану не прошёл бесследно.

В этом случае горы Хэнтэй совершенно непригодны для захоронения, т.к. там нет вечной мерзлоты. К тому же Марко Поло прекрасно знал горы Хэнтэй. Они находятся на 500 км восточнее Каракорума, и по южным отрогам этих гор, по верховьям рек Тола и Керулен он неоднократно ездил из Каракорума в Пекин. Эта дорога существует по сей день, вдоль неё в районе городов Ундер-Хан и Чойбалсан до сих пор стоят остовы советских танков, врытых в землю ещё в 1945 году.

О существовании кладбищ в Монголии говорит и Пабло Карпини: «...В их земле существуют два

кладбища. Одно, на котором хоронят императоров, князей и всяких вельмож, и, где бы они ни умерли, их переносят туда, если это можно удобно сделать, а вместе с ними хоронят много золота и серебра. Другое — то, на котором похоронены те, кто убит в Венгрии, ибо там были умерщвлены многие. К этим кладбищам не дерзнёт подойти никто, кроме сторожей, которые приставлены там для охраны, а если кто подойдёт, то его хватают, обнажают, бичуют и подвергают очень злым побоям.

Поэтому мы сами по неведению вошли в пределы кладбища тех, кто был убит в Венгрии, и сторожа пошли на нас, желая перестрелять, но так как мы были послами и не знали обычая страны, то они дали нам уйти».

Причиной появления второго кладбища является следующее обстоятельство. Незадолго до смерти Чингизхан разделил всю империю от Тихого океана до реки Дон на три улуса. Старшему сыну Джучи досталась громадная территория, практически совпадающая с территорией современных России и Северного Казахстана, с границей по озеру Балхаш и Аральскому морю. (Таким образом, основателем Великой многонациональной России был не кто иной, как сам Чингизхан, и вот уже почти восемьсот лет на этой территории складывается единый государственный и хозяйственный комплекс, единственное, что изменилось за это время — численность отдельных народов, населяющих эту территорию, но в этом виноваты сами народы: не надо было уничтожать друг друга). Но самому Джучи не удалось поуправлять улусом, он был убит Чингизханом, так как проводил политику обособления вверенного ему улуса от империи. Во главе улуса встал сын Джучи, любимый внук Чингизхана — Бату (Батый).

На Великом Курултае в Монголии в 1229 году монгольскими ханами было решено продолжить экспансию на запад, в Европу. Решение, как говорят летописи, основывалось на завещании Чингизха-

Мост через Оюн у села Кабухай. Справа — «Камень-верблюд»

Агинский Бурятский автономный округ. «Чаша Чингизхана», или «Камень-котел»

на — дойти до последнего моря. Так как Европа примыкала к улусу Джучи, то, естественно, поход на запад возглавил Батый. Преемник Чингизхана, великий хан Угедей, для охраны ставки Батыя и других ханов выделил из своего элитного войска три тумена (30 тысяч) воинов под предводительством богатура Субудея — героя битвы у реки Калки в 1223 году, где наголову были разбиты русско-половецкие войска.

Поход к последнему морю длился с 1235 по 1241 год. Были завоёваны Русь, Украина, Южная Польша, Силезия, Чехия, Моравия, Венгрия, Трансильвания, Хорватия и Болгария. Конечно, покорить такую огромную территорию 30-тысячной армией невозможно, поэтому основная часть армии (орды) набиралась из народов, населявших территорию улуса и не имеющих непосредственной связи с Монголией, а это примерно 250–300 тысяч воинов. Отметим, правители других двух улусов также вели захватнические войны в Китае, Северной Индии, Персии и т.д. и поэтому не могли выделять людей для пополнения армии Батыя.

Децентрализация захватнической политики привела к децентрализации захоронения убитых в процессе войны.

Плано Карпини был на втором кладбище, где хоронят людей среднего достатка. Вряд ли этих воинов, тем более если они не имели родственной связи с основной Монголией, везли хоронить за одиннадцать тысяч километров из Венгрии в Монголию.

Возникает вопрос, где могло быть это кладбище? Наверняка это где-то около столицы улуса. Вначале столица (ставка) улуса находилась в верховьях реки Иртыш, но после 1242 года Батый перенёс ставку в низовья реки Волги (Сарай-Бату).

К сожалению, Плано Карпини не вёл дневника, но есть возможность проанализировать его путь. Он пишет, что от селения Канева (Украина) до ставки Батыя его сопровождали три воина в чине десятника, один из которых был знаком с самим Батыем. Но, не доезжая до ставки Батыя, двое воинов поскакали вперёд, оставив с делегацией Карпини одного воина. Естественно, поскакал к Батыему тот воин, которого знал Батый, а с Карпини остался воин, который не знал местности. Вот на этом отрезке пути Карпини и мог оказаться на кладбище.

После посещения Батыя и далее в ставке великого хана, а тем более на обратном пути, делегация была под пристальным вниманием и никаких трудностей в передвижении не испытывала: «...Мы поехали... невозможно быстро, так как всякий день по пяти или семи раз на дню у нас бывали свежие лошади...»

Чтобы определить, где могло находиться второе кладбище, необходимо проанализировать, какое время делегация осталась без должного присмотра.

Два монгола, которые поехали вперёд, должны уведомили хана Батыя, дать ему возможность подготовиться к встрече и после этого вернуться к делегации. Для этого нужно не менее четырёх-пяти дней. Это позволяет предположить, что кладбище находится в пределах 150–200 километров от ставки Батыя. Следовательно, кладбище расположено где-то в Калмыкии.

Это косвенно подтверждается и другим историческим фактом.

Плано Карпини и Вильгельм де Рубрук, посол, который был послан в Монголию к великому хану в 1253 году уже французским королём, пишут, что кладбище должно охраняться. Но в охрану святых

мест, а кладбище для всех народов святое место, чужих не берут. Значит, должны быть свои — монголы.

Монголы под командованием Субудея, направленные ещё великим ханом Угедеем как элитное подразделение в армию Батая, а затем охранявшие ставку золотоордынских ханов, в 1480—1530 годах были практически вырезаны крымскими и сибирскими татарами. Более того, была уничтожена золотоордынская ветвь Чингизидов. Некогда процветающий золотоордынский край обезлюдел. Это позволило Ивану Грозному без больших усилий присоединить Астраханское ханство к Московии. Святые места остались без необходимой охраны.

В сложившейся ситуации духовный иерарх монголов — лама, ставка которого находится до сих пор в Лхасе (Тибет), в 1610 году приказывает орде из 50 тысяч воинов идти на запад. Эти воины — монголы (калмыки) — обитали в западной Монголии (юго-восточный Казахстан, район Талды-Кургана и Алма-Аты). Орда двинулась двадцать лет, разоряя русские поселения в Западной Сибири и на Южном Урале. В 1630 году орда переправляется через реку Волгу и обосновывается западнее ставки Золотой Орды. В советское время столь странное переселение объяснялось тем, будто бы калмыки бежали от притеснений китайцев. Но в это самое время китайцы сами покорялись маньчжурами. Да и непонятно, зачем после заселения низовья Волги большая часть калмыков, испытывая страшные лишения, вернулась на прежнее место обитания. А на территории России образовалось новое монгольское государство, с которым приходилось считаться русским царям. Более того, правители этого государства — ханы, начиная с Хо-Урлука, для получения права на ханство ездили за пять тысяч километров в Лхасу (Тибет). И лишь при Александре I была учреждена должность главного пристава калмыцкого народа «...для ходатайства, защиты и лучшего охранения польз народных». А калмыцкому народу были пожалованы в вечное владение земли от Царицыны по рекам Волге, Сарпу, Салу, Манычу, Куме и взморью. Таким образом, русский царь на вечные времена закрепил за монголами право на охрану могил своих предков.

где находятся кладбища воинов и Чингизидов, конечно, знают духовные лидеры Тибета. Ведь до сих пор неясно, зачем было в 1925 году голодной России посылать дорогостоящую экспедицию под руководством Николая Рериха в Монголию и Тибет, и что в ней делал атеист и эсер Блюмкин — убийца немецкого посла в Советской России. (Заметим, что в музее Рериха в Москве отрещиваются от Блюмкина и, более того, отказываются от того факта, что Рерих встречался с Дзержинским. Во-первых, Дзержинский был председателем ВСНХ СССР, т.е. председателем правительства Советского Союза — страны, подданные которой формировали экспедицию и

по территории которой она проходила, во-вторых, Дзержинский ничего плохого не сделал ни экспедиции, ни лично Рериху, и, наконец, Рерих был высококультурным человеком и не мог пренебречь приглашением председателя правительства).

Зачем стране, в которой разрушались и разграблялись храмы всех религий, вести поиск в библиотеках буддийских монастырей сведений о присутствии на Тибете молодого Иисуса Христа и о какой-то мифической Шамбале?

Нет, цели экспедиции Рериха были вполне прозаичны. Необходимо было найти сведения о захоронениях Чингизидов, о золоте, которое спрятано в погребальных ямах. Вот в чём нуждалась Советская Россия.

Здесь уместно отметить, что в 1926 году Николай Рерих совершил экспедицию и на Алтай (современный Алтай, а не по Марко Поло), а в 1935—1936 годах он же возглавил ещё одну экспедицию — посетил буддийские монастыри в Китае, близкие к горам Хэнтэй (в Монголии монастыри были разорены, и все монахи убиты). Не совсем понятно, почему Рерих-археолог в этой экспедиции занялся поиском растений, т.е. ботаникой — для сдерживания опустынивания земель.

Монастыри Тибета скрывают много тайн, а нас ждут великие открытия на земле Бурятии и Калмыкии. Но для того, чтобы состоялись эти открытия, необходимо терпение и стремление убедить великий народ — монголов (бурят, калмыков), предки которых стояли у истоков создания великой России, приоткрыть тайну кладбищ. Но при этом надо помнить, что тревожить духов Великих Воинов (а Чингизиды ими являются) очень опасно. Не надо забывать: как только потревожили могилу Тимура, на следующий день началась Великая Отечественная война. А как только по личному указанию Сталина, и как рассказывают, самолётом, был возвращен на место прах Тимура и восстановлен его мавзолей, победой завершилась Сталинградская битва.

Поиски кладбища Чингизидов необходимо вести под строгим государственным контролем с привлечением соответствующих религиозных организаций России и других стран. При этом надо создать для духов Великих Воинов состояние более благоприятное, чем то, в котором они сейчас находятся — возможно, строительство мемориала под эгидой хранителей духов — буддийских монахов, как это сделано в Китае. В округе Ордос (Внутренняя Монголия) построен колоссальный мемориал с роскошным храмом высотой 25 метров и площадью 2400 кв. м.

Естественно, всё это потребует больших средств, но они окупятся сторицей, ибо миру явится такая красота, которую он ещё не видел.

Хочу обратиться к «чёрным» археологам. Искать могилы Чингизидов очень опасно, моментально сломают хребет и похоронят по монгольскому обычаю.

Город

Рыжая кошка безучастно сидела, прижавшись к сетке, глядя на меня, а не на тигра. Тот лежал метраж в двух и, пошевеливая хвостом, не спускал с бедолаги глаз. Затем встал и забегал по клетке, то приближаясь к кошке, то отдаляясь от нее. Похоже, зверь растерялся и никак не решался напасть на маленький рыжий комочек. Ситуация для него была необычной — живая добыча, и, конечно, он не испытывал голода: в клетке валялись куски мяса и кости. Однако в намерениях хищника не приходилось сомневаться. Можно понять состояние кошки рядом с этим великаном. Глаза ее не выражали ничего: ни ужаса, ни надежды — это были глаза жертвы, понимающей всю безвыходность своего положения. Застыв, не пытаясь бежать, мяукать или хоть как-то проявлять беспокойство, кошка смотрела мне прямо в глаза. Жуткая картина.

Все это я увидел в считанные секунды и сразу направился к работникам зоопарка, сидящим неподалеку на скамейке. Показав на клетку, в двух словах я объяснил ситуацию. Две женщины и девушка подошли к клетке. Мне стало не по себе. Бегом я кинулся в контору, благо и она находилась рядом. В комнате тоже женщины — три или четыре, каждая сидит за своим столом. Увы, реакция та же: они выслушали меня молча, ничего не предпринимая.

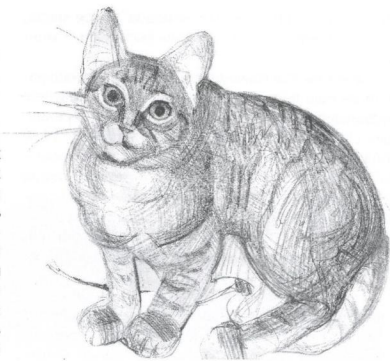
— Позвоните кому-нибудь. Есть же у вас тут люди, которые могут хоть что-то сделать, — еле сдерживая себя, я пытался еще говорить вежливо.

— Спасибо, что сообщили, остальное не ваша забота, — сухо, почти с раздражением, сказала одна из работниц зоопарка.

Мне недвусмысленно дали понять, что я могу идти туда, откуда пришел, или куда угодно. Никаких звонков — все сидели на местах и кто с любопытством, кто с неприязнью (вот еще привязался) смотрели на меня.

Бешенство не лучшее качество, а я уже чувствовал, что оно вот-вот выплеснется из меня. Но что же делать? В отчаянии (подальше от греха) закрыл за собой дверь и опять направился к клетке. Оттуда выходила девушка — та, от которой я уже не ждал помощи. Клетка была пуста: ни тигра, ни кошки. Может быть, все и обошлось. А может, и нет. Спрашивать о судьбе кошки я не стал, хотелось надеяться на лучшее, и лишь проводил глазами девушку.

Кто помогает быстро — тот помогает вдвойне. Эта девушка — рабочая, убирающая в клетках, оказалась

отзывчивей, чем чинуши, сидящие за столами с телефонами, и, видимо, сумела выгнать тигра в смежное помещение.

Теперь все встало на свои места. Я оглянулся по сторонам — нет, детей уже и след простыл. А ведь...

Клетки хищников были расположены по кругу. В них содержались только крупные звери семейства кошачьих: львы, тигры, пантеры, барсы. Толстые железные прутья, между которыми вполне можно просунуть руку, до высоты человеческого роста были забраны металлической сеткой. Когда я подходил, навстречу мне гурьбой шли ребята, явно чем-то возбужденные.

— Через полчаса посмотрим... — услышал я среди галдежа обрывок фразы того, что был постарше. А полминуты спустя увидел все сам.

Вот кто и забросил кошку к тигру.

Гулять по зоопарку, после всего случившегося, мне расхотелось. Но клетки с хищниками я все же обогнул.

Специфичный, тяжелый запах от крупных кошек бил в нос.

Лежащий лев, с огромной головой, обросшей косматой, всклокоченной гривой, равнодушно смотрел куда-то в пространство. Ягуар не спеша, от стенки к стенке, мятником мотался вдоль решетки. Пантера — черная, мрачная, с широко открытыми глазами, изваянием замерла на полке, свесив лапы. В угол забилась пума, вообще ни на что не реагируя. Ну, а жилище амурского тигра теперь было пусто.

Да, своеобразное заведение зоопарк: кто-то ходит и смотрит, а кто-то сидит в клетке и тоже смотрит на того, кто смотрит на него. Каково всю жизнь прожить в неволе?

Николай Медведев родился в 1947 году, в г. Полевском Свердловской области. Служил в армии, работал на судах рыбодобывающего флота в Приморье. Живет в Краснодаре. Печатался в «Уральском следопыте», а так же в журналах «Запад России» и «Балтика» в Калининграде.

Человек может выразить свои мысли в словах — рассказать о них. Зверю это недоступно, но и он наверняка тоже думает, пусть и несколько по-другому — по-своему. И что он думает, глядя на двоюродных, которые день-деньской ходят вокруг, шумят, дразнят, хохочут, бросают в клетки все что ни попадет? И нет этому конца. И наступающий день похож на минувший, и будущий будет таким же.

Человек. Это он запер зверей в клетки, кормит, заботится вроде — гуманист. А на деле лишил свободы.

Теплое, солнечное утро летнего дня, в кои-то веки собрался сходить в зоопарк, и вот такая история. Было над чем поразмыслить. Что-то неладно стало в нашем королевстве, если вдруг, словно ниоткуда, появились такие детишки. Помню, и это случилось в раз, в детстве на Урале в нашем небольшом городе, где по улицам еще стояли деревянные телеграфные столбы, бывали случаи, когда кошка забиралась на самый верх одного из них, а слезть уже не могла. Так вся улица от мала до велика сочувствовала ей, не зная, как помочь. И звали ее, и выкладывали возле столба еду, в надежде что сплезет, и в конце концов вызывали электрика с завода. А это — оторвать человека от производства. Ради чего? Кошку спасать? Да еще у черта на куличках? Но никто на заводе не отмахивался, в том числе и начальство: «Надо помочь.» Электрик приходил, надевал на ноги железные когти и лез на шестиметровую высоту снимать бедолагу. Дети радовались этому большому веху.

Да, так было и так стало...

Уже за территорией зоопарка, идя по улице, в сквере я увидел кошку. Совпадение — эта тоже была рыжей. Может, та же самая? Да вряд ли, зоопарк остался позади. Кошка, сгорбившись, подогнув передние лапы, сидела на травке и, наверное, думала о чем-то невеселом. У нее были печальные, равнодушные глаза — именно такие, и это видно сразу, бывают у бездомных животных. Они живут среди людей, но никому не нужны. Они сами по себе. А люди зачастую к ним враждебны.

Так уж начался этот день: рыжая кошка в зоопарке, теперь вот тут и тоже рыжая. Я остановился.

—Кыс-кыс... — протянул руку и хотел погладить ее. Но кошка неожиданно распрямылась, будто подобршенная пружиной, и, разъяренная, молча, молниеносно взмахнула лапой. Я отдернул руку. Но поздно — когти были выпущены, из глубоких рваных царапин показалась кровь.

Странно, у меня на эту выходку не появилось даже злости. Я смотрел на кошку в некоторой растерянности. Ну и дела. Как она рассвирепела. Но ведь кто-то может и не дать спуску ей. А чем она виновата? Люди — разные бывают. Наверняка ей уже довелось познакомиться с коварством некоторых особей в человеческом облике, если в протянутой руке она видит только угрозу.

—Что же ты так меня? — вслух спросил я кошку и усмехнулся: не хватало только, чтобы кто-нибудь услышал, с кем я разговариваю. Глаза ее все еще по-

лыхали яростью. «Идешь себе, ну и иди, а меня не трогай», — читалось в них.

А между тем крепко заныли раны: я спохватился, взглянул на руку — кровотокили сильно.

Однако это тебе за зоопарк. Тебе — человеку. Видишь, как может ахнуть?..

Город жил своей жизнью. Люди шли по своим делам: кто спешил, кто празднично шатался; взрослые и дети, старые и молодые. Грустные и веселые, озабоченные и беспечные; одетые с иголочки и в старье, изящно и неряшливо. Они беседовали, смеялись, молчали, ругались, махали руками; кто шел налегке, кто тащил здоровенные сумки и катил тележки; кто манюро рылся в урнах, совершенно не обращая внимания на окружающих, а кто сидел в кафе, усердно шевеля челюстями и с отсутствующим видом поглядывая в окошечко... У каждого своя жизнь, привычки, среда обитания, внутренний мир. На людях человек — один, а остается с собой — другой. И это там у каждого в голове? Чужая душа — потемки.

«Ну да... А помнишь, как однажды кошка забежала в избу с мышью в зубах?..» Как не помнить. Крылатое выражение «кошки-мышки» обрело для меня тогда всю свою неприглядную сущность, лишнюю всякого юмора.

Был солнечный день, снопы света из окон яркой желтизной на большие прямоугольники разграфили половицы пола. Кошка призывно муркнула. Весело подбежал красивый котенок. Кошка выпустила мышь. Та сразу бросилась бежать. Котенок немедленно поймал ее. И вот тут началась игра. Кошка-мать сидит и внимательно наблюдает — у нее функция воспитателя. Она абсолютно спокойна и не вмешивается в игру. Но если котенок вдруг оплошает и упустит мышь, то тут уже кошка не оставит ей шансов на спасение. Не для того она ее ловила. Малыш прижал мышку лапками, а потом отпустил. Она опять наутек. Малыш прыг и лапкой (а коготки-то выпущены) целляет несчастную, но тут же отпускает. Наверно, у мышки колотится сердчишко, сидит, поблескивая бусинками глаз, до жути тоскливо ей, и снова пытается оркнуть в спасительный угол. Но опять: р-раз лапкой, р-раз другой — мышка только кувыркается...

Для одного — забава, для другого — вопрос жизни и смерти. Один — большой и сильный, другой — маленький и слабый. У одного — власть, у другого — бесправие.

А мышка все мечется, у нее одно желание — спастись. Но не суждено. Веселый котенок хуже тирана и не знает жалости. Для него это игра. Но как жестока эта игра.

Так он и замучил свою жертву.

Вот такие кошки-мышки. Замучил и бросил...

Ну да ладно, в животном мире правят инстинкты. Но люди-то разумны. Так почему же их жестокость порой превосходит звериную?

А ведь действительно что-то изменилось. Я не узнавал город, людей. «Болен ты был, что ли? Когда все так успешно переменить?» Эти ларьки, шалаша, забегаловки, крохотные магазинчики на каждом шагу,

работающие по двадцать пять часов в сутки (25?). Выстроившиеся рядами бутылки, пузырьки, тубики, корбочки, баночки — все сияет, переливается. Эти непременные дымящиеся сигареты в руках мило улыбающихся, весело щебечущих девчонок и мальчишек. Эти банки и бутылки с пивом, из которых пьют прямо на ходу, запрокидывая голову, и демонстративно оставляют пустыми посреди тротуара. Дымящийся чай и кофе в пластмассовых стаканчиках, с которыми можно заскочить в проходящий троллейбус или автобус и стоять там, балансируя среди пассажиров (чего уж церемониться?!), в тесноте, да не в обиде. Эти проткнутые уши, носы, губы и что-то еще... «Да ведь я не в джунглях Африки — это соотечественники. Мои соотечественники!» Эти непрерывные звонки телефонов, доносящиеся из всех людских карманов и сумок; неумокающие, громогласные телефонные словозлияния (совсем не для чужого уха), словно вдруг все улицы, магазины, транспорт, бани и даже туалеты в одночасье превратились в один гигантский, орущий переговорный пункт. Эти унылые, немые люди, от которых идет такой дух, что запах зоопарка рядом с ними покажется благовоением. Несчастные бродяги, город вышвырнул их на обочину, но они цепляются за него из последних сил. Этот мат, которым то и дело сдобривается речь людей. Он слышится из уст взрослых, молодежи, детей, как самая обыденная вещь. И все делают вид, что ничего не происходит...

Вдруг? Может быть, ты не выходил в город уже целую вечность? — Да нет же. — Тогда что произошло? — Ничего. — Ничего? Тогда какого черта ты идешь и брюзжишь, будто видишь все впервые? — А что мне делать? Я увидел себя и окружающее как бы со стороны. И поразился. Во мне взбунтовалось неприятие всего этого. Ну не было так раньше... Понимаешь? — И что дальше? Что ты можешь? Ну остановись и заори на них всех, и тебе тут же наломают бока — это в лучшем случае, а в худшем — могут забрать и в милицию за нарушение общественного порядка. Сейчас права человека нарушать нельзя. Тебя примут за психа. — Ну-у. А мои права нарушать можно? — Можно. — Это почему же? — Потому что ты один, а их толпа. — Значит, это права толпы? — Отстань от меня. Что ты цепляешься к слову? — Я не цепляюсь. Давай закончим. Спор-то принципиальный. Так это права толпы? — Как тебе сказать — отчасти да. Скорее это воспитание. Их сейчас так воспитывают. Ты воспитан по-другому. А теперь ты — ты и они, смотрите на вещи по-разному. — Ага, значит, потому отныне я и бесправен? — Выходит, что так. Понимаешь, теперь у людей свобода личности, и она освобождает их от излишней щепетильности: они смотрят на жизнь проще, так сказать, становятся раскованными. — Значит, воспитание подменено свободой? — Нет. Свобода в новом воспитании. — Понятно. Только ведь при такой свободе можно дойти и до непотребства? — Конечно. И оно уже есть. Ты же не все перечислил в своем неприятии? — Ну да... Я коснулся только сегодняшнего утра. Тоскливо что-то стало. Все как-то не так... — А ты встряхнись и не падай духом. — Падай не падай, но думать-то при-

ходится. — Тогда думай. — Вот я и думаю: ведь кто-то занимается этим «новым» воспитанием? — Разумеется. — Но для чего? — А вот на это уж ответ сам. — Да? Хорошо. Но что ты мне посоветуешь? — Живи, как все, и думай, что все нормально. — Вот как? Ловко сказано. Ну, а потом что? — Ничего. Нервы спокойнее будут. — Bravo! Страус в некоторых случаях прячет голову в песок и зачастую жестоко за это расплачивается. — Ишь ты, куда повернул, философ. Так мы никогда не закончим спор. — Закончим. Если придем к истине. — Ладно, валяй. — Знаешь, вдруг вспомнилась одна встреча. — Скажи? — Слягушонком. — А-а... Что-то припомню. Расскажи-ка. — Была осень и здорово холодно. День хмурый, небо затянуто облаками. Сильный ветер и высокая волна. Совершенно пустынное побережье. — Еще бы. Там ведь погранзона? — Ну да... Я шел по самой кромке прибоа. Море бушевало. Шум был такой, что звенело в ушах. Вообще-то мне уже приходилось сталкиваться с подобным явлением и раньше: именно холодной осенью, когда штормит море и дует сильный ветер, а волны, вспучиваясь, обрушиваются на берег, перекатывая гальку и размывая пляж, в прибрежной полосе появляется много лягушат. Из лесу они приходят, что ли? Что их, пресноводных, влечет к соленой воде да еще в бурю? Может, это историческая память зовет туда, откуда вышли их далекие предки? Не знаю. Но что удивительно, среди малышей никогда не бывает взрослых лягушек. Да, а в тот раз мне повстречался единственный лягушонок. Желтовато-бледный, блестящий, он сидел на мокром, холодном песке, и волны чуть-чуть не докатывались до него. Когда моя ступня выросла перед ним, его перенюхав, я увидел распопыренные лапки прикрыли голову. Я замер. Именно так, он подтянул лапки и закрыл ими голову. Была в этом какая-то безысходность, граничащая с покорностью судьбе. Он уже не мог прыгать, ибо от переохлаждения почти оцепенел. Живое существо. Его голые лапки — бледные, с просвечивающей кожей, с распопыренными пальчиками, напоминали человеческие руки. Что он чувствовал, увидев, как перед ним выросло гигантское и враждебное непонятно что? — И ты взял его и отнес в лес? — Да, пересек пляж, поднялся на дюну и оставил в траве среди деревьев. — Зря. Если он припрыгал к морю, значит, там ему было лучше. — Не знаю. Он замерзал и погиб бы. В конце концов волны унесли бы его в море. Он хотел жить. Как он закрыл голову. Сколько трагизма, человечности в этом движении. Его лапки. Это надо видеть. Понимаешь? Мы люди. Чувство сострадания...

Люди... У каждого в голове... Чужая душа...

Проносились машины. Выли сирены. Гремела музыка. Переливались фонтаны. Громады домов: кирпич, стекло, бетон, пластик. Нагретый асфальт. Снующие под ногами голуби с каким-то слипшимся, маслянисто-тусклым оперением, и тут же веселые, бодрые воробьи, похоже, никогда не унывающие. Изредка вспархивающие чистенькие красивые синички, всем своим видом словно говорящие: «А мы здесь пролетом и долго не задержимся...» Шлейфы пыли за громяющими трамваями. Могучие зеленые

великаны-деревья, пережившие столетия, а рядом другие — чахлые, обкорнанные. Лабиринты дорог, тротуаров, протоптанных тропинок. Назойливая реклама, кричащие экраны, мельтешение разноцветных картин: ноги, руки, фривольные позы, несуразные надписи, часто двусмысленные или доходящие до полной бессмыслицы...

Город... Муравейник.

Маленькая девчужка стояла в нескольких шагах от матери и спиной к ней. Наверно, на улице так много интересного?

— Пойдем, доча, — окликнула девочку молодая мама.

Никакой реакции.

— Вон бабай, — мать явно имела в виду меня, — он тебя схватит.

Ноль внимания.

Голос женщины становится плаксивым:

— Пойдем, доча, с мамой.

Что ты будешь делать: девчужка все стоит и смотрит на кашшащу народом улицы.

— Зараза, я кому говорю!..

Да, этого я никак не ожидал от симпатичной щеголеватой одетой мамы.

— Девужка, так выражаться непедagogично да и некрасиво.

«Девужка» смерила меня презрительным взглядом и, подойдя к дочке, схватила ее за ручонку, дернув так, что у той мотнулася голова.

Ну что, вмешался? А ведь я говорил тебе. Бабай. Правильно ты рассуждал: чужая душа — в потемках. Принимайка все как есть. — Да? Нет, это не для меня. — Послушай, ведь жизнь не стоит на месте. Что ты все: «Так не было раньше...» — Но это действительно так. — Пусть так. Однако нельзя войти в одну и ту же реку дважды. Неужели еще и об этом надо напоминать? — Видишь, какой ты: только что назвал меня философом, а сам к чему апеллируешь? Я тебе скажу проще: время все расставит по местам. — Вот именно — расставит. Это уж точно. — Наконец-то ты со мной согласился. И знаешь, нам никак нельзя оставаться в стороне от этого расставания. — Ну молодец! Вот и поспорили. Признаться, именно это и хотелось от тебя услышать. Расставленья... Правильнее будет: расстановки. Но все равно, как прежде уже не будет. — Да, я знаю. И от сознания этого, что так уже не будет, становится очень грустно. Потому что там осталось бесконечно милое, доброе, может быть, трудное, иногда невеселое: испытания, невзгоды, потери (и без этого), но это твоя жизнь, это в памяти твоей, это навсегда с тобой. И никто не убедит тебя, что там было плохо. Твоя совесть не позволит тебе солгать, потому что уйти от себя самого невозможно. Ты можешь сравнивать прошлое и настоящее, честно, без прикрас. Прожитое... Все познается в сравнении. Так неужели ты потерял его? Или у тебя отнялся? Оно окружало тебя, было привычным, и потому ты не обращал на него внимания. Видишь, какой парадокс: потерять — чтобы оценить. — Ладно, ты все-таки не унывай. Капля камень точит не силой, но частым падением — не нами сказано. — Да? Значит, нам по пути.

Я шел, прижимая платок к руке: кровь все еще проступала сквозь него. Дул свежий балтийский ветер. По синему без единого облачка небу, над городом, безмятежно катилось солнце. Какое утро...

Юний ГОРБУНОВ

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы
для биобиблиографического словаря)

Б

БОГДАНОВА Елизавета Никифоровна, авт. воспоминаний.

Учительница, член РСДРП, большевичка. «Из личных воспоминаний». — «Вестн. Саратов. губкома РКП», 1923. № 3. С. 46-47. ИДРДВ. Т. 4. Ч. 2. № 2976.

БОГДАНОВА Н., дет. писательница.

В соавт. с Е. Тихомировой (см.) напис. кн. «Обезьяны, слоны, попугаи. По Брему, Фогту, Жаклоли и др. ист.» Изд. биб-ки «Детск. чтения», М., 1878. 6-е изд. — М., 1914. М.б. она была и издательницей, издала в Москве в 1885 г. «Книгу для чтения маленьким детям от 5 до 7 лет», 1200 экз.

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

БОГДАНОВА Н.И., драматич. писательница 1900-х гг.

БОГДАНОВА Н.Н., журналистка.

Сотр. газ. «Р.Листок» (1890) — Н.Б.

Масанов.

БОГДАНОВА Надежда (псевд. Ada Ney), поэтесса

Масанов.

БОГДАНОВА Надежда Григорьевна, историк.

Сотр. Ленинград. отд. Института истории АН СССР. Выпускница СПб. Высших женских курсов, уч-ца Тургеневского кружка, кот. руководил Н.К. Пиксанов; одна из авторов «Тургеневского сборника» (П., 1915), для кот. написала ст. «Два интимных письма И.С. Тургенева (о Феоктисте Петровне Волковой)» (С. 49-54).

Тург. сб. (Пиксанов); Личные архивные фонды. Т. 3.

БОГДАНОВА Надежда Федотовна, литератор.

Авт. ст. «Сампомощь среди южных американцев». — «Рус. Вед.» 1896, № 107 — Н.Б.

Масанов.

БОГДАНОВА О., издательница.

Издавала в СПб. в нач. XX. Издала, напр., кн.: П.Гейманса «Психология женщины» (СПб., 1911); Клары и Вильяма Штерн «Воспоминание, показание и ложь в раннем детстве». Пер. М. и С. Штейнгауз. (СПб., 1911).

(Продолжение на стр. 29)

Ордена из Кованого сундука

(документальная повесть)

Почему бабушка не улыбалась

На передачу «Героев ищут ордена» откликнулось много детей войны. Искали близких, хотели узнать об отцах (а с годами это желание становится все сильнее). Найти хоть что-нибудь. Поставить крест там, где покоятся кости погибшего за Родину бойца. Читая эти письма, слышавши, как в победном гуле главного салюта застыл истошный вой баб и детей над страшной с фронтовым штемпелем бумагой, не оставляющей надежды.

В первые дни войны из небольшого села Малое Седельниково Сысертского района ушли на фронт 30 работающих мужиков — половина не вернулась назад. Пятеро — из одной, с годами повязанной родственными узами, семьи: Иван Rogoznikov, Николай и Александр Федотовских, Василий и Павел Шпаньковы. Все пятеро погибли за Родину. Но родным сообщили: «В списках убитых и захороненных не значатся». Павел еще успел прислать жене, которую очень любил, и двум малым дочкам несколько писем. Вести с фронта — солдатские треугольники — читали всей деревней. Сообща радовались, если родные живы. Писем ждали, но почтальона — доброго старика Петровича — боялись: в его сумке могла оказаться и... смерть.

В окрестностях старого уральского села с девятнадцатого века добывали красивый розовый камень родонит и золото. Но в войну со всего села и с каждого подворья взимался только продовольственный налог. Облагали податью каждую домашнюю скотину, и в том числе единственных кормилиц — коров. Утром, подоив скотину, женщины торопились на работу, а дети по холодной росе, с голыми ногами — надеть было нечего — тащили на приемный пункт бидоны с молоком.

«Отец мой — Павел Акимович Шпанков — работал старателем, с артелью мыл на речках золото, которым государство рассчитывалось с американцами за машины. Но сами старатели, сколько бы они дорогого песка ни намыли, от этого не богатели. С мамой нашей — Антониной Ивановной — он знаком был с детства, любили они друг друга. Когда маме исполнилось 18, а папе 19 — поженились. Их друзья мне говорили: «Какая это была красивая пара!» Потом

родилась я, через два года, как раз перед войной, сестра — Валентина.

22 июня 1941 года с другими мужиками деревни ушел на фронт и отец. Тогда говорили: «С лошадей на танки, с одной винтовкой на взвод». А в августе 1942-го наш отец погиб. Почтальон принес похоронку днем, мама была на работе в Нижнее-Исетске, в мастерской — там вязали носки и варежки для бойцов. Мы, несмышлениши, бумагу порвали: «Плохое письмо, палка пришлет хорошее». Только страшная весть все равно дошла. Мама, когда горе свалилось, целый год ходила черная.

В военкомате дали дубликат похоронки. Вернее, выдали справку, в которой значилось: «Пропал без вести». А по такой «формулировке» пособие не получалось. Вдруг ваш муж и отец — предатель, сдался немцам? Не помогло восстановить его доброе имя и письмо, пришедшее от сестры милосердия, которая написала нам, что умер отец наш от тяжелых ран в госпитале города Новгород-Вольнска, недалеко от Киева. Он сам продиктовал сестричке адрес, и она выполнила просьбу умирающего. Только спустя десять лет после Победы, маму — Антонину Ивановну Шпанкову — «признали» вдовой погибшего на фронте мужа Павла Акимовича Шпанькова и, наконец, назначили ей пособие на двух детей — 120 рублей.

Про орден отца, который он, не сомневаюсь, заслужил, мама уже не узнает. Вдовья доля нелегка. Она изработалась: руки болели, пальцы пухли, надорвалась за многие годы. Она, как и тысячи наших женщин, заслуживала другой судьбы. Но такое им досталось время.

Подведу горький семейный итог: у маминной мамы Анны Петровны Федотовских ушли на фронт сразу четыре сына и зять — наш папа. У Александра Федотовских остались сиротами двое детей, у Николая — трое. Эта семья сильно голодала, одного ребенка пришлось отдать в детдом. Пособий государство не давало — их отцы официально «пропали без вести». Третий мой дядя — Георгий — пришел с войны большой и в 1947 году умер, дети тоже остались без кормильца. Мы с сестрой трудно росли без отца. А я еще задавалась вопросом: «Почему наша бабушка Анна никогда не улыбалась?»

ПАМЯТНЫЕ МЕСТА ЕКАТЕРИНБУРГА В ТЕЛЕФОНОКАРТИИ

В предыдущей публикации читатели информировались, что в 2003 году екатеринбургским филиалом ОАО «Уралсвязинформ» в эксплуатацию была выпущена серия «Храмы Екатеринбург» из четырех телефонных карт. На них помещены изображения собора во имя святого князя Александра Невского, часовни во имя святой великомученицы Екатерины, Спаса Всемилостивого мужского монастыря и кафедрального собора Вознесения Господня.

В ноябре 2004 года данная серия была продолжена выпуском сувенирного буклета «Православные храмы Екатеринбург» также из четырех карт, исполненных из прозрачного пластика. Номинал всех карт одинаков — 70 единиц, а тираж — всего 300 экземпляров, что сразу перевело эти карты в разряд редкостей. На картах помещены изображения Свято-Троицкого кафедрального собора, храма Иоанна Предтечи, Храма-на-Крови и часовни во имя святого князя Александра Невского. Необходимо отметить, что уже через год были выпущены телефонные карты с этими же изображениями, но на обычном, белом пластике с лицевой стороной стандартного дизайна. Общий тираж карт каждого вида 1600 штук. Автор фотографий и дизайна этих карт, как и карт предыдущей серии — Николай Ржавин.

Несколько слов о самих храмах.

Свято-Троицкий кафедральный собор был построен в первой половине XIX века. В советский период в здании располагался Дом культуры автомобилистов. Полностью храм восстановлен в 2003 году, на нем вновь появились купол и колокольня. Сейчас собор действует как основное культовое учреждение православной церкви в городе.

Храм Иоанна Предтечи, или Иоанно-Предтеченский кафедральный собор, длительное время был главным собором Екатеринбурга и единственным

действовавшим в 1917–1991 гг. Располагается в северной части Ивановского кладбища.

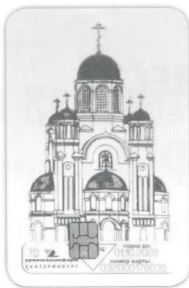
Храм-на-Крови, или Храм-памятник на Крови во имя Всех Святых, в Земле Российской Просиявших, воздвигнут на месте дома инженера путей сообщения Н.Н. Ипатьева, в котором с 17 апреля по 16 июля 1918 года содержался и был расстрелян последний российский император Николай II с семьей. Дом снесли в 1977 году. Строительство храма-памятника было начато в 2000 году, а освящение его состоялось 16 июля 2003 года, в 85-ю годовщину расстрела. В цокольном помещении здания расположены Заупокойный нижний Храм-на-Крови и музей пребывания семьи Романовых в Екатеринбурге, над ними — верхний Храм во имя Всех святых, в Земле Российской Просиявших.

Часовня во имя святого князя Александра Невского сооружена в память отмены крепостного права в России. Часовня была заложена в 1881 г., а ее строительство завершено в 1890 г. Расположена на территории дендрологического парка (ранее — Хлебная площадь).

2005 год ознаменовался для телефонокартии Екатеринбурга выпуском целого ряда малотиражных серий историко-культурного плана. Автором фотографий для них также является Н. Ржавин, которого на этот раз вдохновили уникальные произведения каслинских мастеров из чугуна и предметы быта конца XIX века из собраний областного краеведческого музея, а также памятники Екатеринбургa.

Здание Свердловского областного краеведческого музея по адресу: улица Малышева, 46, имеет еще одно имя — дом Поклевских. Представительный особняк был лишь частью одной из крупнейших городских усадеб второй половины позапрошлого века, принадлежащих выходцам из Польши Поклевским-Козелл. Родоначальник уральской ветви этой торговой династии Альфонс Фомич Поклевский-Козелл был известен как «уральский водочный король» и меценат. Ему принадлежали Талицкий и другие винокуренные заводы, золотые и асбестовые прииски,

В № 11 за 2004 год «Уральского следопыта» была опубликована статья нашего автора А. Макурина «Екатеринбург в телефонокартии». О том, какие же новые карты, посвященные столице Среднего Урала, были выпущены за истекший период, читатели узнают из этого материала.

железодельные заводы, лесные угодья не только на Урале, но и в Сибири и Башкирии. Его именем в 1885 году была названа железнодорожная станция (ныне – Талица). Сегодня музей представляет проект «Окно в старый Екатеринбург», отдельные интерьеры и предметы экспозиции которого запечатлены на телефонных картах: рабочий кабинет, музыкальный зал с роялем фирмы «Беккер», книжный шкаф «Мефистофель» с сюжетами из «Фауста» Гете и диван (все – конец XIX века).

На картах другой серии представлено каслинское чугунное литье: подставка для зонтиков и тростей, канделябр «Водяная лилия», камин из дома Н.Н. Ипатьева, комплект садово-парковой мебели (все также изготовлено в конце XIX века).

Серии «Памятники» составили телефонные карты с изображением скульптур, посвященных подвигу уральцев в годы Великой Отечественной войны. Это связано с тем, что 2005 год является годом 60-летия Великой Победы. В серии представлены карты, на которых запечатлены:

- памятник воинам Уральского добровольческого танкового корпуса. Скульпторы В.М. Друзин, П.А. Сажин, архитектор Г.И. Белянкин (установлен на Привокзальной площади, 1962 г.);

- памятник воинам-спортсменам Урала, участникам Великой Отечественной войны 1941–45 гг. Скульпторы К.В. Грюнберг и В.А. Говорухин, архитектор А.Ю. Истратов (установлен на аллее Дворца спорта, 1996 г.);

- памятник «Седой Урал» – символ Победы в Великой Отечественной войне. Скульптор Г.А. Геворкян, архитекторы С.А. Гладких и Ю.А. Безрукова (установлен на площади Обороны, 2005 г.).

Кроме того, еще на одной из выпущенных карт размещен логотип «ЕКА» – символический значок, напоминающий о том, что Екатеринбург находится практически на границе Европы и Азии (особенно после недавнего установления соответствующей стелы, «привдвинувшей» рубеж двух частей Старого света вплотную к городу). Примечательно, что последовательность первых трех букв в названии нашего города действительно символизирует его уникальное географическое местоположение: сле-

ва, т.е на западе, «Е» – Европа; справа, на востоке, «А» – Азия, а разделяет их «К» – Камень, как иногда называют Уральские горы.

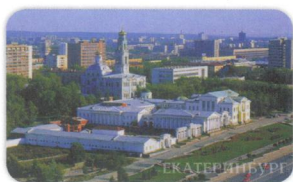
60-й годовщине Великой Победы была также посвящена телефонная карта с изображениями памятника Маршалу Советского Союза Г.К. Жукову и парадной линейки ветеранов. А фотография памятника «Седой Урал» и надпись «Город-труженик, город-защитник» помещены на карте, выпущенной к 282-летию Екатеринбурга.

В этом же, 2005 году – с трехлетним перерывом вновь на телефонных картах появилась фотография с видом на усадьбу Расторгуевых-Харитоновых, а на одной из следующих – фасад отремонтированного киноконцертного зала «Космос». С 30 мая по 4 июня 2005 года в Екатеринбурге проходили «Дни Генуи», что также отразилось в выпуске телефонной карты с видами этой европейской культурной столицы, родины Николы Паганини и Христофора Колумба.

В самом начале 2006 года екатеринбургский филиал ОАО «Уралсвязьинформ» малым тиражом выпустил телефонную карту, посвященную основателю металлургии на Урале Никите Демидову с изображением его портрета кисти неизвестного художника XVIII века из коллекции Невьянского архитектурно-краеведческого музея.

На этой карте, а также на малотиражной серии, фактически рекламирующей племенной питомник «Град Катерины» (четыре карты с фотографиями экзотических собачек), выпуск местных телефонных карт был прекращен или приостановлен. На этом настоял «Связьинвест», объединивший в Национальную таксофонную сеть восемь крупнейших межрегиональных операторов связи в стране и предложивший им пользоваться не региональными телефонными картами, а «Единой таксофонной картой России» (ЕТКР). Такие карты уже несколько лет как эксплуатируются на екатеринбургских таксофонных аппаратах, причем на одной из них есть изображение и екатеринбургского Храма-на-Крови.

Сегодня в истории выпуска свердловских областных и екатеринбургских телефонных карт поставлена еще не точка, а многоточие... Как один из вариантов, карты местного дизайна могут выпускаться

слоготипом Национальной таксофонной сети. А пока данный вопрос не решен, и пауза затянулась почти на год, екатеринбургский коллекционер Алексей Мартынов вместе с автором подготовили подробный каталог телефонных карт Екатеринбурга и области, выпущенных за период с 1996 г. по 2006 г., художник и дизайнер — Н. Ржавин, тираж каталога — 500 экземпляров.

СИМ

Фоторепортаж Максима ФИРСОВА

Светлана БОРИЧ,
фото автора

Фото Евгения Савенко

СПЛАВ

«Сплав» — от корня «плав». Производные — в двух значениях: «плавать» и «плавить». Вот мы и плыли по реке Чусовой, сплавленные в одну команду — юные геологи детско-юношеского клуба «Тропа» и корифей турклуба «Уралмаш». Наш экипаж — от 7 до 70. Это отлично, но очень непросто.

Девчонки принимают внимание мальчишек: одна – в штыки, другая благосклонно, и все потому, что одной одиннадцать, а другой пятнадцать. Нас было 17, и собака Галка в придачу. Внутри команды, как в матрешке, образовались три слаженные группы (у каждой свой катамаран), а внутри этих групп – еще микрогруппы по интересам. Все это сложилось не вдруг, а в сотрудничестве, в необходимости вместе преодолевать трудности климатических и физических условий.

Сначала был дождь. Он начался в ночь перед отъездом и лил, не переставая, несколько дней. Катамараны собирали под мостом; здесь и костер сделали.

Надо готовить обед, а продукты оказались под досками для катамарана. Все перекладываем. Ушедшие за дровами вернулись промокшими до нитки. На сапогах комья глины, как мурашине лапки из бажовского сказа: что ни шаг, то лапки тяжелее.

Пока наш капитан Игорь Петрович священнодействует возле катамарана, Олеся призывает обследовать ближайшие скалы. Мокро, холодно, от костра и на шаг отходить неохота. Все-таки идем. От дождя и от наших сапог расходятся круги на воде. Солнца нет, как с орбиты сошло. Но какая радость ждала нас на скальном выходе! Сразу удачная находка – окаменевшие кораллы. Пытаемся определить их вид и род, чтобы узнать эпоху, когда здесь плескались воды океана.

«Печка»-складка, возникшая от давления Сибирской плиты на Русскую

Нужно добыть образцы, и на помощь нашим геологическим молоткам приходят лом и топор Вадима Николаевича. Добыча, коралл из рода *rugosa*, рассказывает нам, что на месте деревни Харенки было дно океана около 500 млн лет назад, плюс-минус несколько миллионов лет. За эти «плюс-минус» в огромном морском зеркале отражались и меняли свое положение звезды Млечного Пути, кружились парадом планеты, существовали свое пространство и время. А мы нашли древние кораллы и считаем века, как дни...

С берега течение реки — как течение времени. Другое дело, когда точка отчета — идущий с водой катамаран. Тогда чудится, что вода недвижима, а меняются берега и плывет их отражение. Поневоле впитываешь в себя эту мощь кажущейся непод-

вижности, на самом деле непрерывной в своих переменах. Красота Чусовой раскрывает душу человека, пробуждает чувство прекрасного, стремление творить и осознавать себя, мир.

Неожиданно проявились незаурядные способности Антона возиться с младшими, которые не считали себя маленькими. Ксюша заботилась обо всех, и старших, и младших, как мама, Олеся в свои 11 лет оказалась удивительно здоровым человеком и практичным человеком, Виталик в свои 15 — надежней и крепче иного взрослого мужика. Трудно было привыкнуть друг к другу, соразмерить усилия для общего дела. Сначала наш катамаран вместо того, чтобы идти по прямой, двигался рваными галсами от одного берега к другому, и эти зигзаги стали меньше только на третий день пути.

Раззодоренные находкой уникальной фауны всю дорогу, на всех скалах, на сводах и стенах пещер мы искали окаменелости, но безуспешно. Известняки были, как говорят геологи, «немые». В поисках одного наткнулись на другое: нашли археологический раскоп с костями крупных жертвенных животных.

Поднимаемся выше — точно над раскопом перед поворотом тропы ко входу в пещеру обширная площадка, на которой, вероятно, и совершался обряд принесения в жертву животных.

Камень, гора, пещера — действующие лица всех уральских преданий. В левом ответвлении пещеры «три в одном»: в темноте появляется просвет, и за поворотом — дыра, через которую открывается вид на Чусовую. Впереди виден камень Омутной, влево продолжается Дырватый. Ниже по реке — геологический и ботанический памятник природы Олений камень. Дождь поутих, и мы поднялись на него. Среди сплошного леса, уходящего к горизонту, долина реки. Захватывающая величием картина.

А на следующее утро вышло солнце, и его лучи осветили высеченный на камне Писаном крест. Камень назван так в честь рождения сына Акинфия Демидова. Высота креста больше двух метров, ширина полтора. На кресте выбита надпись: «Против сего креста на другой стороне реки, на лугу, где поставлен каменный крест с надписью: 1724 года сентября 8 дня на сем месте родился у статского действительного советника Акинфия Никитича Демидова, что тогда был дворянином, сын Никита, статский советники кавалер святого Святослава, поставлен тот крест по желанию его. 1779 года мая 31 числа». На противоположном берегу из цельного камня такой же крест с почти такой же надписью.

Солнце позволило нам подсушить и собрать палатки, потом небо заволочло и застучал град. 15 минут — и земля

белая, снова холодно, но нам весело. Следующий день — дневка недалеко от устья р. Серебрянки.

В 1581 году, поднимаясь вверх по Чусовой, Ермак искал выход в сибирские реки. Река Межевая Утка оказалась мелководной, и дружина, спустившись на своих стругах вниз по Чусовой, вошла в воды речки Серебрянки.

Снова подъем вверх по течению до впадения в Серебрянку речки Кокуй. Здесь казаки и зазимовали. Эта зимовка названа Кокуй-город. Так прикоснулись мы к истории своего края, добавилось гордости за свою страну, свой народ. Но чистойшая вода Серебрянки славна не только историей. Она несет мельчайшие частицы золота с верховьев и откладывает их на «плотике» — преграде для тяжелых частиц. Здесь, в устье реки, мы намыли шлихи и будем их изучать.

На Серебрянке четко просматривается блоковая тектоническая структура Урала. Видно, что корытообразная долина реки Чусовая и U-образная долина речки Серебрянка разного возраста. До неотектонических подвижек все реки Урала текли строго меридионально, следуя линейным разломам. 18 млн лет назад началось последнее воздымание Урала, появились разломы широтного и субширот-

ного направления и по ним, в зонах дробления и наименьшего сопротивления, проложили свои русла реки. Все повороты Чусовой следуют блоковому геологическому строению, да и сама она перепиливает Уральский хребет (берет начало на восточном склоне Урала и течет с западного) по тектоническим структурам.

Кроме геологических маршрутов на этой первой дневке — наш первый улов, первая уха, много-много грибов и чай из семнадцати трав. Никто в день отдыха не хотел спать, а наутро гребцы «сачковали» и один катамаран отстал от флотилии аж на полтора часа ходу. Немудрено было расслабиться: первый солнечный день, тепло, блаженно. Но за потерю визуальной и звуковой связи экипажей на нас обрушился капитанский гнев. Дальше ребята гребли добросовестно.

Постепенно погода наладилась, мы наконец искупались, снимая водой усталость и раздражение. С каждым днем лучше понимали друг друга, дружнее ставили лагерь, научились легко пилить и рубить дрова и песни наши общие. Были радости, были печали, но радости больше. «Чусва» — «быстрая вода» — смывает с души шелуху, остается золото. Спасибо тебе, красавица Чусовая!

История Светлана Борич — инженер-геолог по образованию, преподаватель высшей категории, ведет занятия с детьми 10-16 лет в ДЮК «Тропа» по своей авторской программе: «Геология: Земля и Космос, природа и общество».

Вадим КАСАТСКИЙ

Мустанг

Узды железо
 Рвет мне пасть,
 Я — на дыбы!
 Не признаю узду я — власть
 Моей судьбы.
 Вонзились шпоры в потный бок.
 Обуздан я?
 Я — на дыбы!
 Не признаю, что повод — бог
 Моей судьбы.
 Меня он шенкелями жмет,
 Не знаю, чья еще возьмет.
 Но я рвану наперекор
 Приказу шпор!
 Он думает, я поскачу?
 Объезжен я?
 Как бы не так —
 Метну в овраг!

Происшествие

Поднял я с тропинки рукою
 Птенца желторотого ласково.
 Растерянный, очень смешной он,
 А в воздухе мечутся ласточки.
 .....
 И нас волновала мучительно
 Распахнутость солнечных далей,
 И мы, чтоб летать научиться,
 Отважно из гнезд выпадали.

Расстрел

И вывели его за город,
 Где дуб венчал собою горю;
 И прислонился дуб к нему.

 Их расстреляли вместе. Дубу
 Досталось меньше пуль. Их грудью
 Своєю принял человек.

 Упал он, и зарыли тут же.
 Дуб выстоял и зной, и стужу,
 Он и теперь все там стоит.

 И раны время затянуло,
 И боль давно уже уснула,
 Но в сердце есть куски свинца.

 Забыть нельзя, а помнить — больно.
 Порою стонет дуб невольню
 Сквозь шелест молодой листы.

Детство корабельной мачты

Будет небеса чертить
 В штормовом кипеньи адском,
 Станет с молнией он встык
 Над простором океанским.
 А пока он тонок, мал;
 Лес! В себе тот прутик спрячь ты,
 Чтобы ветер не сломал
 Детство корабельной мачты.

автор

Вадим Касатский родился в Соликамске Пермской области. Фронтовик, майор в отставке, дипломированный врач. Работал в колымских лагерях «Дальстроя» МВД, в медсанчасти главка «Севрыба» в Мурманске. На 4-м курсе заочного отделения юрфака Ленинградского университета был арестован госбезопасностью. Шесть месяцев — под следствием, допросы в подвалах Мурманской тюрьмы, Лефортовская тюрьма КГБ в Москве, Ленинградская спецбольница и московский институт им. Сербского, одиночная камера — этапы жизни автора. В книге известного диссидента В. Буковского «И возвращается ветер» он фигурирует как «психиатр из Мурманска Ковальский» (находились в одной палате на экспертизе). Осужден на семь лет строгого режима советских политических лагерей в Мордовии. Освобожден досрочно в 1965 году. В 1988 году заявил о несогласии с помилованием в Комиссию ЦК КПСС. Реабилитирован в феврале 1989 года. Инвалид ВОВ, свое 80-летие встретил на парашюте.

Разинская кровь

Мякишем душу мою не назвать;
Корочкой этой подавится черт.
Алость в ней разинской крови жива,
Лобное место воздаст ей почёт.

Мяли, топтали, пытали ее,
Чтобы покорности вырвать слова,
В яму бросали, надеясь, сгниет,
Снова она восставала, жива.

Бунтов и бедствий тревожный набат.
Галочки стаи пугал с каланчи;
Брат Пугачева и Разина брат,
Русским трезвоном тем душу лечил.

Тот, кто податливой душу считал,
Помни, податливость есть у пружин,
Сталью зовется пружинный металл,
Он же идет на мечи и ножи.

Русским родился я, русским умру,
Радость моя – безрасуднейший бунт:
Крыши восход озарит поутру,
Чудится, разинцы Астрахань жгут.

Воспоминания

Отгрохотали годы и события,
Окопы обвалились, заросли.
В бурьяне ребятишки любопытные
Коробку деревянную нашли.

Она была б совсем неинтересная,
Когда бы не железное кольцо.
Мальчишка потянул, в ней что-то треснуло,
Раздался взрыв, огонь плеснул в лицо.

Шумит береза обновленной кроною,
И соловьям приют дают кусты,
Один мальчонка спит, в земле схороненный,
Другой же ходит с рукавом пустым.

Хоть пыль осела, вспугнутая залпами,
Но прошлое походов и боев
Забывтой боли вспышками внезапными
Взрывается в сознании моем.

Боюсь я вас, хоть кажетесь спокойными,
Воспоминаний минные поля!
Здесь пощаженная невзгодами и войнами
Калечится порой душа моя.

Ватник

Век капрона, нитрона, лавсана,
Приблизительной рифмы век,
И кому-то покажется странным,
Если в ватник одет человек.

Часто ватник зовут телогрейкой,
Но и душу умел он греть,
Даже соболю, котике, белке
Так согреть бы ее не сумеет.

Шубки модные вы надевайте
В наш нейлоновый быстрый век,
Но и ватника не презирайте:
В нем человек!

Ночной вызов

Вскочив с постели,
спрашиваю: «Кто?»
Пиджак наброшен
наскоро на спину.
Открыл,
поспешно натянул пальто.
По лестнице сбжевав,
сажусь в машину.
Кому-то я среди ночи
нужен очень,
Кому-то без меня
нельзя прожить.
Прошу у вас, о людях,
я не почесть.
Прошу меня, коль нужен вам,
будить.
Но разве это ночь?
Уже рассвет.
Ледок на лужах,
грязь застыла за ночь.
Тряхнуло. Сна уж больше нет,
И сарафан зари
перед глазами.
И зябко, и пустынно;
город спит.
Я тоже мог проспать такое утро,
Соседями слепыми с толку сбит,
Считая, что живу на свете мудро.
Спасибо жизни,
тряской и безжалостной,
Что мне дала увидеть эту прелесть.
О жизнь!
Всегда меня буди, пожалуйста,
Хотя бы мне
вставать и не хотелось!

Не тороплюсь

*Мне наплевать на бронзы многолюдье,
Мне наплевать на мраморную слизь...*
В. Маяковский

Не для меня Новодевичье,
Ваганьково не для меня,
Все мы куда-нибудь денемся,
Всех сможет земля принять.
И вы в ней место обряцете.
Лежат в деревянных ящиках
Иль мраморной слизью прижатые
Вожжи и вагоновожатые

Трамваев и пароходов,
 Шаек и целых народов.
 Их, когда были живы,
 Выстраивали по ранжиру.
 Когда ж дождались кончины,
 Укладывают по чину.
 Ложитесь, я вам не мешаю,
 Планета наша большая,
 Без очереди не прусь.
 Спешите? Посторонюсь.

Осот

Меж настурциевых красот
 Возвышается дерзко осот.
 Он колюч, непригляден, невзрачен,
 Но смеет на клумбе маячить.
 Вредным стеблем считают его,
 Единомышленника моего.

Он и я — одинаковый сорт,
 Я — такой же осот.
 Нас обоих зовут сорняком.

Сорняком? — это вы о ком?
 Познакомьтесь с моим кулаком!

Что-то есть еще

Воробыи у ног снуют,
 Замарашки гордские.
 Что-то тут они клюют,
 Что-то есть еще в России,
 Не разворовано
 Хозяевами новыми.

Взгляды на историю СССР

Нынче осуждает каждый шибздик*
 Великих дел великие ошибки.
 Процеживает их сквозь сито,
 Называемое «сытость».
 Голодных сытому понять ли?
 И лозунги их неприятны.
 А миллионы с толку сбиты
 Истолкованием событий.

Футурологическое

Нас ждут грядущего потёмки.
 Уходим, не доделав многого.
 Для вас, грядущие потомки,
 Мы заварили, вам расхлебывать
 Все то, что сикось-накось сделано
 Вашими дурными дедами,
 Снабдившими потомков бедами.

Сегодня

I.
 На опустевшие пьедесталы
 Лезут новые постояльцы.
 Лезут, крови чужой не жалея,
 Лезут, власти себе желая,
 Лезут в будущее мавзолеи.

II.
 Телевизионной мачты грация —
 Двадцатый век.
 В подземные убежища
 Вползает человек.

В бетонных катакомбах
 Зреют новые Иисусы —
 Народа моего
 Иисусные ресурсы.

Солнце сквозь дождь

Блеском и плеском воздух полон,
 Громом небесный свод расколот;
 Трещины молний тут и там;
 Солнце сквозь дождь — красота!

Облаков ослепительно яркие
 громады;
 Падают крупные слитки градин;
 Крыши блестят,
 вновь стал пахнуть землей
 Бензином измазаный
 шар земной.

Мир без меня

Мир без меня
 я представить пытаюсь .
 Изменится он, но не очень:
 Юбочки более длинными станут
 Или немного короче.
 Будут обдуривать новые сказки
 Великовозрастных ваших детей;
 Сменятся ваши обличья и маски,
 Будете вы походить на людей.
 Лозунгов наших крикливые краски
 Выцветут.
 Схлынет и дурь свистопляски...

.....
 Чтоб в борозде
 (мы собой удобряли)
 Новые, лучшие всходы взошли,
 Люди!
 Сожгите, чему поклонялись,
 И поклонитесь
 тому, что сожгли!

Откровенность

Прибедняются люди,
 что денег нет,
 Чтобы больше урвать их.
 Про себя же скажу,
 что богат я, поэт,

* Замухрышка (В. Быков. «Русская фея». Смоленск, 1994).

Есть ты у меня
да скрип нашей кровати.

Элегия

Намекают звезды
На возможность счастья...
Трудно жить на свете.
Но с ласковым участием
Лоб мой гладит ветер,
И на возможность счастья
Намекают звезды.

***

В пепле глаз твоих потухших
Раздуваю я огонь
Словом ласковым,
И улыбки из тебя,
Как печенки из костра,
Я вытаскиваю...

Одиночество

Я помню ночь, точнее — рассвет.
Предчувствие каких-то бед
Спугнуло сон беспечной мой,
Как бы шепнув: — Глаза открой!
Открыл я их. А рядом ты,
Как воплощение мечты,
Как невозможность в мире зла;
Бретелька с плечика сползла...
И в это мягкое плечо
Губами ткнувшись горячо
И нежно, чтоб не разбудить,
Я думал: разве может быть,
Чтоб мы расстались навсегда?..
Гремят по рельсам поезда...
Один из них тебя увез,
Лишив меня наивных грез.
Теперь давно один я сплю,
Ни с кем бессонниц не делю;
Закрыв глаза, ищу в ночах
Бретельку, сползшую с плеча.

В электричке

Заря разливалась утренняя,
Словно помои мутная,
Тьма уходила в осадок,
Пряталась в заросли сада.
Наполнили женщины говором
Пустой вагон электрички.
Встретить судьбу свою здорово бы,
Но не было симпатичных.
Менялись обочины радужно,
Словно тайваньские кольца,
А ели темно и безрадостно
Небу дождливому молятся.
Тумана тягучие сопли
Застрали в усах антенных.

Понуро прижались и мокли
Почернелые копны сена.

Зернышки

Зашнурованные души!
Не для вас
Эзотерические сумасбродства
Любовных ласк.

***

Ты говорила: — Помешался!
Люблю тебя! — я соглашался.

***

Томления тела душе непонятны.
Тело поймет ли стремленья души?

***

Запах тела твоего
Мне нащептал мои желания.

***

В цирке дрессирую
даже тигров.
В жизни обстоят дела не так.
Сколько укротительниц погибло!

Экстаз

Душа отделилась от тела. Вернись!
Звучит сладострастный ритм.
Она и не смотрит вниз.
Парит.

***

Волос твоих душистых
русяя метель.
Ее целую. Губы не даешь ты.
— Я кто тебе
— очередная, да? —
Меня словами больно бьешь ты.

Суди меня, но знай,
что больше никогда
Я пред тобой себя не запяtnаю.
«Судить нельзя помиловать» —
вердикт.
Судьбу мою твою
решит здесь запятая.

Мое silentium

*Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои...
Ф.И. Тютчев, Silentium*

Кого люблю, о той молчу,
Хотя базарить мастер;
Кого люблю, о той молчу, —
Не сплунуть бы счастье.

Женщине в мехах

Нахлобучив фауну на голову,
Где всего одна извилина,
Ты оставишь правнукам лишь голую
Планету, обеззверенную, пыльную.

О талантах и звездах

Ты о себе: талантов нет,
И звезд я с неба не хватаю.
На это мой тебе ответ:
О всех талантах я не знаю,
Их тьма; и шить, и песни петь,
Солишь капусту, сделать стих...
Но самый главный среди них
Не может у тебя не быть, —
Зовется он: талант любить.
А звезды я — да наилучшие! —
Сам с неба для тебя схвачу...
— Я от тебя не звезд колющих,
Я от тебя любви хочу!

А зря!

Сытая женщина!
Ноги — не спички.
И колыханье за паузой
видится...
Если ей это скажу откровенно.
Дурочка эта, пожалуй, обидится,
А зря!

А я иду к людям

Ад — это другие.
Ж.-П. Сартр

Если унылые мысли,
Как серые тучи, нависли,
Я иду к людям.
Если сомнений скалы
Обступили, вплотную встали,
Я иду к людям.
Когда изменяют жены,
И тяжел одиночества жёрнов,
Я иду к людям.
Горе душу придавит тупо,
Хрустнет счастье хрупкой скорлупкой,
Я иду к людям.
Если боишься с ума сойти,
Если дальше не видишь пути,
Надо к людям идти.

Дождь

Упали первые капли
На стекло лобовое,
Разверзлись небесные хляби,
И местность заволокло.

Это обычного лета
Нашенские ужимки;
Иду я навстречу ветру
И лбом бодаю дождинки.

После ливня

По лужам — притягивают! —
Мальчишки вышагивают.
Их ждут океаны,
Умерьте ворчливость, мамы!

БОГДАНОВА Ольга Павловна (урожд. Мещерская, в первом браке Рунова; псевд. Рунова, О.П. и др.; 1864 — 1952), писательница.

Жена врача Саратовской губ. Род. в Смоленской губ., а детство провела в Витебской — в родовом имении матери. Оконч. Витебскую женскую гимн. и СПб. пед. курсы. Первое произв. Налеч. в «Неделе» (1887). Печат. в «Саратов. Листке» 1890-1900-х гг. (Джон Ли; Наблюдатель; О.Р.; Рунова, О.); в «Приволж. Крае» (Дротик); в «Волжанине» 1890-1900-х гг. (Разрыв-Трава; Рунова, О.); авт. кн.: «Утреннички и др. рассказы». М., 1905 (рец. в «Рус. Мысли», 1906, № 9, с.225; «Образовании», 1905, № 11-12, с.139); «Летающие тени» СПб., 1-912 (рец. в «Рус бог.», 1912, № 9, С.393-394); «На дежурстве, Фабиола или древние христиане» (изд. «Посредника», 1914); «Лунный свет» Пг., 19-16 (рец. в «Вестн. Евр.», 1913, № 10, с.373; «Рус. бог.» 1917, № 2-3, С.426-428); «Павлюк» (М., 1-905); в «Рус. Бог-ве» ее расск. «Ночью» (1902, № 7); в «Правде» — «Они» (1905, № 1); в «Кн. Недели» — «Как согрешил, так и покался» (1887, № 8); «Цвет очки», рассказ (1890, № 7); сотруд. в «Семье и Школе» (1914); «Неделе» (1887-98); «Женск. Образ.» (1890); «Рус. Школе» (1894); «Отдыхе» (1900); «Рус. Бог.» (1902-03); «Мире Божьем» (1903); «Возрождении» (1908); «Совр. Мире» (1909-15); «Новой Жизни»; «Солнце России» (1911-14); «Огоньке» (1912), в «Лету-чем альманахе» (1922). Авт. оч. «Большая душа: (Н.К.Крупская)» — Рунова О.П. В сб. «Женская лира» (СПб., 1909) — ее стихотв. и портр. О ней: «Наши дни», 1906, № 15 (высылка О.Руновой). Архив Б. (Руновой) — в РГАЛИ: рукописи, письма к ней.

Масанов.

БОГДАНОВА-БЕЛЬСКАЯ Паллада (Паллада) Олимпиевна (урожд. Старынкевич, в замуж. также Пэдди-Кабецкая, Берг, Дерюжинская, Гросс; 1885 — 1968), поэтесса; хозяйка лит. салона в СПб.

Окончила драматич. студию Н.Н.Евреинова. В 1915 году выпустила сб стихов «Амулеты», по словам одного из современников, написанный «под Кузьмина сплошь». Из стихов встает образ утонченной петербургской куртизанки. Б.-Б. была одной из завсегдатаев лит.-артистич. кабаре «Бродячая собака» и ее собственного «салона Паллады» на Фонтанке, пользовалась популярностью в среде русских литераторов. Для многих из них (М.Кузмин, В.Милашевский, О.Морозова, М.Моравская) послужила прототипом героев произведений. Была музой бар. Н.Н.Врангеля, знатока и исследователя искусства XVIII — XIX веков (см. «Барон и муза. Николай Врангель. Паллада Богданова-Бельская». СПб., 2001. В этой книге приведена другая дата рождения Б.-Б. — 1(13) января 1887. В ней же опубликованы стихи сб. «Амулеты», стихи, посвященные Б.-Б., а также биогр. сведения о Б.-Б., полученные от ее родственников).

Русские писатели (портр).

(Продолжение на стр. 53)

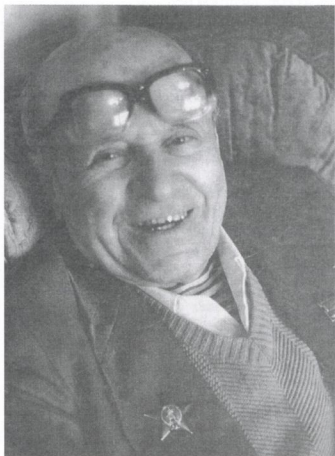
Ученый-физик на ледоколе «Челюскин»

В этом году исполнилось 100 лет со дня рождения И.Г. Факидова, известного физика и полярного исследователя, в течение длительного времени руководившего лабораторией электрических явлений Института физики металлов УрО РАН. Всего четыре года не дожил Ибрагим Гафурович до своего столетия. Его коллеги и друзья помнят этого исключительно доброжелательно человека, прожившего яркую, интересную жизнь.

И.Г. Факидов был в числе первых сотрудников организованного в 1932 г. Уральского физико-технического института (ныне Институт физики металлов УрО РАН). 30 лет он руководил лабораторией электрических явлений. Под руководством И.Г. Факидова создана методика получения сверхсильных магнитных полей, что значительно расширило возможности исследований физических свойств металлов и полупроводников и было открыто структурное превращение в сталях под действием магнитного поля. Это положило начало новому научному направлению в физическом металловедении. Факидову удалось также найти перспективные технические применения импульсным магнитным полям, например, был магнитно-импульсный съем электролитически осажденных металлов с катодов. За многие технические новшества Ибрагим Гафурович был удостоен знака «Изобретатель СССР».

В тридцатые годы (1931—1935 гг.) Факидов как физик-исследователь участвовал в полярных экспедициях, изучая деформации корпуса судна при его движении во льдах и состояние льда на поверхности Ледовитого океана. За заслуги в полярных исследованиях он удостоен звания «Почетный полярник».

Ибрагим Гафурович был участником легендарного прохода ледокола «Челюскин» по Северному морскому пути и сохранил об этом яркие воспоминания. Когда весь экипаж «Челюскина» оказался на льдине, Ибрагим Гафурович предоставил свою палатку физика двум женщинам с маленькими девочками, что и помогло им выжить в тех условиях. Одна из девочек родилась, когда «Челюскин» проходил по Карскому морю. Именно Ибрагим Гафурович дал ей имя Карина. У челюскинцев впоследствии была традиция: каждый год 13 февраля, в день трагической гибели «Челюскина», собираться в Москве в ресторане «Прага». Там Ибрагим Гафурович встречался и со своей крестницей.

Работа Факидова по изучению давления льдов на суда имела большое практическое значение для северных стран. По инициативе А.Ф. Иоффе она была переведена на английский язык и опубликована в журнале «Nature».

В годы войны Факидов по заданию И.В. Курчатова с группой коллег выполнял большую работу по размагничиванию кораблей Тихоокеанского флота.

Прожив столь интересную, насыщенную событиями, жизнь, близко соприкасаясь в работе с выдающимися людьми своего времени (академиками А.Ф. Иоффе, И.К. Кикоиным, И.В. Курчатовым, А.Е. Ферсманом, О.Ю. Шмидтом и другими), Ибрагим Гафурович сохранил в своей памяти уникальную информацию о жизни и людях, щедро делился ею с коллегами и друзьями.

Профессор Факидов в течение многих лет активно занимался научно-педагогической деятельностью. Под его руководством многие сотрудники лаборатории электрических явлений получили ученые степени, достигли высокой квалификации.

Особо хочется сказать о любви Ибрагима Гафуровича к детям. Он знал буквально всех детей во дворе своего дома. Не мог пройти мимо встретившего ему ребенка, не поговорив с ним. Для каждого у него находилось доброе слово и конфета.

Ибрагим Гафурович любил жизнь. Можно сказать, что и жизнь любила его. Ведь у него самого она была долгой и поистине легендарной.

Челюскинцев Факидов не раз был гостем «Уральского следопыта», встречался с читателями библиотеки им. Ф. Павленкова в Верхнем Тагиле.

Дмитрий ЛАЗАРЕВ

ЖАРА

Алан Кар смахнул со лба испарину и раздражено покосился на климатическую установку. Толку от этих штук никаких, а денег дерут! Корпорация «Борей» была монополистом по выпуску кондиционеров в Токарне, задавив всех своих конкурентов в очень доходном, учитывая местный климат, бизнесе. Это могло бы показаться странным, но ходили настойчивые слухи, что за «Бореем» стояла сила, которой невозможно было противостоять. И судя по тому, с какой скоростью было расчищено поле деятельности для новой корпорации, слухи эти имели под собой почву. Естественно, с исчезновением конкуренции качество продукции «Борей» упало. И куда только смотрит антимонопольный комитет?

Алан достал из холодильника бутылку воды и, сделав глоток, поставил ее обратно: несмотря на бешеную стоимость, вода из скважин все-таки имела металлический привкус. «Что вы хотите, — мертвый сезон!» — разводили руками чиновники в ответ на возмущенные вопросы населения. Мертвый сезон! Что за дурацкое словосочетание! Слово «мертвый», пожалуй, слишком соответствует действительности, а вот «сезон» — не очень. Ну можно ли, в самом деле, называть сезоном иссушающее все и вся лето, длящееся тринадцать и пятнадцать месяцев местного года?! Даже короткие ночи не приносили существенного облегчения, но в темноте хотя бы можно было жить. А уж дни превращались в сущий кошмар.

Стоило кому-нибудь неосторожно показаться на улице в светлое время суток, как в него мертвой хваткой вцеплялась испепеляющая жара, казавшаяся живым существом, обладающим какой-то злобной волей. С каждой секундой она все больше сжимала пальцы, по капле выдавливая из человека жизненную силу и прижимая к земле подобно чудовищному прессу. Она убивала в нем жажду жизни, какой-либо деятельности, все чувства, за исключением ужасной, всеобъемлющей усталости, зато пробуждала в душе

самое худшее. Вспышки злости, раздражительности учащались, и только та же усталость не давала им вылиться в насилие... Жара медленно убивала город. Люди жили одной надеждой: дождаться очередного сезона дождей, благодаря которым Токарн пока не вымер полностью. Но каждый из них был короче предыдущего, а жара и сушь в мертвый сезон — все безжалостнее. Вот и в этом году терпение почти у всех было уже на исходе. А ведь с начала очередного лета прошло всего два месяца...

— Ладно, не отвлекайся! — приказал сам себе Алан, отгоняя посторонние мысли.

Работы осталось еще немало, а рассвет, — он взглянул на часы, — уже скоро. Шеф обещал голову снять, если не удастся закончить все сегодня. Не выйдет — придется задержаться, а это значит, что три квартала до дома ему предстоит пройти ДНЕМ. От одной мысли о подобной перспективе Алану стало плохо.

— Черта с два! Работать, работать и работать!

Как будто в ответ на его возглас, дверь тихо приоткрылась, и в комнату заглянула Лита Аш.

— Беседуешь с умным человеком? — иронически осведомилась она.

Алан страдальчески скривился:

— Ради всего святого, не отвлекай меня, Лита! Вот это, — он указал на грудку документов на столе, — мне надо разобрать до утра!

— Сожалеею, но тебе придется сделать перерыв. Шеф зовет!

Он еле слышно застонал:

— Что еще ему от меня нужно?

— А я знаю? — пожалала она плечами. — У него и спросишь.

Обреченно вздохнув, Алан поднялся: стоило поспешить, так как начальник очень не любил ждать. Одна радость — у него в кабинете стояла первоклассная климатическая установка.

Дмитрий Лазарев родился в Свердловске в 1976 году. Получил высшее техническое образование (механико-машиностроительный факультет УПИ). С 1999 года работает инженером-конструктором на Уральском оптико-механическом заводе. Тягу к фантастике самых разных жанров, признается, испытывает с детства. И все же некоторые предположения отдает фэнтези и мистике. Сочинять пытался еще в старших классах школы, но только два года назад решил всерьез заняться литературным творчеством. С сентября 2004 года является членом КЛФ «Радиянт». Публиковался в журнале «Порог».

— Вызывали, босс? — спросил он, приоткрыв дверь кабинета.

— Алан! Заходи, заходи! Есть разговор.

Глава финансового отдела Барт Лонг сидел в кресле в довольно вальяжной позе, которая свидетельствовала о том, что шеф не уработался. «Еще бы! — раздраженно подумал Кар. — Работенка — не бей лежачего! Все за него замы делают... и такие, как я».

— Да ты присаживайся! — радушно предложил Лонг. — В ногах правды нет.

— Но у меня документы по друнгскому делу, — заикнулся было Алан.

— Садись, говорю! — уже жестче сказал шеф. — Друнгское дело подождет.

Это было что-то новенькое. Ведь не далее как вчера Лонг рвал и метал по поводу того, что оно до сих пор не закончено.

— Итак, — без предисловий начал он, когда Алан опустился в кресло напротив, — в нашем лейдском филиале положение — хуже некуда. Резко упала эффективность. Надо их там пришпорить. Я долго думал, кого туда отправить, и пришел к выводу, что лучше тебя никого не найти.

— Спасибо за доверие, — кисло улынулся Алан: его совсем не вдохновляла перспектива командировки.

— Не за что. Дела там, как я понимаю, весьма запущены, так что разгребать их придется долго, хотя, надеюсь, не слишком. Трех недель тебе должно хватить. Вот здесь, — он подтолкнул к Алану довольно пухлую пластиковую папку с документами, — вся информация, которая может понадобиться. Перед сном изучишь. А завтра вечером — садись на моно и дуй в Лейд.

Алан взял папку и взвесил в руке. Довольно тяжелая... Очевидно, отсутствие энтузиазма по поводу предстоящей поездки отразилось у него на лице, так как шеф, усмехнувшись, сказал:

— Ты в курсе, что Стокс уходит?

— Что-то слышал, — осторожно сказал Алан.

— Так вот, хорошо справишься в Лейде — займешь его место. Подумай об этом на досуге. Можешь идти.

Да, подумать было о чем. Все-таки второй зам Лонга — это не хухры-мухры! Вот только слишком хорошо Алан знал своего шефа. В его обихождении было дразнить подчиненных перспективой скорого повышения. И они, как пресловутый осел за морковкой, шли туда, куда хотел Лонг. Вот только чаяния их не всегда сбывались.

Точнее — почти всегда не сбывались. Причем Лонг всякий раз ухитрялся повернуть дело так, что подчиненный сам оказывался виноват в том, что новая должность или повышение в зарплате проплыли мимо его носа.

В общем, особых иллюзий Алан не питал. Но ехать в Лейд все равно придется, ибо иначе можно запросто потерять место: Лонг был скор на расправу с не угодившими ему подчиненными. Кроме того, жена Кара уже две недели как вылетела со своей работы...

Весь во власти мрачных мыслей Алан вошел в свою комнату и сел за стол. Посмотрел было на папку по лейдскому филиалу, но, подумав, отложил ее в сторону. Успеется. А вот друнгские документы все-таки нужно разобрать. Командировка — командировкой, а этого задания никто не отменял. Несмотря на то, что возня с оценкой имущества приобретаемой «Каратом» обанкротившейся мелкой компании в Друнгском районе уже давно сидела у него в печенках, Алан твердо вознамерился ее завершить. В конце концов, это вопрос его профессиональной чести. Только ему удалось сосредоточиться, как дверь открылась, и в комнату вновь проскользнула Лита.

— Ну, что, зачем вызывал? — любопытствовала она.

Алан вздохнул: похоже, не судьба ему закончить дела до рассвета. Но отшивать Литу Аш не хотелось. Во-первых, эта реактивная блондиночка была неплохим человеком, а во-вторых — секретаршей шефа. К тому же она очень хорошо относилась к нему, Алану, и это следовало ценить.

— В командировку посылает, — пробурчал он.

— И куда?

— В Лейд.

— Да ну?! — ее глаза округлились. — Вот это да! Везет же тебе!

Алан подозрительно посмотрел на нее:

— Издеваешься? Что я забыл в этом захолюстье?

Он раза в два меньше нашего Диара. Там, наверное, после работы и отдохнуть негде.

— Ты не представляешь, как ошибаешься!

— Так просвети меня. — Разговор постепенно начинал все больше интересовать Алана.

Девушка оглянулась, встала, плотно прикрывала дверь и, вернувшись к нему, заговорщически сообщила:

— Там прохладно!

— Что? — Алану показалось, что он ослышался.

— Прохладно там, говорю. Как в сезон дождей. И вода есть. Нормальная. В озере.

— Брось сказки рассказывать! Я же не ребенок, в самом деле...

— Это правда!

— Тогда ты явно перегрелась! Может, тебе в приемную кондиционер получше поставить?

— Можешь мне не верить, — усмехнулась она. — Приедешь туда — сам убедишься.

— Но с чего вдруг? Лейд южнее Диара на 80 миль.

— Не знаю. Феномен природы!

— Тогда почему об этом никто не знает? Там же курорт нужно организовать!

— Тсс! Никто не знает, потому что кто-то не хочет, чтобы знали. Кто-то, у кого много власти или денег... или того и другого. С недавних пор Лейд — закрытый город. Туда мало кто ездит. Только по блату. А тем, кто оттуда возвращается, ставят гипноблок.

— Что?!

— Да тише ты! Гипноблок. Чтобы они никому не могли рассказать о лейдском климате. Ты не задавал себе вопрос, почему тамошние представители все время сами сюда ездят, а в Лейде никто из наших не бывал?

— Ну... Может быть... Тогда откуда ты знаешь? И почему можешь говорить об этом?

— Неважно. Узнала я случайно. А говорить могу, потому что никто не знает о моей осведомленности. Сидела и молчала в тряпочку, пока ты не сказал про командировку. Вот и не выдержала... Душу бы продала, чтобы туда уехать! — На ее лице появилось мечтательное выражение. — И не в командировку, а насовсем, жить!

— Ничего не понимаю... Тогда почему шеф меня туда отправляет?

— Не знаю. Ценит, наверное. А может, лейдские совсем зарвались от бесконтрольности, вот он и отправляет тебя, чтобы хвост им прижать.

— Ну да! — иронически усмехнулся Алан. — Нашла большого специалиста по прижиманию хвостов!

— Ты — большой специалист в своем деле, — возразила Лита. — Тебе трудно заморочить голову. Да и характер у тебя есть. Можно что угодно говорить о шефе, но он не дурак. И в людях разбирается. Держу пари — вот в этой папке есть документы, наделющие тебя довольно большими полномочиями. Только, чур, о том, что ты сейчас услышал про Лейд — ни-кому! А в случае чего — этого разговора не было!

— Само собой! — в голове Кара царил полный сумбур. Он все еще не мог поверить, что ее рассказ — не розыгрыш.

— Да, Алан! — спохватилась Лита. — Если у тебя вдруг получится закрепиться там, ты не забудешь обо мне?

— Да как я там закреплюсь? Лонг за уши оттуда выдернет, даже если я на коленях буду умолять оставить меня там!

— Как знать, как знать, — загадочно улыбнулась Лита. — Так ты обо мне вспомнишь?

— Клянусь! — он поднял правую руку ладонью вперед.

— Ладно, верю! — засмеялась она. — Ну... удачи тебе!

***

Если кондиционеры в офисе компании «Карат», где работал Алан, оставляли желать много лучшего, то в вагонах моно и вовсе стояли бракованные климатические установки. Они, казалось, совершенно не охлаждали воздух и даже гоночили его как-то лениво. Счастье еще, что моно ходил только по ночам: днем бы он превратился в раскаленную душегубку.

Алан достал из чемодана папку по лейдскому филиалу. Накануне он бегло ознакомился с ее содержанием и действительно обнаружил документы, дающие ему право на осуществление самых доскональных проверок его деятельности. Компания «Карат» была горнодобывающей. Но добывала она отнюдь не железную руду и даже не золото. Ее целью был совершенно специфический ресурс — климатические кристаллы, необходимые всему Токарну не меньше, а может, и больше, чем железо. Именно они являлись основной частью конструкции климатических и холодильных установок, без которых выжить в этом мире было абсолютно невозможно. А объяснялось это их уникальным свойством: под воздействием слабых электромагнитных полей в них происходили процессы преобразования кристаллической решетки с поглощением тепла из окружающего пространства, в результате чего воздух в помещении охлаждался и вдобавок озонировался. Конечно, кристаллы не были вечными, но ресурса

одного среднего кристалла, установленного, например, в кондиционер, хватало в среднем на два-три года. И что особенно важно, в Токарне обнаружилось весьма много месторождений этого уникального минерала.

Естественно, за эти месторождения началась острая конкурентная борьба. Компании «Карат», правда, не удалось, подобно «Борею», задвигать всех конкурентов, но вот стать крупнейшим добытчиком кристаллов в Токарне получилось. Понятно, что «Борей» стал единственным их потребителем. Из документов, находящихся в папке, было видно, что прибыли в лейдском филиале «Карата» резко упали, а вот зарплаты — выросли. Следовательно, существовала большая вероятность крупномасштабных махинаций руководства филиала, и, скорее всего, это было связано с поставками кристаллов «Борею».

«Ничего, разберемся!» — подумал Алан. Может, он и не детектив, но на бухгалтерии и различных сделках собаку съел. Его на мякине не проведешь! Он взглянул в окно. Там, насколько позволял видеть свет из окон моно и тусклое сияние Хорта — ночного светила Токарна, тянулся довольно безрадостный пустынный пейзаж. Особенно удручало то, что далеко не вся эта пустыня зазеленеет в сезон дождей. Причем с каждым годом площадь зеленых областей все уменьшалась и уменьшалась.

Мысли Алана переключились на другое. Ему вспомнился последний перед отъездом разговор с женой. Сказать, что Шейла была недовольна его предстоящей длительной командировкой — значит ничего не сказать. С его слов она прекрасно знала характер Лонга и тоже сильно сомневалась в том, что Алан извлечет из этой поездки какую-либо пользу для себя. А тот факт, что выбора у него практически не было, еще больше нервировал ее. В Диаре высокооплачиваемую работу можно было найти лишь в «Карате», «Борее» да еще в администрации региона. Но чтобы туда попасть, нужны серьезные связи, которые у них, увы, отсутствовали. Так что пришлось примириться с ситуацией. Для Шейлы с ее гордым и самолюбивым характером, из-за которого она, кстати, и не могла удержаться ни на одном месте больше года, это было хуже горького аака¹. Их разговор проходил на повышенных тонах и закончился ее слезами. Но, так или иначе, он ехал в командировку, а жена его пока не бросила. Что же, не так уж все и плохо. А если вдобавок рассказ Литы о Лейде, о котором он благообразно ни слова не сказал жене, окажется правдой...

***

То, что моно-станция Лейд оказалась посреди пустыни и вокруг, сколько хватало глаз, не было ни малейшего признака города, косвенно подтверж-

дало слова Литы о его засекреченности. Очевидно, эту обездную моно-ветку провели не так уж давно: путь казался сравнительно новым.

Алана ждали: у станции стоял светло-серый слайдер, а он был единственным пассажиром, вышедшим здесь. Да, Лейд явно не пользовался популярностью. Дверца слайдера с водительской стороны открылась, и оттуда вышел лохотенный брюнет лет тридцати пяти, одетый в серые брюки классического фасона, белую рубашку и легкие туфли. Почему-то Алан был уверен, что в слайдере у брюнета остался пиджак, снятый по случаю жары на станции: в его одежде чувствовалась какая-то незавершенность, а брюки казались частью костюма. Если он прав, то это еще один маленький аргумент в пользу Литы: в Диаре все почти забыли, что такое пиджаки, и вспоминали о них лишь в сезон дождей. А здесь, выходит, они нужны...

Ответив на приветственный жест брюнета, Алан не спеша направился к слайдеру: следовало держать марку представителя головной конторы. Хотя сильно медлить не стоило: солнце уже начало подниматься над горизонтом, и жара скоро станет невыносимой.

— Здравствуйте! — брюнет протянул руку, и Алан пожал ее. — Мое имя Дэйн Мор. Я — заместитель директора филиала.

— Алан Карл, — представился гость, не сумев скрыть удивления: водителя в машине он не разглядел, а значит, зам. директора один приехал встречать его.

Правильно истолковав удивление Алана, Мор с улыбочкой пояснил:

— Засиделся я в офисе, знаете ли. Захотелось проветриться. А тут еще такой повод: инспектор из головной конторы приезжает!

— Я не инспектор, — поправил его Алан. — Я, скорее, финансовый аналитик. И моя задача — помочь вам решить ваши проблемы.

— Как скажете. — Взгляд Мора явно давал понять, что он ни на секунду не поверил бесхитростной лжи Кара. — Поехали?

Алан кивнул и сел на переднее сиденье. Мимолетно он бросил взгляд назад и удовлетворенно улыбнулся: его догадка оказалась верна — пиджак Мора, аккуратно сложенный, лежал сзади. Слайдер плавно тронулся с места.

— Надолго к нам? — небрежно, как бы между прочим, поинтересовался Мор.

— У меня командировка на три недели.

— Ясно. Думаю, скучать вам у нас не придется.

— Вы о работе или...

— Или. Впрочем, сами увидите.

— Интересно... — задумчиво произнес Алан.

— Что?

— Почему у вас так сократились прибыли? Неужели упал спрос на климат-кристаллы?

— Как ни странно, да.

— С чего вдруг? Климат изменился?

¹ Алак — очень горькое целебное растение, произрастающее в горных районах Токарна и цветущее в сезон дождей.

Мор бросил на него быстрый взгляд и, удостоверившись, что собеседник шутит, улыбнулся и пожал плечами:

— Тут, возможно, оказали влияние различные факторы. Во-первых, у «Борея» небольшой кризис...

— В это трудно поверить, — скептически заметил Алан, — учитывая, что они — монополисты в своей области.

— И тем не менее это так. А во-вторых... Впрочем, с этим фактором вам проще будет разобраться на месте.

Алан промолчал. Иного ответа он и не ожидал. Его фраза об изменении климата, замаскированная под шутку, была чистой воды провокацией, целью которой было понаблюдать за реакцией Мора. Результат наблюдения дал ему очередную пищу для размышлений. Неужели рассказ Литы все-таки правда?

— Где я буду жить?

— Для вас забронирован отличный номер в гостинице «Северный ветер». Вам понравится.

Некоторое время они молчали. Всеми предыдущими наблюдениями и разговором с Литой Алан Кар был в какой-то степени подготовлен к тому, что он может увидеть и почувствовать в Лейде. Но все же когда он увидел ЭТО, то испытал шок, избавивший его от необходимости имитировать изумление. ЭТО

было зеленой травой. Обычной зеленой травой, шелковистый ковер которой внезапно сменил выжженную солнцем пустыню. Алан, разумеется, уже видел траву раньше, но то, что было естественным и обычным в сезон дождей, сейчас, в разгар мертвого сезона, выглядело посланием из другого мира, неизвестно какими ветрами занесенным на Токарн. Кар бросил взгляд на Дэйна Мора. Тот, облегченно вздохнув, опустил боковые стекла, и свежий ветер тут же ворвался в кабину слайдера.

— Ч-что происходит? — с трудом совладав с голосом, спросил гость.

Мор довольно усмехнулся:

— Удивлены? Все сначала удивляются. По-научному это называется локальной климатической аномалией.

— Но как?! Отчего?

— Понятия не имею, — пожал плечами Мор. — Но нам этот климат нравится.

— Вполне вас понимаю, — с немного безумной улыбкой произнес Алан. — Да тут нужно курорт организовать! Деньги рекой потекут!

Мор поморщился:

— Это — палка о двух концах, Алан. Вы позволите так вас называть?

— Да ради бога...

— Так вот, деньги — деньгами, но то, что споконной жизни нашего города в этом случае придет

конец — это точно. Поэтому, хотя и не только, правительство приняло негласное решение — сделать Лейд заповедной зоной.

— То есть?

— То есть закрыть доступ в город всем, кроме его жителей, которым были выданы специальные удостоверения, и отдельных VIP, список которых правительство ежегодно предоставляет нашему муниципалитету.

— Иными словами, это все-таки курорт, но для избранных.

— Именно, — подтвердил Мор. — Что касается остальных граждан, то они могут посещать Лейд, только получив особое разрешение.

— Вроде этого? — Алан извлек из папки с надписью «Лейдский филиал» нечто, напоминающее пластиковую кредитную карточку.

— Точно. Ваш шеф (господин Лонг) в курсе наших порядков. Когда он сообщил, что собирается отправить вас к нам в командировку, мы оформили разрешение и выслали ему. Кстати, совету я всегда иметь его при себе... во избежание недоразумений.

— Нет проблем. А как вам удалось добиться того, что слухи о Лейде до сих пор не поползли по Токарну?

— Ну, во-первых, как вы уже знаете, была проведена объездная ветка моно, проходящая вне зоны Лейда. Во-вторых, на всех подъездах к городу стоят блокпосты, заворачивающие проезжающих. Так что кто попало к нам не проникнет.

— А как быть с теми, кто побывал у вас и уехал? Им-то что мешает растрезвонить всему свету о вашей локальной климатической аномалии?

— С таких мы берем подписку о неразглашении.

— А если слухи все-таки пойдут, как вы узнаете источник утечки?

— У нас есть способы, — скупно улыбнулся Мор.

— И что бывает за разглашение?

— Ну, мы все равно сможем перекрыть доступ в Лейд широким массам. Просто эта задача станет несколько более сложной... Что же до виновника, то, во-первых, он навсегда лишается права посещения нашего города, что само по себе является весьма суровым наказанием для того, кто побывал в нем хоть раз и знает, ЧТО теряет...

— А во-вторых?

Улыбка Мора стала чуть напряженней:

— Давайте не будем о грустном, ладно?

***

Радушие, с которым Алана встретили в лейдском филиале «Карата», было настолько фальшивым, что выглядело почти издевательством. К концу первого рабочего дня ему казалось, что его спина, просверленная в паре десятков мест недружелюбными взглядами местных сотрудников, превратилась в дураглад. В любом другом городе это обстоятельство выбило бы его из колеи, но здесь его настолько переполняет

восторг от поистине райского климата, что он почти не обращал внимания на столь явное неприятие своей персоны. Да и сосредоточиться на работе в столь комфортных условиях, когда не нужно поминутно вытирать пот со лба и обмахиваться пластиковым веером, которые в обязательном порядке имелись в каждом офисе Диара, было на порядок легче.

Что же касается самой работы, то разбираться в предельно запутанных финансовых отчетах и документации оказалось подвигом, сродни чистке Авгиевых конюшен Гераклом. Если злоупотребления и присутствовали, то местные мошенники, отнюдь не надеясь на изолированность Лейда, заматали следы столь умело и старательно, словно они проделывали свои делишки в головной конторе.

Алан, впрочем, не отчаивался. Он, помимо того, что был специалистом своего дела, горячо любил детективы и был твердо убежден, что идеальных преступлений не бывает, особенно в финансовой сфере. След всегда остается. Требовались только внимание и терпение, чтобы его найти. Кстати, того и другого у Алана Кара имелось предостаточно...

Конечно, в первые дни ему приходилось тяжело, так как Лейд, в отличие от Диара, по вполне понятным причинам работал днем, а отдыхал ночью. Столь коренная ломка своих биоритмов недешево далась Кару. Но это было единственным, что несколько омрачало его восторг от пребывания в столь замечательном месте. Когда же он, наконец, приспособился к местному режиму, ничто более не мешало ему наслаждаться Лейдом в полной мере.

Каждый день он с нетерпением ожидал вечера, когда можно будет отправиться на берег озера, которое поначалу казалось ему миражом, порожденным его измученным за долгие годы жестокой жары мозгом. И только когда он окунулся в прохладные воды и посидел на берегу, подставив лицо дующему с озера свежему ветру, он с восторгом поверил в его реальность и не хотел отныне другого счастья, как приходить сюда вновь, и вновь, и вновь...

Главное отличие Лейда от Диара, да и всего остального Токарна заключалось в том, что здесь можно было ЖИТЬ, в то время как там приходилось ВЫЖИВАТЬ. Сбылись его самые невероятные мечты. Алану казалось, что он попал в рай.

Единственное, чего ему не хватало в этом раю, это Шейлы. Был, правда, короткий период, когда он стал реже вспоминать о ней. Она была частью той жуткой реальности, которую он оставил и о которой думал с содроганием, правда, очень приятной ее частью, помогавшей ему мириться со всем остальным. Он звонил ей. Сначала каждый день, затем реже, а потом... на восьмой день пребывания в Лейде его захлестнула щемящая тоска. Алан позвонил домой прямо посреди ночи, и они проговорили около двух часов. Их разговор явно слушали, так что он не позволил себе ни словом обмолвиться о климате Лейда... Но Бог свидетель, как же ему хотелось, чтобы

она оказалась рядом и смогла разделить с ним восторг, который он испытывал, живя здесь!

Время шло. Однако Алан не даром ел свой хлеб. И по мере того, как он, уцепившись за тоненькую ниточку, найденную в финансовых отчетах, начал постепенно разматывать клубок довольно масштабной аферы, по-видимому, и явившейся причиной столь низких прибылей филиала в последнее время, в голову стали все чаще приходить ужасающие его мысли о неизбежном возвращении в Диар. В адское пекло раскаленной пустыни, в царство размякшего от жары и пружинящего под ногами асфальта, в душные ночи и испепеляющие дни, когда нервы не выдерживают круглосуточного испытания жарой и жаждой, от которой трескается небо и иссушается душа, когда спасает лишь крохотная и призрачная мечта — дожить до следующего сезона дождей. Мечта, которая одна на всех и которую уже почти убила тоскливая безнадежность. Каждый раз, увидев это во сне, Алан просыпался с горькой мыслью, что скоро его кошмар станет реальностью.

Одного он не знал: достанет ли у него сил вернуться в Лимбо² из райских кущ.

***

Он нашел... Нашел разгадку, разматал клубок, раскрыл аферу. Иными словами, выполнил поставленную перед ним задачу. Конечно, не все было в документах. Пришлось походить по городу, пообщаться с людьми. Разумеется, ему не говорили всего, так как он был здесь чужаком. Но оппозиция есть в любом, даже самом благополучном обществе. Крупные компании, вроде «Карата» или «Борея», просто не могли не иметь завистников и недоброжелателей, которые внимательно наблюдают за ними и терпеливо ждут момента, когда они оступятся. А если эти недоброжелатели, к тому же журналисты, то они просто носом землю роют в поисках компромата и, как правило, его находят...

Алан повезло найти как раз такого. Точнее, такую... Ее звали Нэн Гард. Она люто ненавидела обе компании и сумела раскопать информацию, которая помогла Кару связать воедино все не согласующиеся места из финансовых отчетов «Карата», а также довести до логического завершения цепи умозаключений, выстроены им на основе изучения документации. Ей он, конечно, свои выводы не сообщал, да еще и денег дал, чтобы оступить ее был: начни она об этом писать, неизбежно пострадала бы репутация «Карата», чего Алан, как сотрудник этой компании, конечно же допустить не мог. Проблему можно решить тихо, внутри «Карата», не вынося сор из избы.

Теперь Алан знал все и испытывал по этому поводу смешанные чувства. С одной стороны — удовлетворение профессионала от хорошо сделанной работы, с другой — тоску, почти отчаяние от того, что

пребывание его в этом сказочном месте подходило к концу.

Вздохнув, Кар вышел из комнаты, которую ему предоставили для работы на время командировки, и двинулся к кабинету Дэйна Мора. В течение всего времени пребывания в Лейде именно с ним он общался наиболее часто и даже несколько сблизился с этим раскованным, умным и в меру циничным человеком. Он казался Алану наименее фальшивым из всего персонала филиала, хотя, может быть, просто лучше других притворялся... Так или иначе, но общий язык они нашли.

— Дэйн, нужно поговорить, — произнес он, входя.

— Нет проблем! Только знаешь, — Мор взглянул на часы, — рабочий день заканчивается. Может, в бар пойдем? Там и поговорим.

— Но разговор серьезный, — возразил Кар.

— Тем более. Такие разговоры лучше вести в баре, а не в офисе, ты не находишь?

— А, ладно! — Алан махнул рукой. Он уже успел убедиться, что переупрямит Дэйна — задача трудновыполнимая.

***

Бар «Посейдон» располагался неподалеку от лейдского филиала «Карата», а потому являлся излюбленным местом отдыха его сотрудников. Для разговора, который собирался завести Алан, это было бы совершенно неприемлемо, если б не наличие там «приватных» кабинок с надежной звукоизоляцией. Одну из таких и заняли мужчины.

Алан бросил неодобрительный взгляд на выпивку, заказанную Дэйном.

— Сидеть в баре и не пить — противоестественно, — назидательно заметил Мор, перехватив его взгляд. — Закажи вино, оно здесь отличное.

Вздохнув, Алан последовал его совету. Вино, впрочем, действительно оказалось замечательным — он давно такого не пил. Но сделав маленький глоток, Кар отставил бокал: ему нужна была трезвая голова. Мор же, напротив, отдал должное заказанному им виски, осушив рюмку до дна.

— Ну, для начала серьезного разговора — хватит, — изрек он, слегка поморщившись от крепости напитка. — Итак, я тебя внимательно слушаю.

— Ты ведь знаешь, зачем я здесь? — спросил Алан.

— Разумеется, — Мор закусил ломтиком копченого сельда³ и, погасив иронические искорки в глазах, произнес: — Помочь нам решить наши проблемы.

— Но чтобы решить их, нужно было сначала определить, в чем именно они заключаются, — не заметил иронии Кар. — Что же, могу сказать: я это сделал.

— Поздравляю! — широко улыбнулся Дэйн, наполняя свою рюмку. — Давай выпьем за это!

² Лимбо — преддверие ада.

³ Селл — деликатесный моллюск, обитающий в немногочисленных токарских морях.

— А тебя не развезет? — озабоченно спросил Алан.

— Меня трудно напоить, — отмахнулся Дэйн. — Итак, за твой успех!

Они чокнулись и выпили. Алан — немного, а Дэйн — вновь до дна.

— Итак, что ты выяснил?

— Что у вас нет проблем.

— Да ну?! — удивился Дэйн. — Так это же замечательная новость! За это надо...

— Зато они есть у нас как у головной конторы, — перебил его Алан, — и у многих потребителей продукции «Борея».

— Что ты имеешь в виду? — нахмурился Мор.

— Согласно изученным мною документам, у вас довольно большой отход дефектных кристаллов, — начал пояснять свою мысль Алан. — Отвалы же вокруг шахт далеко не так велики, как можно было бы подумать, глядя на цифры указанного отхода.

Дэйн слушал, не перебивая. И Алан продолжил:

— Объем сделок с «Бореем», опять-таки по вашим отчетам, уменьшился, в то время как выпуск продукции этой компании, непосредственно завязанный на количество поставляемых вами кристаллов, против ожиданий, не только не упал, но и существенно вырос. А между тем других поставщиков здесь, в Лейде, у них нет. Я поговорил кое с кем, и мои выводы оформились окончательно. Разгадка оказалась очень простой.

— Горю желанием услышать, — пробормотал Мор.

— Так вот, — сказал Алан, пропуская его саркастическое замечание мимо ушей, — вы специально уменьшили продажу «Борею» качественных кристаллов, искусственно завысив отбраковку. Однако фактически «Борей» получал прежние объемы сырья. Дело в том, что они стали покупать у вас дефектные кристаллы за половинную стоимость. В своих отчетах вы их проводили по статье отходов, а для «Борея» оформляли липовые сертификаты качества. Те же, пользуясь положением монополиста, нагло ставили некондицию в свои климатические установки, получая с этого немалую прибыль. Но, как всегда бывает в таких случаях, вас сгубила жадность: навчав с небольшого процента ложной отбраковки, вы зарвались и возбудили подозрения Лонга.

— Воображение у тебя богатое, — хладнокровно заметил Мор. — А что, по-твоему, мы делаем с забракованными качественными кристаллами? Украшаем ими свои квартиры?

— Ну зачем же так? Вы их тоже загоняете «Борею», только за наличные. И факты этих сделок не отражаются ни у вас, ни у них. А у «Борея» к тому же еще и растут объемы продаж... Короче, им хорошо, и вам хорошо... Плохо нам, головной фирме, теряющей прибыль из-за того, что у вас падают легальные поставки продукции, плохо государству, недополучающему налоги, и плохо населению, при-

обретающему у «Борея» дорогую, но некачественную технику. Расклад ясен?

— Bravo! — восхитился Дэйн. — Какая блестящая логическая цепь! Не знал, что ты так умен! Преклоняюсь! Снимаю шляпу! Давай выпьем за твой могучий интеллект!

— Мне кажется, ты не совсем понимаешь серьезность ситуации.

— Так просвети меня, темного! Но сначала давай все-таки выпьем за тебя!

Они чокнулись и выпили.

— Ну, теперь продолжай, — сказал Дэйн. — А впрочем, подожди. Дай я сначала скажу, а если что не так, ты меня поправишь. Хорошо, признаю — ты нас поймал. Молодец! Но что дальше? Держу пари, что с доказательной базой у тебя слабовато. Для серьезного разбирательства, конечно. Правда, грандиозный скандал ты устроить можешь, но он ведь отнюдь не в твоих интересах, так как ударит по репутации фирмы, в которой ты работаешь. Итак, что ты собираешься делать с этой информацией?

— Предоставлю ее Лонгу, естественно. Дальнейшие действия за ним. Здесь не понадобится ни долгое разбирательство, ни громкий скандал. Он просто по-тихому примет оргрешения, касающиеся вашего руководства, а может, и не только.

— Хорошо. — Мор помрачнел и, крикнув, отправил в желудок очередную порцию виски. — Что будет делать или пытаться сделать Лонг, мне понятно. Что это не сулит нам ничего хорошего, мне тоже понятно. А непонятно мне другое: что ты надеешься извлечь для себя из всего этого? Повышение в должности? Зная Лонга, а я его знаю, верится в это с трудом. Увеличение зарплаты? Возможно, но вряд ли многого. И не надо говорить мне про моральное удовлетворение от восстановленной справедливости! Во-первых, это весьма эфемерное благо, которое будет радовать тебя неделю, максимум — две. Во-вторых, справедливость — весьма субъективное понятие. Что справедливо для одного, несправедливо для другого. И так будет всегда. А в третьих, неужели ты всерьез решишь в торжество этой твоей справедливости? Веришь, что люди в результате станут получать более качественные кондиционеры и холодильники? Вздор! Лонга волнуют только прибыли. Думаешь, он переживает из-за низкого качества продукции «Борея» или из-за того, что государство недополучает налоги? Отнюдь! Лонг переживает из-за того, что с ним не поделились теневой прибылью и, держу пари, не прикроет эту лавочку, а просто начнет стричь с нее купоны. Хорошо бы еще, он делился ими с тобой, так ведь вряд ли! И ты сам это понимаешь. Тогда возникает вопрос: «С чем остается Алан Кар?» Боюсь, ответ на него тебе не понравится.

Алан налил себе полный бокал вина и медленно осушил его. В мыслях царила сумятица.

— Так что же ты мне посоветуешь? — спросил он.

— А если мы сможем сделать для тебя больше, чем Лонг? Ведь мечтаешь же ты о чем-нибудь? Наши возможности шире, чем тебе кажется. Подумай об этом!

Если бы не выпитое вино, может быть, Алан и промолчал, но тут у него неожиданно вырвалось:

— Остаться здесь!

Глаза Дэйна потускнели:

— Ты действительно этого хочешь?

— Шутись?! Спроси брошенного на горячую сковородку селла, не хочет ли он обратно в море!

Дэйн хмыкнул, лихо расправился с новой порцией виски и заговорил:

— Все далеко не так просто, как тебе кажется. За этот рай нам приходится платить. Причем цена может оказаться для тебя непомерной...

— О чем ты?

— Это все — часть сделки, Алан.

— С кем?

Мор снова выпил, нервно хихикнул и, наклонившись через стол, страшным шепотом произнес:

— С дьяволом!

— Ты просто пьян! — резко оборвал его Кар, недобрительно покосившись на изрядно опустевший графин с виски. — Мог бы прямо сказать, что вы не в состоянии выполнить мою просьбу. И не надо кормить меня глупыми байками!

Дэйн взглянул на него исподлобья и неожиданно трезвым голосом продолжил:

— Отвечаю на твою реплику по пунктам. Во-первых, соображаю я яснее, чем тебе кажется. Во-вторых, никакие это не байки, и ты непременно сам в этом убедишься, коль скоро решил остаться у нас. А в третьих, выполнить твою просьбу мы ВПОЛНЕ в состоянии.

— Каким образом? Лонг никогда...

— Но Лонг ведь не самый крутой в этой компании, верно? — перебил его Дэйн.

— Ты имеешь в виду... Ты не о Железной леди говоришь?

— Именно о ней.

— Она что, здесь?!

— А где ей еще быть? — криво усмехнулся Дэйн. — Она хоть и железная, а комфорт любит.

У Алана засосало под ложечкой. Мало кто из рядовых сотрудников фирмы или младшего руководящего персонала видел вочию таинственную владелицу компании «Карат» Лору Тарг, больше известную как Железная леди. По слухам, прозвище это было совершенно заслуженным. Лора Тарг пришла к власти в «Карате», что называется, так и на интригах. Достаточно сказать, что прежний владелец «Карата» застрелился после того, как она, раскопав на него убийственный компромат, вынудила за бесценно продать ей весь пакет его акций. Естественно, об этом лишь опасливо шептались по углам, так как

Железная леди вряд ли пощадила бы глупца, решившего вслух говорить на эту тему... Да, для нее перевод Алана в Лейд — не вопрос.

— Так что? — спросил Дэйн. — Если ты все твердо решил, я могу связать тебя с ней. Думаю, она будет заинтересована в приобретении столь ценного сотрудника.

— «Если» тут излишне, — твердо заявил Алан. — Сделай это, и мой отчет Лонгу будет... слегка откорректирован.

— Я знал, что мы сможем договориться, — улыбаясь сказал Дэйн. — Выпьем за согласие?

***

Ни разу до этого не видевший Железную леди, Алан представлял ее пожилой стервой с ледяными глазами и потому был просто потрясен, когда с ней встретился. В действительности ей должно быть за пятьдесят, но перед Аланом стояла очень красивая женщина, которой вряд ли можно было дать больше тридцати пяти. Лора Тарг являлась живой иллюстрацией того, на что способна современная пластическая хирургия в содружестве с большими и очень большими деньгами. Единственное, в чем он не ошибся, это ее глаза: они были даже не ледяными, а замороженными до самого дна. Стоило лишь раз взглянуть в них, чтобы понять: их обладательница намного опаснее вайры — смертельно ядовитой пустынной змеи.

— Здравствуйте, леди Тарг, — приветствовал ее Алан, почтительно, но без подобострастия. — Я очень благодарен вам за то, что вы согласились принять меня.

— Не за что, Алан, не за что, — любезно откликнулась Железная леди, жестом предлагая ему садиться. — Знаете, слышала о вас много хорошего, как от вашего шефа — Лонга, так и от Дэйна Мора.

Что касалось Лонга, Алан сильно сомневался: не в его обычаях было расхваливать подчиненных перед высоким начальством. Но он не счел уместным озвучивать свои соображения на этот счет.

— Я очень польщен.

— Кроме того, — продолжала леди Тарг, — на меня произвели большое впечатление ваши местные... изыскания на тему падения прибылей филиала. Да, да, не удивляйтесь, я наблюдала за вами с самого начала. Мне понравились ваши настойчивость, ум и лояльность фирме. Вы совершенно правы в том, что это — внутреннее дело «Карата», и мы разберемся с ним сами. Насколько я поняла, у вас есть ко мне просьба?

— Да, миледи. Если это возможно, я хотел бы работать в штате лейдского филиала.

— Иными словами, вы хотите остаться жить в Лейде?

— Совершенно верно. А также перевезти сюда мою жену Шейлу. Она...

— Я знакома с вашим досье, — прервала его Железная леди. — Не крою: вы как специалист весьма

интересны нам. Наш местный филиал нуждается в кадровом усилении... и некотором обновлении. Так что с вашим переводом сюда, как и с оформлением спецудостоверения для жены, не возникнет никаких проблем... если только вы ДЕЙСТВИТЕЛЬНО этого хотите.

— Мне не совсем понятно, — осмелился сказать Алан, — почему и вам, и Мору мое решение остаться здесь кажется столь странным. Ведь учитывая местный климат...

— Местный климат, Алан, — вновь перебила его Лора Тарг, — лишь одна сторона медали, хотя, не скрою, довольно приятная и весьма существенная. Однако есть и другая, пока невидимая, но не менее важная... А может быть, и более. И люди на нее не всегда реагируют столь же адекватно, как, скажем, я или Мор. Он, кстати, не просвещал вас на эту тему?

— Нет.

Упомянуть о пьяной болтовне Дэйна про сделку с дьяволом Алан, из осторожности, не стал. Леди Тарг кивнула:

— Так что для принятия окончательного решения вам следует познакомиться и с другой стороной...

— Что же это за сторона?

— Все в свое время... Итак, для того, чтобы стать полноправным гражданином Лейды, вам придется сделать две вещи. Первое: перед тем, как отправиться в Диар за женой, вы должны будете подвергнуться процедуре добровольного гипноблокирования. Впрочем, вам все равно пришлось бы пройти через нее по окончании командировки.

Алан ждал разговора о гипноблоке с того самого момента, когда убедился в правдивости рассказа Литы. Тем не менее сейчас следовало изобразить реакцию человека, впервые слышащего об этом. Сыграл он отменно. Даже для цепкого взгляда Железной леди его изумление выглядело неподдельным.

— Гипноблокирование? — он даже поперхнулся. — Но зачем?

— Ну мы же должны подстраховаться от утечки информации! Можете считать это махровым эгоизмом, но нам совсем не нужны здесь толпы страждущих благоприятного климата, осаждающие наш город. Лейд все равно не вместит всех, и в городе воцарится хаос.

— Но Дэйн Мор говорил только про подписку о неразглашении...

Лора Тарг улыбнулась одними губами. Глаза ее остались холодны.

— Дэйн Мор — дипломат и психолог, что для его должности очень ценно. Он решил не шокировать вас сразу упоминанием об этой процедуре. Будьте реалистом, Алан: отслеживать соблюдение подписки о неразглашении всеми, кто хоть раз побывал в нашем городе — задача хлопотная, недешевая, да к тому же практически невыполнимая. Значительно проще и дешевле, а главное, надежнее — поставить гипноблок. Поверьте, это не столь страшная проце-

дура, как может показаться на первый взгляд. Она не причинит вашему мозгу никакого вреда. Просто вам даже в голову не придет рассказать правду о Лейде кому-нибудь за пределами нашего города.

— Что же, я готов.

— Отлично, теперь второе. Вы должны доказать свою лояльность нашему городу, приняв участие в ночном патрулировании его периметра.

— Патрулировании? — теперь уже Кар и в самом деле был поражен.

— Да. Это и есть оборотная сторона медали, Алан. Именно там вы сможете принять окончательное решение о переезде в Лейд, а мы — понять, подходите ли вы нам. Дело в том, что каждый мужчина Лейды примерно раз в два-три месяца должен выполнять свой гражданский долг перед городом, помогая службе безопасности предотвращать нелегальные проникновения на нашу территорию. Это, если хотите, плата за благоприятный климат. Большинство из нелегалов — безумцы: кто еще вздумает проникать в город в обход дорог, через пустыню? Тем не менее таких немало... Вас это может удивить при всех тех мерах, которые нами предпринимаются. Но, видимо, их недостаточно, и где-то происходит утечка информации. Мы ее обязательно выявим и устраним, но пока наша служба безопасности нуждается в помощи граждан. Должна предупредить, что это может быть сопряжено с риском. Вы готовы?

— Готов, — твердо сказал Алан.

— Что ж, превосходно! Тогда — до встречи. Инструкции получите у Мора. В свое первое патрулирование вы пойдете с ним.

Попрощавшись, Алан вышел из кабинета Железной леди. Теперь он понимал фразу Литы о том, что она все отдаст за возможность жить в Лейде. Алан в последнее время чувствовал то же самое. Но вот что странно: решение принято, а его не отпускает какое-то непонятное беспокойство. Простое ночное патрулирование никак не могло вызывать у людей столь странную «неадекватную» реакцию, как сказала леди Тарг, ну а на «сделку с дьяволом» вообще никак не тянуло. Чего-то ему не договаривали... И тут Алану вдруг вспомнились глаза Дэйна, когда он говорил ему в баре про непомерную цену рая. Сквозь пьяный блеск в них отчетливо проглядывал самый настоящий страх...

***

Прибыв в назначенное место, Алан нашел Мора в обществе высокого широкоплечего блондина лет сорока с жесткими чертами лица.

— А, вот и ты! — приветствовал Алана Дэйн. — Знакомься — это Крайг Шарп из службы безопасности Лейды. Он — глава нашего патруля.

Они пожали друг другу руки.

— Естественно, любое патрулирование проводится под руководством профессионала, — пояснил Дэйн Мор. — Нас, гражданских, никогда бы не бросили одних в таком деле.

Мор много и быстро говорил, улыбался, но по всему было видно: он здорово нервничает, причем непонятно, что его больше пугает — предстоящее патрулирование или этот Шарп с его неподвижными змеиными глазами.

Безопасник протянул Алану парализатор:

— Возьмите. Может пригодиться. Пользоваться умеете?

— Приходилось.

— Хорошо. Тогда поехали.

Дэйн сел за руль, Алан — рядом с ним, а Крэйг Шарп в одиночестве расположился на заднем сиденье.

— Наша зона сегодня — западные районы, прилегающие к периметру, — сообщил им безопасник.

Дэйн кивнул и повел слайдер в западную часть города.

— Расскажи мне немного о патрулировании, — попросил его Алан. — Если, разумеется, это не запрещено.

— Расскажу, конечно, — ответил тот. — Тебе все равно нужно входить в курс дела. С чего же начать? В

общем, так. Периметр находится за границей зоны аномалии. Он представляет собой цепь датчиков движения. Они настроены на определенный размер объекта (чтобы не реагировать на мелких животных) и снабжены опознавателем «своей-чужой». «Свои» должны иметь спецдостоверения, такие, как твоя карточка, а транспорт — особые чипы. Как только «чужой» пересекает периметр, датчики передают сигнал об этом на мониторы центрального диспетчерского пульта службы безопасности. У каждой патрульной группы есть портативное устройство, связанное с диспетчерским центром, так что сигнал тревоги поступает и к патрулям. Те, кто находится ближе всего к источнику, устремляются на перехват. Фактически большая часть патрулей работает вне города. Это так называемое внешнее кольцо. В их руки попадает примерно девяносто процентов нарушителей. Ну а те, кто оказался слишком быстр и ловок, попадают в сферу действия внутреннего кольца, патрулирующего уже сам город. Мы входим во внешнее кольцо.

— Почему патрулируют только ночью?

— Видишь ли, днем мало кто ездит, а тем более ходит через

пустыню: не мне тебе рассказывать, что такое дневная жара вне Лейда. По пустынному бездорожью даже слайдер ездит в полтора раза медленнее, чем по шоссе. Так что, пока доедешь, десять раз изжаришься. А если по дороге — неизбежно наткнешься на блокпост. Поэтому сумасшедшие, которые рискуют нелегально пробираться в город, делают это ночью.

— А что бывает с теми, кого поймают? — поинтересовался Алан.

Дэйн бросил быстрый взгляд на Шарпа, но помощи от него не получил. Затянувшееся молчание нервировало всех. Наконец Мор ответил:

— Думаю, скоро тебе представится возможность самому увидеть это.

Остаток пути до зоны патрулирования каждый был занят своими мыслями. Если раньше Алан только предполагал, что ему чего-то недоговаривают, то теперь он был в этом уверен и даже знал, что именно. Интересно все-таки, как они поступают с нарушителями? Неужели убивают? Его кольнуло нехорошее предчувствие.

Сигнал тревоги поступил через два часа после начала патрулирования.

— Наш район, — отрывисто бросил Шарп, взглянув на монитор. — Поворачивай на ю!

Дэйн подчинился. Яркий свет прожектора патрульного слайдера вспорол темноту. Он ходил кругами и в сочетании с курсовыми фарами давал весьма широкий обзор. Нарушителя они нашли через десять минут. Конус света вырвал из ночного мрака фигуру довольно крупного мужчины. Низко пригнувшись, он, как бегущий орчак⁴, метнулся в сторону, но скрыться ему не удалось. Шарп опустил стекло на задней двери, тщательно прицелился и дважды выстрелил из парализатора. Нарушитель дернулся и упал как подкошенный.

— Готов, — хладнокровно прокомментировал безопасник. — Теперь связать его и — в машину!

Дэйн остановил слайдер и вышел.

— Пошли, поможешь мне, — обратился он к Алану. — Здоровый бугай попался!

Они осторожно приблизились к упавшему. Тот лежал на животе не шевелясь, что было неудивительно: парализатор действовал мгновенно. Дэйн нагнулся, собираясь связать нелегалу руки, но в следующее мгновение полетел на землю. Нарушитель напал неожиданно и стремительно: выбил из руки Дэйна парализатор и подмял его под себя. В свете прожектора вдруг тускло блеснуло лезвие ножа. Преодолев за пару секунд шок от внезапной резвости «парализованного», Алан подскочил к борющимся и, не долго думая, ударил нелегала по затылку рукояткой своего оружия. Тот еще пытался бороться, но после того, как подбавивший Шарп всадил ему в открытую шею пару иголок из парализатора, наконец затих.

Дэйн медленно поднялся с земли, потирая уши-бы. Глаза у него были совершенно дикие.

— Черт! Спасибо, Алан! Я уж думал — каюк!

— А вы неплохо действовали, господин Кар, — похвалил его Шарп, — особенно для первого раза. Однако странно, что он оказался таким живчиком: я точно видел, что попал ему в спину.

Мор наклонился к упавшему и растегнул на его груди рубашку.

— Ого! — удивленно сказал он. — Вы только посмотрите на это!

Алан и Шарп были изумлены не меньше: в рубашку нарушителя были зашиты куски кожи гарва. По прочности кожа этой громадной рептилии немногим уступала стали. Естественно, что иглы парализатора не смогли пробить ее.

— Как это понимать? — спросил Дэйн, обращаясь к безопаснику. — Выходит, он знал, что его здесь ждет?

Тот пожал плечами:

⁴ Орчак — очень подвижное парнокопытное животное, напоминающее газель.

— Мог догадаться. Возможно, наши блокпосты его уже заворачивали. Он усек, что легально в Лейд ему не попасть, и, на всякий случай, хорошо подготовился.

Алан тем временем задумчиво изучал рубашку нарушителя:

— Мне интересно другое: как он ухитрился выжить в пустыне? Даже ночью жара там будь здоров, а в таких доспехах...

— Да, крепкий мужичок попался, — отозвался Шарп. — Ладно, хватит время терять! Его нужно связать и — в слайдер.

— Куда мы его? — спросил Дэйн, когда они, изрядно намучившись, запихнули бессознательное тело нарушителя на заднее сиденье. — В изолятор? Шарп, казалось, к чему-то прислушивался.

— Связь с центром, — шепотом пояснил Алан Мор.

Взгляд безопасника наконец сфокусировался на них.

— Боюсь, что нет, — произнес он нехотя. — Приказ — отвезти его сразу к расщелине.

— Что? — лицо Дэйна посерело и искажилось. — Но это ведь дело спецкоманды!

— Обычно — да, но сейчас она занята, — отрезал Шарп. — Придется нам...

— Что за расщелина? — спросил Алан. Он даже приблизительно не представлял, о чем может идти речь, но выражение лица Дэйна наводило его на самые неприятные мысли.

— Скоро узнаете. — Безопасник мрачно улыбнулся. — Но нет худа без добра: зато пройдете боевое крещение по полной программе. Ладно, поехали. Лучше добраться туда до того, как этот субчик очнется.

Город Лейд, если смотреть на него сверху, напоминает своими очертаниями огромную букву «U», в которой центральную часть между двумя вертикальными линиями жилых районов заполнили густые заросли кустарников и даже довольно больших деревьев, которые просто физически не могли вырасти до таких размеров за два с небольшим года существования лейдской климатической аномалии. Алану, привыкшему к тому, что солнце во время мертвых сезонов выжигает почти всю растительность на Токарне, эти заросли казались дремучими джунглями. Он однажды спросил Дэйна, как могла возникнуть эта зеленая зона, если до сих пор здесь выживали лишь однолетние травянистые растения?

— Понятия не имею, — ответил тогда Мор. — Они существовали, согласно хроникам, еще в момент основания Лейда. Правда, тогда они не были столь густыми. Черт их знает, что помогло им выжить в адских местных условиях, но факт остается фактом. Видимо, основатели города были людьми суеверными и очень хотели позаимствовать у этих растений их

живучесть — вот и построили город такой подковой вокруг них.

В глубину зарослей вела всего одна дорога, и та неухоженная. По ней сейчас, пыхот от натуги, и пробирался патрульный слайдер. Нависшие над дорогой кусты превращали и в общем-то не слишком темную ночь в царство крошечного мрака. Слайдер плыл сквозь эту тьму, словно гигантский светляк. Дурные предчувствия Алана становились тем сильнее, чем дальше они углублялись в зеленую зону.

Заросли закончились неожиданно, словно отрезанные ножом. Стало заметно светлее. Перед Аланом открылась огромная пропелшина в пышной шевелюре кустарников, прорезанная посередине ровной раной довольно большого разлома.

— Приехали, — сообщил Шарп, и Дэйв остановил слайдер. — Помогите мне вытащить этого бугая.

— Что вы собираетесь с ним сделать? — взволнованно спросил Алан. — Сбросить его в расщелину?

— Ну зачем же? — ухмыльнулся безопасник. — Просто положим его рядом: пусть отдохнет... священный.

На Алана накатил волна безотчетного страха.

— Зачем?

— Увидите, — ухмылка Шарпа пропала. — Не торопите события.

— Я не хочу в этом участвовать! Тут папахивает убийством!

— Ты должен, Алан, — мрачно заявил Дэйв. — Это часть сделки!

— Какой еще, черт побери, сделки?! — закричал Кар. — Вы оба — сумасшедшие!

— Той самой, которая позволяет нам безбедно жить здесь, будучи избавленными от чудовищной жары, терзающей весь остальной Токан! — отрезал Дэйв.

— Немедленно объясните мне все! Или я...

— Вы ведь хотите остаться здесь, в Лейде, господин Кар? — тихо и вкрадчиво заговорил Шарп. Но Алана эта манера речи напугала сильнее, чем если бы безопасник прикрикнул на него. — Хотите жить безбедно и комфортно? Так привыкайте к мысли, что за все надо платить. Считайте это испытанием, проверкой на шивость. Пройдете ее — и ваши мечты сбудутся. Нет — что же, вам поставят гипноблок, и возвращайтесь на здоровье в свой раскаленный Диар и мучайтесь там до конца жизни. Чтобы добиться желаемого, осталось сделать один решительный шаг. Выбор за вами.

Алан молчал. Сейчас его моральные устои и совесть отчаянно боролись с огромным, безумным желанием осуществить свою мечту. И мечта эта очень хотела стать реальностью. «Решайся!» — шептала она. — Это трудно. Тебе нужно лишь переступить через какого-то неизвестного бродягу, который к тому же двадцать минут назад вполне мог бы убить тебя. О чем тут думать? Кто будет плакать по этому несчастному авантюристу? Он сделал свой выбор, а ты делай свой. Мужчина ты или бесхребетный слизняк?

Ты ведь хочешь видеть свою жену счастливой? Так сделай это хотя бы ради нее!» Последним доводом мечта обеспечила себе победу над его совестью.

— Ладно, я в деле, — сказал, наконец, Кар.

— Вот и отлично, — Шарп удовлетворенно улыбнулся. — Помогите мне тащить его, а то он скоро придет в себя и начнет сопротивляться.

Втроем они довольно спорно понесли бессознательное тело нарушителя по направлению к расщелине. Подойдя к ее краю и заглянув туда, Алан ощутил легкое головокружение: дно терялось во мраке.

— Лучше держись подальше от краев, — предупредил Дэйв. — На всякий случай.

Кар послушно сделал пару шагов назад.

— Оставляем его здесь и отходим к зарослям, — командовал безопасник. — Там поождем.

— Чего?

— Подтверждения.

Кара так и подмывало задать еще один вопрос, но, наткнувшись на жесткий взгляд Шарпа, он решил пока воздержаться. Довольно долго ничего не происходило, уже зашевелился очнувшийся нарушитель, и Алан собрался было спросить, какого черта они выжидают, когда увидел, какво...

Из трещины взметнулось нечто тонкое, змееподобное и закачалось над ее краем. Впрочем, тонким оно казалось Алану с расстояния, с которого он наблюдал за этой картиной. На самом деле толщина его вряд ли была сильно меньше человеческой руки. Алан не разглядел на нем даже подобия головы и сделал вывод, что это нечто было скорее щупальцем какого-то гигантского существа. О том же говорили и его качательные движения в вертикальной плоскости. На короткое время щупальце зависло над связанной жертвой, словно разглядывая ее, и тут нарушитель завopil от ужаса.

Даже здесь, в относительной безопасности, в двадцати метрах от происходящего Алана охватил непередаваемый животный страх, на время парализовавший его. Он не мог отвести глаз от разворачивающейся перед ним чудовищной драмы.

— Всегда ждет, пока жертва очнется, — краем сознания уловил Алан тихий шепот Дэйва у себя над ухом. — Так ему кайфа больше!

Между тем рядом с первым щупальцем вскоре появилось второе, затем третье, а в следующий миг начался кошмар. На щупальцах в разных местах вспухли какие-то бугры, почти вдвое превышающие их в поперечнике. На буграх открылись отверстия, похожие на пасти, заполненные мелкими, острыми как иголки зубами. Качнувшись еще пару раз из стороны в сторону, щупальца стремительно метнулись к жертве, обвили ее, а мелкие зубастые пасти глубоко впились в человеческую плоть. Жертва отчаянно завопила от боли и начала извиваться в страшных объятиях чудовища. Обильно текла кровь. Какие-то новые бугры поползли по щупальцам к их основаниям, и в сознании Алана, балансировавшие-

го на грани обморока от невыносимого кошмара, вспыхнула мысль, что это — куски человеческого тела, поглощаемые жуткой тварью. Вскоре жертва затихла, и шупальца, удовлетворенные, утянули ее вниз, во мрак расщелины.

Алан словно в каком-то ступоре продолжал пялиться на опустевший край разлома, словно его взгляд кто-то намертво приварил к этому месту.

— Д-давайте у-уйдем отсюда поскорее! — заикаясь попросил Дэйн, но Шарп поднял ладонь, и тот, поняв намек, заткнулся.

Безопасник словно прислушивался к чему-то, но явно не к приказам из центра: наушник устройства звякнул давно уже свободно болтался у него на шее. Наконец, Шарп облегченно улыбнулся и, повернувшись к остальным, сообщил:

— Он принял жертву. Договоренность подтверждена. Можно уезжать.

— Слава богу! — воскликнул Дэйн и побежал к слайдеру.

Слова Шарпа на мгновение вывели Алана из состояния грогги. Его взгляд сфокусировался на безопаснике.

— Он? Кто Он?

— Орм, — коротко ответил тот, словно это слово могло все объяснить. — Ладно, поехали, незачем здесь оставаться дольше необходимого.

Видя, что Алан вновь почти не воспринимает действительность, безопасник взял его за плечо, подвел к слайдеру и помог усестись на заднее сиденье. Сам он сел рядом с водителем. Слайдер тронулся с места.

— Он, кажется, в шоке, — спустя некоторое время сообщил Шарп, мотнув головой в сторону Алана.

— Неудивительно, — Мора передернуло, как от озноба. — Я наблюдаю эту сцену третий раз в жизни, и все равно до сих пор поджилки трясутся.

— Останови! — неожиданно прохрипел Алан.

Дэйн взглянул в зеркало и, увидев позеленевшее лицо Кара, поспешно затормозил. Алан вывалился из кабины, пробежал несколько шагов, упал на колени, и его вывернуло наизнанку.

— Ну наконец-то! — удовлетворенно констатировал

Шарп. — Это всяко лучше, чем состояние зомби, в котором он пребывал до сих пор. А то я уже стал беспокоиться за его рассудок.

Через некоторое время Алана перестало рвать. Он с трудом поднялся, пошатываясь, добрал до ближайшего камня и медленно опустился на него. Дышал он тяжело, с присвистом. Дэйн не спеша подошел к приятелю и положил ему на плечо руку:

— Ну что, оклемался? Ничего — в первый раз всем нелегко.

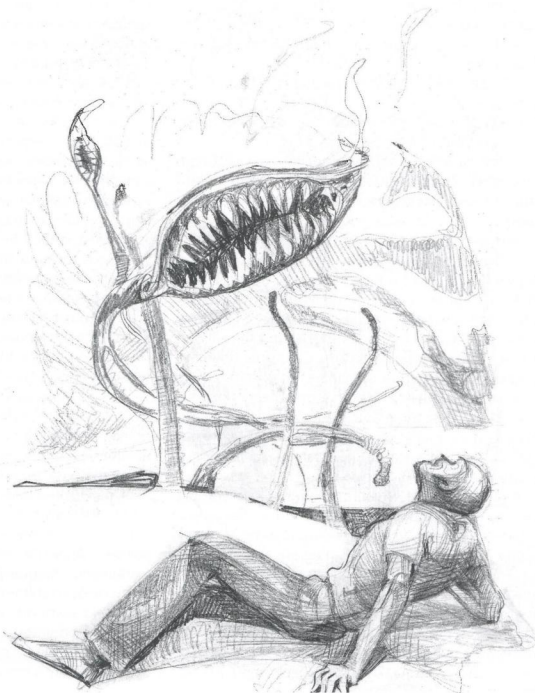
Алан поднял на него взгляд, полный боли и растерянности. Его пальцы неожиданно сильно жали ладонь Мора:

— Расскажи мне все! Что происходит в вашем чертовом городе?!

— Уже в чертовом? — усмехнулся Дэйн. — Эх тебя бросает, братец: то рай, то ад. Ты уж определись...

— Дэйн!!!

Взглянув в мечущие молнии глаза Кара, Мор понял, что шутки кончились: Алан был не в том состоянии, чтобы адекватно реагировать на юмор, и вполне мог броситься на него. А судя по силе, с

которой Алан все еще сжимал его руку, дело могло завершиться для Мора весьма плачевно.

— Ладно, ладно! — он примирительно поднял левую ладонь. — Успокойся! Я расскажу тебе все, что знаю. Конечно, я не ученый, так что не взыщи — изложу, как сумею. ...Когда-то давно, задолго до колонизации Токарна, этот мир принадлежал орму и ему подобным.

— Этим тварям?!

— Да. Только не считай их безмозглыми чудовищами. Это вполне разумная раса, способная к теплпатическому общению. Климат здесь был — не чета нынешнему: еще более прохладный и влажный, чем теперь в Лейде. У них даже были настоящие зимы со снегом, представляешь?! Так вот, оказалось: эти существа способны регулировать климат под свои потребности. К стати, те же климат-кристаллы, — не что иное как продукт их жизнедеятельности. Ормы (будем называть их так) вполне мирно сосуществовали с еще одной разумной расой Токарна, которой, судя по найденным останкам, были какие-то амфибии. Но однажды этой идиллии пришел конец. И причиной всех дальнейших событий, как считают ученые, явился метеорит, упавший на Южном континенте. Похоже, он принес с собой какой-то вирус, поразивший ормов. У них началась мутация, грозившая полной потерей способности регулировать климат. А это, как ты понимаешь, было бы катастрофой для ормов, да и не только для них... Спусти какое-то время они почти случайно узнали, что есть вещество, способное приостановить мутацию, и содержится оно в нервных клетках существ с достаточно развитым головным мозгом.

— То есть?

— То есть всякие там хищники или травоядные на роль «лекарства», к сожалению, не подходили. Осознав это, ормы начали охотиться на амфибий. Те, очевидно, не смогли оказать серьезного сопротивления столь внезапной и коварной агрессии и вскоре были полностью истреблены. Но с исчезновением амфибий кончилося и «лекарство» для ормов. А вскоре способности по регулированию климата отказали им полностью, и на Токарн пришла жара. Спасаясь от нее, ормы забирались глубоко под землю и впадали там в спячку.

Прошли сотни лет. На Токарне появились мы. И вот однажды бригада шахтеров, занимавшаяся добычей климат-кристаллов, случайно разбудила орма. Осознав, что перед ним разумные существа, он, повинаясь инстинкту выживания, сразу же убил двоих. Но остальные сумели спастись бегством, взорвав за собой штольню и полностью завалив выход. Ормы, которого случайно пробудили от долгой спячки, теперь должен был снова бороться за сохранение своей жизни. Будучи существом разумным и обладая теплпатическими способностями, он сумел разобратся в ситуации на поверхности и сразу же увидел возможность сделки. Как он установил контакт с властями города в лице мэра и случайно

оказавшейся здесь леди Тарг, я не знаю, но взаимовыгодный договор был заключен.

В соответствии с ним ормы должны регулировать климат в Лейде и его ближайших окрестностях, а город — поставлять ему «лекарство» для поддержания жизни и его способностей. Вот так...

— Безумие! — прошептал Алан, потирая виски. — Ты тогда был прав, Дэйн: это действительно сделка с дьяволом!

— Возможно, — пожал плечами тот. — Но какая разница, с кем? Разве мы не выиграли от этого?

— Мы — да, а как насчет того бедолаги, которого только что сожрал орм?

— Ты знаком с принципом меньшего зла, Алан? Что значит смерть одного бродяги по сравнению с целым городом, вымирающим от жары? Почему у тебя не вызывает такого негодования гибель людей на войне? Ведь ситуация очень похожа: государство, чтобы защитить себя, платит дань жизнями солдат своей армии. У нас тут тоже война — война за выживание, и свой враг — жара. И, как всякая война, она требует жертв. Смерть единиц, ради жизни многих тысяч: разве это — не меньшее зло? Это — необходимая жертва.

— А сколько было таких необходимых жертв за два года вашей сделки с ормом? И как скоро их количество превысит численность населения Лейды? И где тогда будет твое меньшее зло?

— В тебе говорят жалость и совесть, Алан. От них в жизни — одни неприятности и проблемы, ибо, идя на поводу у этих двух чувств, ты НИКОГДА и НИЧЕГО в жизни не добьешься. А для бизнесмена это — непозволительная роскошь, от которой нужно как можно быстрее избавляться, и желательно — за хорошую плату. Что тебе в этом бродяге и даже в сотне таких, как он?

— Но у них, возможно, есть близкие, которым они нужны...

— Ну и что? Ты их знаешь? Нет. Так в чем проблема? Просто переагни через них, Алан! Переагни через сострадание и совесть, иначе тебе придется признать, что твой потолок — быть на побегушках у Лонга в раскаленном Диаре, а это ведь не так! Впрочем, что я тебя уговариваю? Настал момент истины. Определись, наконец, чего ты стоишь, и так ли нужен тебе Лейд.

Алан глубоко задумался. Еще никогда в жизни он не испытывал подобного смятения.

— Лейд нужен мне, — произнес он глухо после долгой паузы. — Очень нужен. И еще совсем недавно я полагал, что готов заплатить любую цену за то, чтобы переехать сюда...

— А теперь?

— Теперь не знаю. Не уверен, что смогу спокойно спать, зная, что другие платят жизнями за мое благополучие.

— Все строят свое благополучие, в той или иной степени, за счет других. Если кто-то скажет тебе, что в его случае это не так, он либо лжец,

либо наивный идеалист. Ты получил повышение, а кого-то уволили. Ты купил в магазине последний кондиционер под носом у соседа, пришедшего чуть-чуть позже, и ему теперь придется ждать следующего поступления, а ведь вокруг жара! Ты женился на красавице, а отвергнутый ею из-за тебя нервный молодой человек покончил с собой. И таких примеров можно привести тысячи. В мире нет ничего идеального, и мысль, что можно построить дом своего успеха, не задев ничьих интересов, по меньшей мере наивна! Да, в большинстве случаев все происходит не столь явно как здесь, но суть-то не меняется. Те, кто признают это — хотя бы честны сами с собой. Проще нужно ко всему относиться, Алан, и не принимать близко к сердцу, иначе жизнь превратится в пытку.

— Тебе бы политиком быть! — горько усмехнулся Кар. — Очень убедительно говоришь...

— Так я убедил тебя?

— Пожалуй, да. Не могу же я все время оглядываться на других! Это моя жизнь, и другой у меня не будет. Я устал приносить жертвы ради пресловутого спокойствия собственной совести.

— Очень верная мысль! — подхватил Дэйн. — Поставь ее во главу угла — и жить станет легче. Твоя боль со временем пройдет, и ты научишься радоваться жизни независимо от того, что и по какой причине принесло тебе удачу. Пойдем?

— Пойдем, — Алан со вздохом поднялся.

Когда они приблизились к слайдеру, Шарп протянул им две тощие пачки денег.

— Что это? — спросил Алан.

— Маленькая компенсация за моральный ущерб. Это было в его кармахах.

— Вы ОГРАБИЛИ его?

Шарп пожал плечами:

— Ему это все равно больше понадобится, а нам пригодится. Берите!

Алан с каким-то даже отвращением оттолкнул руку безопасника, протягивающую ему деньги:

— Нет, спасибо. Это уж слишком! С меня хватит и того, что я помог ему отправиться на тот свет! Оставьте себе.

— Как хотите, — Шарп пожал плечами и спрятал деньги.

Краем глаза Алан заметил, что Дэйн свою пачку взял...

***

Процедура гипноблокирования действительно оказалась вовсе не страшной. Алана просто погрузили в транс, весьма напоминающий глубокий сон. Очнувшись, он ничего не помнил о том, что произошло во время транса, но поспешил покинуть клинику: у него возникло неприятное чувство, что кто-то рылся в его мозгах грязными руками. Схожие эмоции он испытал несколько лет назад, когда неизвестные злоумышленники ограбили его квартиру, оставив беспорядок и грязные следы на полу. Тогдашнее

чувство бессильной ярости, ощущение, что дом перестал быть его домом, его крепостью, ощущение нечистоты и острое желание уйти из оскверненного жилища в какой-то степени повторились и сейчас. Но разница была в том, что сегодня он пошел на это сознательно, отлично понимая, ради чего. К тому же с тем кошмаром, что произошел ночью у расщелины орма, гипноблокирование и сравнивать было нельзя.

...Алан ехал в Диар на моно. Теперь у него уже язык не поворачивался называть этот душный, горячий город домом. Нет уж, хватит! Не зря он пошел на преступление, не зря ставил гипноблок! Теперь его и Шейлу ждет совсем другая жизнь, в которой не будет места этой проклятой жаре. Осталось вытерпеть всего лишь один день пекла, зайти домой за вещами, забрать Шейлу и — вперед, к новой жизни! Он еще раз порадовался за себя, что строго соблюдал принцип не держат на работе личных вещей: страшно не хотелось заходить в отдел, видеться с коллегами (особенно — с Лонгом), что-то объяснять, врать... Так уж получилось, что ни с кем из сотрудников финансового отдела головной конторы «Карата» у него не сложилось дружеских или просто более коротких отношений. Единственным исключением была Лита Аш. Жаль, конечно, что не удастся попрощаться с ней, но... что-то в Алане противилось этой встрече, хотя он сам не понимал, почему.

В общем, на работу — не надо, осталось заехать за Шейлой и договориться со своим другом и поверенным Дином Шором о продаже квартиры вместе со всей мебелью и переводе денег на счет, открытый на имя Алана в лейдском филиале Планетарного банка. Будущее представлялось ему достаточно безоблачным: леди Тарг повысила ему зарплату и предоставила в личное пользование служебный слайдер. В общем, живи да радуйся... если забыть о том, какой ценой это досталось. А забыть необходимо как можно скорее. И Алан старался. Очень старался...

***

Моно прибыл в Диар примерно за полчаса до рассвета, однако жара и духота все равно навалились на плечи отвыкшего от них Алана со страшной силой. Но это он как-нибудь сможет вытерпеть. Главное — не попасть под дневное пекло: все-таки за три недели лейдского блаженства организм ослабился. Поэтому он поспешил взять такси.

К счастью, Шейла была дома. Сначала она бросилась ему на шею, а затем, вдоволь нацеловавшись, неожиданно залепила мужу пощечину.

— За что? — удивленно спросил Алан, потирая щеку.

— Даже и не думай еще хоть раз оставить меня одну в этом пустом доме так надолго! Я чуть с ума не сошла!

— Прости, милая, больше это не повторится.

— Обещаешь?

— Обещаю! К тому же у меня есть чем загладить вину.

— Я слушаю.

— Сначала ответь, ты еще не успела найти работу?

— Нет. Пока меня не устраивает ни один вариант.

Алан улыбнулся: как это было похоже на его дорогую женушку!

— Очень хорошо! — произнес он.

— Что?!

— Значит, тебя ничто здесь не держит, — пояснил он свою мысль недоумевающей Шейле, — и мы сможем уехать.

— Куда?

— В Лейд.

— В Лейд?! Алан, ты не перегрелся? Что нам делать в этой дыре?

— Все далеко не так, как ты думаешь, Шейла. Лейд здорово изменился. Обещаю, ты не пожалеешь, если поедешь со мной!

— Так, а поподробнее?

— Извини, больше я ничего не могу пока тебе сказать.

— Почему?

— Во-первых, потому, что это сюрприз, а во-вторых, если честно, то с меня взяли подписку о неразглашении.

— Ого! Как все серьезно! — с иронией промолвила Шейла. — Ладно, можешь считать, что заинтриговал меня. Давай, колись!

— Прости, не могу. Правда не могу. Не раньше, чем мы будем там.

Шейла испытующе посмотрела в глаза супругу и поняла, что на этот раз ее умение уговаривать, столько раз испытанное как на Алане, так и на других, не работает. И от этого ей почему-то стало тревожно.

— Алан, у тебя все в порядке?

— Более, чем в порядке, дорогая! Мы с тобой стоим на пороге новой, прекрасной жизни! И я несколько не преувеличиваю.

— Интересно, что стало с осторожным, прагматичным, не склонным к авантюрам Аланом, за которого я вышла замуж? — задумчиво произнесла Шейла.

— Он немного изменился. И ты там тоже изменишься. Но поверь в главное: это — не авантюра. Никогда в жизни я не был так уверен, что делаю правильный шаг для нас обоих, для нашей семьи.

— Не знаю... Как-то все это странно и не похоже на тебя, но интересно. Что ж, давай поедем: где наша не пропадала? Надеюсь, что разочарована не буду.

***

Алан нашел слайдер в подземном гараже моностанции и сгрузил в его вместительный багажник все их вещи.

— Круто! — оценила Шейла. — Ты знал, что он здесь будет?

— Ну... это в некотором роде наш.

— Как?!

— Компания предоставила.

Шейла присвистнула:

— Чудеса начинаются?

— То ли еще будет! — пообещал Алан.

Десять минут езды прошли в молчании.

— Ну теперь-то ты можешь все рассказать? — не выдержала, наконец, Шейла.

— Сюрприз должен быть сюрпризом, — покачал головой Алан. — Потерпи немного: сама все увидишь.

Реакция жены оказалась именно такой, какую он ожидал: когда подул свежий ветер, а пустыня покрылась зеленым ковром растительности, она просто задохнулась от восторга и пару минут не могла вымолвить ни слова, — настолько сильно было впечатление от увиденного. Глядя на ее счастливое лицо, Алан подумал, что ради одного этого мига стоило пройти через кошмар у расщелины хоть десять раз. Да что десять?! Хоть сто раз! Его самого

переполняли восторг и гордость, словно это именно он, а не чудовищный орм, сам, без посторонней помощи, создал здесь эти райские условия. Какой мелкой и ничтожной казалась ему теперь цена размером в жизнь одного незнакомого бродяги за все это! Сейчас Алан до конца понял жителей Лейда: он готов был лично убивать таких бродяг десятками, только бы чаще светились обожанием направленные на него глаза любимой женщины. Разумеется, он понимал, что находится во власти эйфории и скоро она пройдет, но сейчас Алан хотел насладиться ею сполна.

— Что это, милый? — спросила Шейла, обретая, наконец, дар речи.

Алан улыбнулся:

— Новая прекрасная жизнь, дорогая. Та самая, которую я тебе обещал.

В следующий миг ему пришлось остановить слайдер, так как Шейла, не сдержав переполнявших ее чувств, заключила его в объятия и осыпала благодарными поцелуями.

***

Два месяца в Лейде пролетели незаметно, наполненные счастьем, которое лишь поначалу омрачалось ночными кошмарами Алана. Но, как и предрекал Дэйн, он научился с этим жить. Кар больше не испытывал такой острой боли, когда эта жуткая картина вновь оживала в его памяти, и постепенно она стала отступать, становясь всего лишь мрачным эпизодом прошлого, который медленно, но верно подергивался дымкой забвения.

На работе тоже все было хорошо. Дело о дефектных кристаллах действительно разрешилось по-тихому внутри филиала и стоило должностей некоторым его руководителям, а кое-кому и работы. В числе последних оказался начальник финансового отдела филиала. Его место и занял Кар. «Тебя повысили в должности, а кого-то уволили». Эта фраза Дэйна сразу же всплыла в памяти Алана, когда директор филиала поздравил его с новой должностью. Что же, Мор оказался прав, как ни жаль это признавать. Поэтому не стоило ему переживать из-за ситуации, в которой он ничего не мог изменить. И Алан смирился. Здесь, в Лейде, он развил в себе толстокожесть, которая избавила его от переживаний на морально-этические темы. И он обнаружил, что так намного легче жить.

Лейд переделал и Шейлу. Нет, она, конечно, ничего не знала о том, что произошло с ним во время командировки. Алан старательно оберегал ее от лишней информации и подозревал, что большинство мужчин Лейда делают то же в отношении своих жен. Но Шейла все-таки изменилась. Она уже не была столь бескомпромиссной и упрямой, как в Диаре, стала мягче и терпимее. Может быть, причина была в климате — ведь здесь отсутствовала адская жара, превращавшая всех людей во вспыльчивых и агрессивных неврастеников, а может — в чем-то

другом, но Алану перемены в Шейле нравились. Она даже довольно быстро устроилась на работу — секретарем-референтом в корпорацию «Борей».

Дин Шор не подвел: весьма быстро продал квартиру в Диаре, и они купили новую в Лейде уже через две недели после переезда. Переселяясь туда из гостиницы, семейство Каров отпраздновало новоселье в узком кругу, пригласив лишь Мора с женой.

Взаимоотношения мужчин трудно определить однозначно. С одной стороны, совместно пережитое сблизило их, а с другой — цинизм и беспринципность Мора заставляли Алана постоянно держаться настороже. Заместитель директора филиала Дэйн Мор был не из тех, к кому можно спокойно повернуться спиной. Именно поэтому Алан не слишком полагался на чувство признательности, которое возникло к нему у Мора после того памятного патрулирования. Но в остальном все было хорошо...

***

«Слишком хорошо». Какого черта это проклятое словосочетание все время вертится на языке? Алан не понимал... Уже пару дней его терзало безотчетное чувство тревоги, которое он пока весьма успешно ухитрялся скрывать и от коллег, и, что самое главное, от Шейлы.

Что «слишком хорошо»? Все идет так гладко, что даже подозрительно: обычно долго такое не длится. Затишье перед бурей? Но что может произойти? Откуда здесь взяться буре? Может, он параноик и тут, в Лейде, все бывает хорошо без всякого подвоха? Ему очень хотелось на это надеяться. Надо опять включить «толстую кожу» и избавиться от этой непонятной тревоги, а заодно и от всех неприятных мыслей.

Нет, лучшее средство от беспокойства — это Шейла. Ее объятия прогонят все плохие предчувствия куда подальше. Алан купил цветов и лучшего местного вина. «Романтический вечер с женой — это все, что мне сейчас нужно, — подумал он и улыбнулся. — Скорее к ней!»

Поставив слайдер в гараж, он поспешил в дом.

— Дорогая, ты где? — спросил он, открыв дверь.

— Догадайся с трех раз! — игриво отозвалась Шейла, выходя из гостиной. Заметив цветы, она остановилась. — О! У нас сегодня какой-то праздник, о котором я забыла!

— А разве мне нужен особый повод, чтобы подарить жене цветы?

— Надо же, сколько романтики! Что-то в Диаре подобного не замечалось.

— В Диаре цветы стоили в пять раз дороже и встречались в десять раз реже, — напомнил Алан.

— Ах, вот оно что! — рассмехалась Шейла. — А я-то подумала, что мой муж внезапно стал романтиком!

— Обижает, милая, я всегда им был! Просто здесь более благоприятные условия для проявления лучших моих качеств.

— Понятно, но думаю, ты все равно заслужил награду.

Взяв у него из рук букет, она припала к его губам в долгом нежном поцелуе.

— Это для начала, — прошептала она.

— А это — для продолжения, — сказал Алан, извлекая из сумки бутылку вина.

— Нет, ты решительно сегодня превзошел самого себя! Подожди немного, я сейчас соберу на стол.

Она исчезла в гостиной, и Алан не спеша последовало было за ней, но внезапный телефонный звонок заставил его вздрогнуть и замереть на месте. Его вновь кольнула тревога, отступившая было от лучезарной улыбки Шейлы. Алан понял, что НЕ ХОЧЕТ брать трубку ни за что на свете. Неизвестно почему, он был уверен, что из трубки придет зло. Это был ЕГО вечер, его и Шейлы, и он не должен быть испорчен кем бы то ни было. Он гипнотизировал телефон, пока после седьмого звонка тот, наконец, не замолк.

— Кто звонил? — спросила Шейла, когда он вошел в гостиную.

— Не знаю, я не стал брать трубку. Нас нет дома.

— А если что-то важное?

— Для меня нет ничего важнее тебя.

— Какой ты сегодня милый! Еще немного — и я просто наброшусь на тебя.

— Жду с нетерпением, — Алан шагнул к ней.

— Постой! Все в свое время. Давай сначала поужинаем. Мне не терпится отведать вина.

Они сели друг против друга, и Алан наполнил бокалы.

— За тебя! — с чувством сказал он.

— За тебя! — ответила Шейла.

— За нас! — произнесли они вместе, чокнулись и выпили.

Алан готов был благодарить Лейд уже за то, что он дал им возможность возродить традицию вот таких вечеров с бутылочкой вина и такими тостами, которую почти убила диарская жара: вино в Диаре было в жутком дефиците. Он смотрел на Шейлу и восторгался: в ней все было прекрасно. Он так любил ее, что иногда сам пугался силы своего чувства.

— Со мной что-то не так? — спросила она, заметив его пристальный взгляд.

— Все более чем так, — сказал Алан. — Просто я в которой уже раз говорю себе, что женат на самой красивой женщине на свете!

Шейла отложила вилку и посмотрела на него. В ее глазах он прочел желание.

— Все, Алан, я больше не могу. Иди сюда.

Они встали из-за стола и шагнули друг к другу...

***

Однако все было слишком хорошо, чтобы длиться долго. Их блаженство грубо нарушил телефонный звонок. Алан вздрогнул и покосился на телефон, стоящий на тумбочке возле кровати. Шейла потянулась к аппарату.

— Не бери! — остановил ее Алан.

— Но это второй раз. Наверное, что-то важное.

— Тебе сейчас кто-то нужен?

— При чем здесь это? Надо иметь совесть — мы провели прекрасный вечер.

Она взяла трубку:

— Алло?... Привет, Дэйл! — она протянула трубку Алану. — Тебя.

Алан взял трубку осторожно, словно она могла ударить его током.

— Да?

— Ты ни о чем не забыл, Алан? — спросил собеседник.

— Вроде нет.

— Сегодня — ночь «Ч». Наша очередь патрулировать.

Алан внезапно почувствовал, что ему стало трудно дышать. Лицо его залила восковая бледность. «Вот оно!» — мелькнула мысль. Именно этого он ждал и боялся последнее время. Хотя «ждал» — это неправильно. Не ждал и даже вспоминать не хотел, потому что одно воспоминание об этом отравляло его пока что безмятежное счастье. Вот и похоронил он мысли о патрулировании в самых отдаленных уголках своей памяти, завалив всяким хламом из повседневных мелочей. Но самое страшное, о чем знал только он и о чем никогда и ни под каким видом не должна была догадаться Шейла, это то, что их счастье он купил в кредит с рассрочкой на всю оставшуюся жизнь. И вот настал день очередного платежа. Но почему именно сегодня, черт возьми?! Почему именно сейчас, когда он так счастлив?!

— Ау! — окликнул его Дэйл, прерывая затянувшуюся паузу. — Ты еще здесь, Алан?

— Здесь...

— Тогда слушай. Через полчаса напротив Планетарного банка. Ты понял?

— Да.

— Ну и отличной! Только не опаздывай.

Алан положил трубку и попытался замаскировать охватившие его чувства, но понял, что с этим он опоздал.

— Что случилось? — требовательно спросила Шейла. Бледность и напряженный взгляд Алана здорово ее встревожили.

— Неприятности на работе. Мне нужно срочно ехать туда.

— На ночь глядя?

— Увы, чрезвычайные обстоятельства не выбирают время. Мне очень жаль...

— И как надолго?

— Вероятно, до утра.

— Черт! Ты был прав — не следовало брать трубку.

— Думаю, в таком случае они бы за мной приехали, — кисло улыбнулся Алан. — Ладно, мне пора собираться.

— Я соберу тебе поесть, а то мы так толком и не поужинали...

— О чем я несколько не жалею! — подхватил он.
— Не надо, Алан, а то я тебя никуда не отпущу! Ты же знаешь, я млею, когда ты начинаешь так со мной говорить.
— Хорошо, перестану, но только потому, что должен уходить. А когда вернусь...
— Тогда и поговорим. Одевайся!

* * *

Напротив Планетарного банка Алан нашел ту же команду: Дэйна Мора и Крэйга Шарпа. Они с Шарпом обменялись рукопожатиями.

— Ну, что ты сказал жене? — любопытствовал Мор.

— Неприятности на работе. ЧП. А ты?

— Отработанная легенда. Раз в два месяца — традиционный покер с друзьями ночь напролет. И не надо каждый раз выдумывать что-то новое.

— А если твоя жена позвонит моей?

— Не позвонит, — успокоил Дэйн. — Я сказал, что мы соберемся у тебя, и попросил нас не беспокоить. Но на будущее советую тебе перенять «покерную» легенду. Нет ничего надежнее, да и с моей сходится.

— Если вы закончили обмениваться опытом семейной жизни, — вмешался в их разговор Шарп, — может, все-таки поедим?

Они поехали. Путь лежал в северный сектор. На этот раз ночь была совсем светлой: спутник сиял почти в полную величину. По этой ли причине или по какой-нибудь другой, но сигналов о нарушении периметра все не поступало. Алан уже стал надеяться, что это дежурство закончится бескровно, так как до рассвета оставался всего час.

— Проклятье! — прорычал Шарп. — Хоть бы один ублюдок попался! Ни одного за всю ночь!

— Ну и что? — недоумевая, отозвался Алан. — Помоему — нашим легче. Солдат спит — служба идет, разве не так?

— Вы не понимаете! — досадливо бросил Шарп. — Ни одного не только у нас. У всех патрулей пусто! А жертва орму НУЖНА обязательно!

— И что же теперь делать? — спросил Алан, начиная нервничать.

— Ясно что — охотиться, — мрачно сказал Шарп.

— Как это?

— Выезжать на шоссе за пределы периметра и тормозить проезжающих.

— Вы шутите?

— А похоже, что я шучу?

— Но ведь... — Алан даже задохнулся от возмущения.

— Воспринимайте все спокойнее, — поморщился Шарп. — Думаете, мне это нравится? Но ради выживания еще и не то сделаешь. Если мы нарушим договор с ормом, придет конец всему! Поэтому давайте без истерик!

— Но почему мы? — протестовал Алан.

— Потому что шоссе проходит к северу от Лейды и мы к нему ближе всего. Еще вопросы есть?

Алан откинулся на спинку сиденья и прикрыл глаза: спорить с этим безжалостным служкакой было абсолютно бесполезно. Оставалось только молиться, чтобы жертва, которую они остановят на шоссе, оказалась еще одним неприятным типом, о котором нетрудно будет забыть, сдав его на руки спецкоманде.

До шоссе было минут десять езды. В этот пред-рассветный час слайдеры там появлялись редко и все неслись с сумасшедшей скоростью, чтобы успеть добраться до какого-нибудь населенного пункта до того, как солнце вновь превратит землю в раскаленную сковородку.

— Значит, план такой, — начал объяснять Шарп. — Имитируем поломку слайдера. Один из нас выйдет и голосует. Кто-нибудь все равно остановится. Дальше — дело техники.

— А кто голосует? — поинтересовался Дэйн.

— Вы. У вас лицо обаятельное и вызывает симпатию.

— Спасибо за доверие, — криво усмехнулся Мор. — Постараюсь оправдать...

Доброго самаритянина долго ждать не пришлось. Вскоре рядом с Дэйном остановился слайдер. Недолго поговорив с водителем, Дэйн повернулся к ним и махнул рукой. Шарп и Алан приблизились.

— Эта леди любезно согласилась подбросить нас до Скалла.

— Поверьте, мы вам очень признательны, — заверил ее Шарп.

Алан вымученно улыбнулся ей, демонстрируя солидарность со своим спутником, но тут его взгляд остановился на животе женщины. Он похолодел: живот был большой. Но женщина не страдала ожирением, она была беременна! Он взял безопасника за локоть и повлек его в сторону:

— Господин Шарп, на два слова.

— Что еще? — с усталым раздражением спросил тот.

— Вы едете или нет? — спросила незнакомка. — А то рассвет скоро!

— Одну минуту, — успокаивающе улыбнулся ей Дэйн.

— Господин Шарп, ее надо отпускать! — горячо говорил между тем Алан. — Она беременна!

— Ну и что? От вас, что ли? Чего вы-то переживаете?

— Но это уж слишком! Мало того, что мы хватаем ни в чем не повинного человека, так еще и беременную женщину! Это никаким вашим «меньшим злом» и «общественным благом» не оправдать! Это — преступление против человечности!

— А пошла она, ваша человечность, куда подальше, господин Кар! Мне нравится местный климат! Если ради него нужно принести орму жертвы, я готов! А сейчас жертва крайне необходима, и я ее обеспечу!

— Не позволю! — глухо, но уверенно заявил Алан.
 — Да что вы говорите?! — издевательски отреагировал безопасник, остановив свой взгляд на чем-то за спиной Алана.

Тот резко развернулся и увидел, как Дэйн поднимает парализатор, наводя его на ничего не понимающую и не успевшую еще испугаться женщину.

— Дэйн, нет! — закричал Алан и метнулся к нему, в последний момент ударом по руке успев сбить ему прицел.

Игла отскочила от металлического корпуса слайдера. Алан вцепился в руку Дэйна, пытаясь не позволить ему выстрелить вторично, но вдруг ощутил острую боль под лопаткой, затем еще один резкий укол в шею: именно туда вонзились иглы из парализатора Шарпа. Ослабевшие пальцы Алана соскользнули с запястья Дэйна, и прежде, чем тьма беспомощности заволокла его глаза, он успел увидеть, как стяхнувший его руку Мор трижды выстрелил в женщину за рулем...

***

Первое, что Алан увидел, придя в себя — это космический холод глаз Лоры Тарг. Она смотрела на него изучающе и чуть презрительно. Он лежал на кушетке в каком-то помещении, весьма напоминающем больницу палату: бледно-голубые стены и минимум мебели. Кроме леди Тарг в комнате присутствовал только Крайг Шарп, которого Алан заметил, скосив глаза. Дэйна с ними не было. Алан попытался пошевелиться и обнаружил, что довольно крепко притянут к кушетке тугими ремнями.

«Да, попал! — подумал он уныло. — Интересно, что со мной сделают?»

Лора Тарг с видимым удовольствием наблюдала, как его смятение постепенно сменяется страхом.

— Ну что, очнулись? — поинтересовалась она. — Знаете, я очень разочарована, Алан! Не думала, что вы — такой слабак! И чего, спрашивается, слюни распустили? Подумаешь, какая-то беременная баба! Вы, вообще, в курсе, что у нас проблема перенаселения? Из-за этой скотской жары Токарн не способен прокормить такую уйму народа, которая на нем проживает. Так что смерть этой беременной сучки — не только не трагедия, а даже благо для нашего несчастного мира!

— Не нелзя же... так! — прохрипел Алан.

— А почему, собственно, нелзя? Кто нам запретит? Мораль? А при чем она здесь? Когда речь идет о выживании, мораль должна отойти в сторону и не отвлекать! Очень жаль, что вы этого не понимаете!
 — Я... не смогу спокойно спать... после этого.

— Надо же, какие вы нежные! — голос Железной леди просто сочился ядом. — Лейду нужны сильные люди и не нужны слюнтяи и моралисты, истерики и бунтари. У нас особая ситуация, поэтому приходится вести жесткий отбор среди тех, кто уже живет в нашем городе или претендует на то, чтобы жить в нем. Вы нам не подходите, Алан.

— И что... теперь?

— Весьма своевременный вопрос. — Она повернулась к Шарпу. — Как у нас с последней жертвой? Орм удовлетворен?

— Да, миледи.

— Отлично! Кому-то завтра здорово повезет, потому что вместо него к орму отправиться вы. По-моему, все происходящее должно принести вам огромное моральное удовлетворение, так как оно — совершенно в русле ваших принципов. И мы очень рады за вас. Правда, Шарп?

Безопасник ухмыльнулся:

— Еще бы, миледи! Он может гордиться собой — все-таки жизнь отдает во имя своих идеалов.

«Вот и конечно! — с усталой обреченностью подумал Алан. — Но почему именно теперь, когда у меня есть все для счастья? Все, кроме самой жизни, потому что ее у меня вот-вот отнимут. А я жить хочу, черт возьми!»

— Однако толку от вашего самопожертвования совсем немного, Алан, — заметила леди Тарг. — tutta жизнь на жизнь поменяли. Да, забыла еще одну деталь: супруга отправится следом за вами, чтобы на том свете скучно не было.

И вот тут пришел леденящий ужас. Когда речь шла только о нем, Алан мог воспринимать грядущую гибель как нечто заслуженное его необдуманными и непоследовательными действиями. Но жена! Все, что он делал в этой жизни, было ради нее, ради ее счастья и благополучия. А теперь она должна из-за него погибнуть! Он не мог этого допустить!

— Шейла? За что? Я ей не рассказывал ни о патрулировании, ни об орме, клянусь! Ради всего святого, пощадите ее — ведь она ни в чем не виновата!

— При чем здесь ее вина? — поморщилась Железная леди. — Речь идет об элементарном здравом смысле. Если с вами что-то случится, один поднимет шум и начнет докапываться до причин происшедшего, даже если мы оформим все как несчастный случай и подложим чужой труп. Жена слишком любит вас, чтобы просто так смириться с вашей смертью. Простите, Алан, нам это не нужно. Она обречена, как и вы.

Алан с отчаянием понял, что умолять и убеждать ее бесполезно: на то она и Железная леди, чтобы не менять однажды принятого решения. Его мозг лихорадочно работал в поисках спасительного выхода и не находил его. Но, господи, как же хотелось жить! Внезапно перед глазами молнией вспыхнуло воспоминание:

«Узнала я случайно, — сказала Лита. — А говорить могу, потому что никто не знает о моей осведомленности. Я сидела и молчала в тряпочку...»

Вот оно! Вот оно, спасение! Хотя нет, как он может этим воспользоваться? Ведь Лита доверилась ему, и предать ее будет просто подло! Но на кону две жизни — его и Шейлы, которая уж точно ни в чем не виновата! Да в конце концов, кто ему Лита? Всего лишь коллега по работе. Будет большой глупостью не воспользоваться этим шансом! Непростительная глупость...

«Так ты вспомнишь обо мне?» — спросила она тогда.

Что же, он вспомнил, только вряд ли это ее обрадует...

Между тем Шарп поднял парализатор.

— Стойте! — хрипло выкрикнул Алан. — У меня есть чем выкупить наши жизни!

Лора Тарг смерила его презрительным взглядом и процедила:

— Говорите! Только ради вас самого надеюсь, что ваши слова будут стоить моего внимания.

— В Диаре есть человек, который знает о Лейде!

— Тоже мне, новость! — фыркнула она. — Таких с пару десятков наберется. Вот только говорить они не могут.

— Она может!

— Как ее имя?

— Лита Аш.

— Лита Аш, Лита Аш... — повторила она, припоминая. — Это случайно не секретарша Лонга?

— Она самая.

— Шарп! — голос Железной леди хлестнул, как бич.

Лоб безопасника покрылся испариной, хотя в комнате было прохладно.

— Ей-богу, миледи, мы СТАВИЛИ ей гипноблок!

Лора Тарг, недобро прищурившись, посмотрела на Алана.

— А ты не лжешь нам?

— Клянусь жизнью моей жены! Лита рассказала мне все перед моим отъездом сюда.

— Как много она знает?

— Что здесь прохладно, есть вода... возможно, еще кое-что. Она могла умолчать о некоторых вещах.

— Вот, значит, как... — задумчиво произнесла Железная леди. — Может говорить... Интересно... Я слышала, что есть люди, способные обходить гипноблок, но никогда с такими не встречалась. Она будет первой.

Лора Тарг ослепительно улыбнулась Алану:

— Что же, поздравляю, пациент: вы будете жить! И миссис Кар тоже. Но нам потребуется ваше полное содействие.

— Все, что угодно, миледи!

* * *

Алан вышел из слайдера, увидев приближающийся моно. Он почти не чувствовал адской жары, так как со вчерашнего дня в нем медленно стыло его сердце, неотвратимо превращаясь в кусок льда.

— О боже, что я делаю? — прошептал он.

Из вагона остановившегося моно выпорхнула Лита Аш, легкая и беззаботная, как бабочка-однодневка. Она и была такой бабочкой, хоть и не подозревала об этом. Увидев Алана, девушка радостно помахала рукой и подбежала к нему.

— Привет! Можно тебя обнять или твоя жена сидит в слайдере?

— Жены со мной нет, — вымученно улыбнулся Алан.

— Тогда, с твоего разрешения... — она повисла у него на шее и чмокнула в щеку. Затем платочком тщательно стерла помаду с его лица.

— Все, улики уничтожены! — засмеялась она. — А ты чего такой сурной? Не рад меня видеть?

— Ну что ты! Просто успел уже отвыкнуть от жары. Придавливай.

— Я тоже скоро отвыкну, — весело пообещала она, — твоими стараниями. Ты не представляешь, как я тебе благодарна!

— Я же говорил, что не забуду.

— Ты настоящий друг! Я так это ценю!

— Свои люди, сочтемся. Может, сядем в слайдер? — выслушивать благодарности Литы, которых он не заслужил, Алан больше не мог.

— Конечно, конечно, поехали.

Всю дорогу она весело щебетала, сообщая ему обо всем, что произошло в Диаре за время его отсутствия.

— Надо было видеть физиономию Лонга, когда ему позвонили из Лейды и сообщили, что ты остаешься здесь! — заливалась смехом Лита. — А уж когда вызвали еще и меня...

Алан представил себе эту картину и невольно усмехнулся: зрелище наверняка было стоящее.

— Он был в ярости, но ему пришлось утерпеться.

Интересно, кто ему звонил?

— Железная леди, естественно!

— Я так и знала, что она здесь!

— Знала?

— Ну... если честно, догадывалась.

Когда они въехали в зону Лейды, Лита опустила боковое стекло и с наслаждением подставила разгоряченное лицо прохладному ветру.

— Боже, какое блаженство! Мне никогда не распахивать с тобой за то, что ты для меня сделал. Знаешь, Алан, если бы ты не был женат, я бы тебе ребенка родила... или даже двух!

— Лита, не надо, пожалуйста!

В голосе Алана прозвучала такая боль, что она с изумлением посмотрела на него:

- Что-то не так?
- Нет, ничего. Извини, я просто...
- В семье проблемы?
- Можно и так сказать.

Лита умолкла.

Они остановились перед гостиницей «Северный ветер».

— Поживешь здесь, пока не подберешь себе квартиру, — сообщил Алан, открывая перед ней дверцу слайдера.

— Конечно, спасибо.

Едва они сделали несколько шагов, как к ним с решительным видом направились два мрачных субъекта. Одного из них Алан знал. Это был Крэйг Шарп.

— Лита Аш? — спросил Шарп, приблизившись.

— Да, а в чем дело?

— Служба безопасности Лейда. — Он предъявил удостоверение. — Вам придется пройти с нами.

Лита с беспомощным видом повернулась к спутнику.

— Алан, что происходит...

Договорить она не успела, так как Шарп зажал ей рот платком, пропитанным хлороформом.

Алан отвернулся, не в силах вынести ее взгляда, в котором страх и недоумение за миг до того, как хлороформ подействовал, сменились пониманием и упреком. Не гневом и ненавистью, а именно упреком. Лучше бы она ненавидела его. Пережить это было бы проще. Но сейчас Алан понял, что ее последний взгляд будет преследовать его всю жизнь. Нигде и никогда не найдет он покоя.

Шарп с напарником усадили, а вернее, уложили Литу на заднее сиденье патрульного слайдера.

— Куда вы ее? — спросил Алан.

— А то сами не знаете! — осклабился Шарп. — Допросим, обследуем и — в расщелину!

— Ясно. — Алан отвернулся и медленно, как зомби, побрел к своему слайдеру. Так же медленно сел в него, механическими движениями завел и поехал.

В душе его поселился холод, почти несовместимый с жизнью. Как теперь жить со всем этим? Говорят, время лечит, но он сомневался, что дождется того момента, когда годы исцелят страшную рану, которую он нанес своей душе только что совершенным предательством. Впрочем, не только что. Он предал и погубил Литу еще тогда, в допросной у Лоры Тарг. Да, он сделал это, чтобы спасти себя и свою жену. Поменял две жизни на одну. Разве плохой обмен? Принцип меньшего зла, будь он проклят! Но ради Шейлы он постарается преодолеть это. Он должен попытаться! Иначе — все зря. И смерть Литы тоже... Ну а если станет немотогу, однажды ночью он сам придет к расщелине орма...

БОГДАНОВИЧ Александра Викторовна, авт. дневника.

Жена генерала Е.В.Богдановича. «Три последних самодержца. Дневник». — М., Л., 1924. На издание ее мемуаров отозвалась берлинская газета «Время» (1925)

ИДРДВ. Т.3. Ч.1. № 7; Периодика...

БОГДАНОВИЧ Мария

В сб. стихотв. и рассказов «Первый луч» (М., 1892) напеч. ее стихотв. «Элегия». В вып. 2-м того же сб. (М., 1893) - стихотв. «Не гляди».

Смирнов-Сокольский.

БОГДАНОВИЧ Софья Ангеловна (1900 —), дет. писательница, мемуаристка.

Ее отец, А.И.Богданович, был лит. критиком, редактировал журн. «Мир Божий», а мать, Т.А.Богданович (см), — историк и детская писательница. Б. училась на лит отделение Ин-та истории искусств, но не закончив учебы, занялась творческой работой, писала для детей. Авт. ист. повести «Князь бунтовщик» (о П.А.Кропоткине), а также повестей «Колокий гость» (1928), «Паровозное колесо» (1929), «Степан Халтурин» (1931). Писала также тексты для детской эстрады и кукольного театра. Авт. воспоминаний «Владимир Галактионович Короленко в семье Анненских-Богданович. — В кн.: «В.Г.Короленко в воспоминаниях современников». М., 1962. с. 435-455; «В те баснословные года». — В кн.: «Воспоминания о Корнее Чуковском». 2-е изд. М., 1983, с. 38-55, ил.

Дет. писатели; ИДРДВ. Т.3.Ч.4. № 7145; Т.4. Ч.4. № 9226.

БОГДАНОВИЧ Татьяна Александровна (урожд. Криль; 1872 — 1942), писательница, переводчица, мемуаристка.

Жена критика и публициста А.И.Богдановича; племянница публициста и общ. деятеля П.Н.Ткачева и писательницы А.Н.Анненской (см), в семье которой и ее мужа публициста Н.Ф.Анненского воспитывалась после смерти в 1875 матери С.Н.Ткачевой (см). Лит. деят. начала переводами в журн. «Мир Божий» — Т.А.Криль. Б. — автор популярных очерков и брошюр о социально-политич. устройстве, культуре и истории зарубежных стран, в т.ч. «Очерков из прошлого и настоящего Японии» (1905). Параллельно с работами по истории Великой французской революции пишет серию очерков по истории России и русского рев. движения. На политич. взгляды и этич. установки повлияла многолетняя дружба Б. с В.Г.Короленко.. Б. работала над первой частью «Биографии В.Г.Короленко», написала воспоминания о нем. Кроме того, Б. написала восп. об актрисе М.Н.Ермоловой, напеч. в журн. «Театр», 1978, № 8. После 1917 г. опубли. кн. «Любовь людей шестидесятых годов» (Л., 1929), пишет ист. повести и романы для юношества, напр., «Горный завод Петра III» (1936). Переводила Ф.Энгельса, Г.Спенсера, Г.Мопассана, Ж.Верна, М.Метерлинка, Б.Келлермана, С.Льюиса и др. М.б. она перев. с франц. кн. Р.Сюзерана «Рескин и религия укров» (СПб., 1900). По свидетельству дочерей, Б. умерла в эвакуации в Свердловске. Не опубли. воспоминания Б. «Повесть моей жизни» (1880-1910) — РГБ ОР, ф.218, № 382.383.

Русские писатели (портр.); КЛЭ. Т.9; ВД. Указ рук. (указ. имен); Шмаков; Корвин, А. «На литературной ниве». — «Вестн. Свердловск», 1983, 1 окт.; ИДРДВ. Т.4. Ч. 4. № 7989; Т.5. Ч. 2. № 2625.

(Продолжение на стр. 57)

Александр ВРАДИЙ,
руководитель спелеосекции детского дома

Альпинизм в темноте

Дети в походе

Около двух тысяч пещер открыто, описано и изучено сегодня на Урале. Общая их протяженность составляет около 180 километров. И все же в спелеологическом отношении Урал остается малоизученным уголком России. Особенно это касается Северного Урала, а уж Полярный Урал – это одно большое белое пятно на карте.

Вот такие белые пятна и «закрашивает» группа горнозаводских юных спелеологов из детского дома, которой я руковожу. Благо, есть где развернуться! В Горнозаводском районе, который относится к Пашийско-Чусовскому спелеологическому району, насчитывается более ста пещер. А с нашей помощью цифра эта из года в год растет.

Вы спросите, в чем прелесть нашего увлечения? Настоящие исследователи пещер, к которым мы себя причисляем, говорят, что спелеология – это альпинизм в темноте, занятие чрезвычайно привлекательное для человека. Здесь нужны и сила, и выносливость, и сноровка, и ловкость, и умение ориентироваться в полной темноте, в сложных, порой запутанных лабиринтах ходов, протискиваться через немыслимо узкие щели в скалах.

По-настоящему привыкнуть к темноте, к

тишине подземного царства дано далеко не каждому. Особенно трудно это взрослому человеку, утратившему романтичность, ставшему осторожным и рассудительным, растерявшему детскую любознательность и авантюристский азарт.

Но посмотрите на юных спелеологов. Как нравятся им путешествия под землей, как велико их желание найти пусть небольшой, но новый ход в открытой ими же пещере. Например, в пещере Барсучьей, что в семи километрах от Пашии.

Вот уже второй год пытаемся мы проникнуть в подземное русло реки Вижай в районе Суходола. Река делает здесь очень интересную пятикилометровую петлю и постепенно исчезает под скалами. Раньше мы лишь пытались определить, куда и как исчезает река. Но в этот раз мы решили вместе с Вижаем спуститься под землю.

Однако, к нашему удивлению, воды в реке было гораздо больше, чем в прошлый раз. Казалось, что в свое подземное укрытие она пробивается с трудом. Тогда мы решили помочь реке. Нам удалось частично разобрать каменные завалы на пути потока, огородить участок

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

каменной плотинкой. Но по тому, как мощно устремился поток по новому руслу под землю, мы поняли, что на дальнейшее исследование нет никаких надежд.

Но спелеологи – народ неугомонный. Немного отдохнув и пообедав, ребята решили обследовать поросшие лесом известняковые скалы вокруг. Не прошло и пятнадцать минут, как раздался радостный возглас Алеши Шилова, одного из лучших исследователей пещер: «Александр Сергеевич, здесь пещера!»

С фонарем, веревкой и каской поднимаюсь к ребятам. Осветив проход, спускаюсь при помощи веревки по наклонному, узкому ходу вниз. Внизу пещера раздваивается, и в каждом проходе – тупик. Общая длина новой пещеры 18 метров. Это уже удача, это солидное открытие.

Идем вдоль берега реки, и вновь возглас: «Пещера!» Это Виталий Мясников обнаружил узкую щель в скале. Осветив вход фонарем, доверяю первооткрывателю право первому ступить под своды пещеры. Ее длина оказалась восемь метров.

Потом нас ждало особенно приятное открытие. Очередная пещера, длиной 14 метров, оказалась уникальной. Ход вел наклонно вниз и поворачивал в конце. А за поворотом глазам представало ледяное озеро и ледяной метровой сталактит. И это в самый разгар лета – 17 июля! Вот так на карте нашего региона появилась своя Ледяная пещера.

К концу того дня мы нашли пять новых пещер, в которых не обнаружили следов пребывания человека (вроде дурацких надписей «здесь был Вася»). О своих открытиях мы сняли целый видеofilm, который с удовольствием теперь смотрим.

О находках мы сообщили в Кунгурский стационар Горного института Уральского отделения Российской академии наук. И уже в августе, когда первооткрыватели-спелеологи из детского дома отдыхали в загородном лагере, к нам приехал представитель института, координатор комиссии по учету и документированию пещер России, член международного союза спелеологов Игорь Лавров. Нашей изыскательской работой и находками новых пещер он остался очень доволен. Провел топографическую привязку наших открытий и дал ценный совет: вести поиск входа в подземное русло Вижая не в месте «нырка», а там, где река снова вырывается на свет.

По предположениям Игоря Лаврова, мы вполне

можем найти пятисотметровую пещеру с бегущей по ней рекой. А это, пожалуй, уже тянет на открытие мирового уровня!

На второй день своего пребывания у нас Лавров произвел топографическую съемку Кузьинских пещер в скале Диванная. Эти пещеры известны жителям Кузьи давно. Но первыми измерили их длину и дали им названия ребята из детдомовского спелеокружка. А названия-то какие! «Сквозная», «Ароматная», «Собачья будка», «Спальня».

Пусть эти пещеры небольшие (самая солидная – 34 метра в длину), но как интересно ползать в них без всякого опасения.

Удивляет порой учитель, отправляющийся с целым классом в Пашийскую пещеру, очень сложную для прохождения. У многих детей после таких походов на всю жизнь остается страх перед подземельем. А ведь недалеко от той же Пашии есть легкодоступная пещера Канабековская. На реке Северной около десятка «детских» пещер. О пещерах на границе поселка Кузья знают единицы, а пещеры эти тоже вполне безопасны и доступны для детей.

Подземное царство требует осторожного обращения, не каждому оно доступно, даже среди бывалых спелеологов, например, найдется немного знатоков, побывавших во всех лабиринтах Пашийской пещеры, протянувшейся под землей на 522 метра, с ее тремя этмжами.

Надо уметь подходить к изучению пещер. И тогда вместо страха они подарят вам радость открытий. Вот наши новые пещеры, которые нашли мы с ребятами в районе Вижайской петли, будут внесены в кадастр пещер Урала. Мы готовимся к новым исследованиям Вижайского феномена, к исследованиям пещер на реке Северной возле Пашии. Обо всем, конечно, расскажем.

Шадринские рыболовы ходатайствуют...

Первыми в крае занялись рыбоводством монахи Далматовского монастыря. По их заказу еще в 1899 году крестьянин деревни Притыки Лев Ножков с товарищами копали канавы и отвозили землю, сооружая «рыбный садок», а далматовский крестьянин Василий Шабанов изготовил «деревянную трубу» для пропуска в этот рыбный садок воды из реки Исети. Подрядчику Льву Ножкову с товарищами уплачено в декабре месяце 98 руб. 50 коп., Василию Шабанову 5 руб. 70 копеек. (ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 2989. Л. 109, 123.)

В 1910 году по инициативе П.Л. Грибова, В.К. Макарова и И.М. Петрова было создано «Шадринское Общество Рыболовства и Рыбоводства». Был выработан устав Общества и передан К.Д. Носилу. По его ходатайству устав Общества утвержден Департаментом землеустройства и земледелия 29 октября 1910 года. Гербовые и почтовые расходы производил П.С. Емельянов из собственных средств безвозмездно.

11 декабря 1910 года в помещении Городской Управы открылось первое собрание Общества. Явилось 75 лиц. Председателем собрания был избран П.С. Емельянов. Он познакомил собравшихся с уставом Общества, после чего все присутствовавшие изъявили желание стать его членами. Был установлен размер членского взноса: ежегодно — в 1 рубль и пожизненно — в 10 рублей; организованы правление Общества и комиссия для составления инструкции об обязанностях членов Общества.

На заседании речь шла о причинах уменьшения рыбы в реках и озерах Шадринского уезда. Было сделано заключение, что главным злом является ловля рыбы весной во время икромета, а также ловля рыбы, не достигшей половой зрелости.

По просьбе правления Общества шадринский уездный исправник разослал предписание полицейским надзирателям, становым приставам, полицейским урядникам и волостным правлениям Шадринского уезда о принятии мер к недопущению рыбной ловли незаконным способом. Была выражена просьба воздержаться от ловли появившейся в екатеринбургской городской пруд и распространившейся вниз по Исети.

Городское Управление предоставило Обществу для заповедного участка проток реки Исети под названием Веселуха с прилегающими к нему

озерками — для организации рыбного питомника. «Почти половина всех городских рыбных угодий, начиная от местных под названием Глубокий Угол и включая Замедрину и Ладочку, и далее вниз по реке Исети до восточной границы с крестьянскими владениями, были отданы за 200 рублей в год сроком на три года в аренду рыбопромышленникам на условиях, что размер ячеек в неводах и сетях будет не менее $6\frac{1}{4}$ кв. см и они не будут ловить рыбу во время икромета». (Отчет Общества за 1911 год.) Во время икромета разрешалось ловить рыбу только удочкой.

Председатель правления Общества рыболовства и рыболовства Н.А. Мамонов, выступая с докладом на IV съезде сельских хозяев, отметил, что рыбный промысел у нас в России до самого последнего времени стоял на весьма низкой ступени развития. Он подробно остановился на проблеме искусственного разведения рыбы, устройстве рыболовных прудов; рассказал, как вести карповое и форелевое хозяйство, об их особенности и достоинствах, познакомил участников съезда с опытом организации рыболовных заводов в России и в частности на Урале.

Н.А. Мамонов доложил съезду, что 27 ноября 1913 года на общем собрании Общества были выработаны местные правила по рыболовству для Шадринского уезда. Эти правила были рассмотрены в г. Екатеринбурге Совещанием специалистов и приняты для всего Зауралья.

Правила эти следующие:

1. В целях сохранения рыбы во время икромета (с 1 апреля по 15 мая включительно) воспрещается всякое рыболовство, кроме ловли удочкой для собственного продовольствия.

2. В течение запретного времени воспрещается провозить, принимать перевозки, продавать рыбу и икру как в свежем виде, так и свежеприготовленные всех местных и разведенных пород.

3. Для продажи рыбы, выловленной до запретного срока или привезенной из других местностей, где лов не запрещен, назначается льготный 10-дневный срок, причем необходимо, чтобы лицо, продающее такую рыбу, имело удостоверение от властей о том, что таковая действительно выловлена до запрета или привезена из других местностей.

4. Воспрещается употребление орудий ловли с

ячеями менее полувершка от узла до узла в намоченном виде.

5. В проливах рек и протоках, соединяющих разливы рек или озера с самой рекой или озером, воспрещается устройство всяких преграждений (сетовых перегородок, заборов, земляных валов и т.п.), препятствующих свободному передвижению рыбы.

6. Лов и отгон рыбы посредством одуряющих ядовитых или взрывчатых веществ (кукельвана, извести, динамита, смолы, нефти и др.) воспрещается.

7. Воспрещается ловля, а равно продажа и перевозка для продажи раков, не достигших в длину от конца носа и до конца хвоста (шейки) 2 вершка.

Для разведения некоторых пород, не имеющих в диком состоянии в р. Исети, а также разведения местных пород рыбы Общество наметило 7 арендованных у города озер: Рогожка, Пуга, Золотое, Долгое, два Бебешенских и Черное. В протоках из этих озер в апреле 1913 года устроены разборные шлюзы, в результате чего зашедшая в озера во время весеннего половодья рыба запырала, чтобы поддержать высокий уровень воды. В озеро Рогожка было посажено несколько пудов крупных линий и икрянников, и молочников. Была предпринята попытка приобрести карпа, сазана или судака для разведения их в шлюзованных озерах, но не получилось, запущенные мальки форели во время сильного наводнения в июле 1913 года ушли в естественные воды р. Исети. 13 мая было выпущено в Исеть 1100 штук раков.

В 1914 году Общество поставило целью осуществить следующие задачи:

- исследовать все воды уезда в промыслово-научном отношении. Для этого ходатайствовать перед губернским земским собранием и департаментом земледелия об ассигновании кредита;

- организовать в г. Шадринске небольшой рыбобродный завод, где выводить и воспитывать мальков;

- устроить в Шадринском уезде правильное карповое хозяйство для заселения карпами остальных вод уезда. Для этой цели возможно использование пруда при сельскохозяйственной ферме;

- правление Общества рыбобродства и рыболовства нашло крайне желательным для Шадринского уезда в самое ближайшее время иметь должность инструктора по рыбобродству. (IV съезд сельских хозяев Шадринского уезда. Шадринск. 1915.)

БОГДАНОВСКАЯ Вера Евстафьевна

(См. Полова, В.Е.)

БОГДАНОВСКАЯ Екатерина Владимировна, драматург.

Венгеров, Источ.

БОГДАНОВСКАЯ Зинаида Павловна, драматург.

Венгеров, Источ.

БОГДАНОВСКАЯ Софья Николаевна (псевд. Белая, С и др.), драматург.

«Драматические сочинения» 4 тт. М., 1910-11; «Комедиант (Еврей из Голты)» Драма. М., 1911; «Юродивые», пьеса. М., 1911; «Грешники (Враг побежден), трагифарс». М., 1914; «Серенькие герои (За родную землю)», драма. М., 1914; «Семья певички», драма. М., 1914; «Вот так Мимишка!...» (в соавт. с И.И. Данским — псевд. Ждарский, И.) СПб., 1914; «Дамочка с пужинкой», миниатюра. Пг., 1915 и др.

Масанов.

БОГДАТЬЕВА Е.

Сотр. в сб. «Под знамя Правды: (Первый сборник общества пролет. искусств)». Пб., 1917.

Розанов.

БОГЕЛЬМАН С.З., издательница.

Издавала в СПб. серию научно-популярных книжек для женщин: «Каллобиотика. Искусство сохранения женской красоты», «Жена, мать и дитя. Интимные советы женщине», «Уход за здоровым и больным ребенком», «Руководство к воспитанию детей. Рассказы о детях» В 2-х ч., «Цветоводство, садоводство, огородничество и плодородство», «О женщинах (За и против): Афоризмы, изречения, парадоксы о женщинах, замечания по женскому вопросу...» и др. Все вышли в СПб. в 1909 г.

БОГЕМСКАЯ Евдокия Прокофьевна (псевд. Боярская, Е.), драматург.

Масанов; Венгеров. Источ.

БОГНЕР Марта Карловна (1896 —), авт. воспоминаний.

Трудовую жизнь начала с 14 лет ученицей продавца. В 1918-м вступила в коммунистич. партию и руководила работой среди женщин в районах г. Перми. Затем жила и работала в Свердловске. Авт. воспоминаний «Так начиналась новая жизнь» — в сб. «Женщины Урала в революции и труде». СВ., 1963. С. 260-264 (портр).

БОГОЛЕПОВА Екатерина Александровна (урожд. княг. Ливен), авт. воспоминаний; жена юриста, профессора и ректора Моск. ун-та, министра народ. проsv. Н.П. Боголепова; учит. гор. училища в Москве (1899).

Сост. хрестоматии; авт. восп. «Николай Павлович Боголепов: Записки». — М., 1912.

Венгеров. Источ.; ИДРДВ, т.4, ч.1, № 1120; Форш, О.Д. Вчера и сегодня. — Собр. соч. в 8 тт. М.-Л., 1964, т.8, с.450-459.

БОГОЛЮБОВА Анна Андреевна, педагог.

Сотр. в журн. «Друг Женщин», 1883, № 2, 3.

Масанов; Венгеров. Источ.

БОГОЛЮБОВА Екатерина Григорьевна (псевд. Богомолова, Е.), писательница.

Масанов.

БОГОЛЮБОВА Зинаида Георгиевна (псевд. Землянская, Л.; 1884 — 1921), журналистка.

Масанов.

(Продолжение на стр. 87)

Владислав ПЕТРОВ,
путешественник, фотограф

ФОТОСОВЕТЫ БЫВАЛОГО

Советы специалиста

Приветствую вас, дорогой читатель! Осмелюсь предположить, что вы любите родной край, интересуетесь путешествиями. Вами исхожено уже немало дорог. Что влечет нас в путь? Что заставляет оставить уют и размеренную жизнь, устремившись в неизвестное? Наверное, это поиск чуда. И тот, у кого глаза широко открыты, обязательно его находит. Но, видимо, так уж устроен человек, что у стремлений должны быть

материальные, конкретные воплощения. Нужна конкретная цель. Например, фотография.

Я достаточно много странствую и никогда не расстаюсь с фотоаппаратом. Вначале это была «Смена» 8м, затем различные модели «Зенитов». Три года как перешел на «цифру». Накоплен определенный опыт, которым и хотелось бы с вами поделиться. Неформально. Как беседуют у вечернего костра два путника.

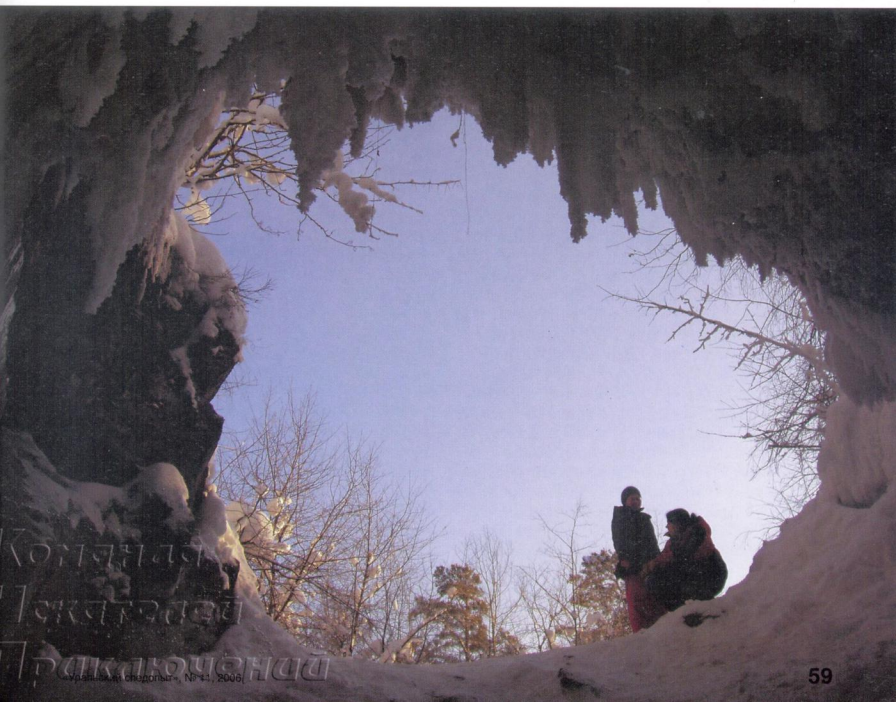
Путешественник является прежде всего наблюдателем. Фотограф — наблюдатель прежде всего. Делая снимок, мы останавливаем время, краткий миг замирает и начинает звучать. Нужно увидеть не только композиционное построение кадра, это во многом технические моменты, но и уловить ускользающее чудо, остановить его. Поэтому необходимо быть крайне внимательным. Без достаточного внимания мир становится серым и невыразительным, окружающее начинает ускользать, как вода через дырявое ведро. Удивительное пройдет мимо, навсегда, ничто не повторится. Следует быть готовым увидеть, запомнить и сохранить чудные мгновения, а еще лучше сфотографировать. Коллекция удивительных моментов жизни — это то, что действительно принадлежит нам. Когда внимание активно — окружающее наполняет радостью, мир становится захватывающе интересным, даже в простом, все вокруг меняется, и видишь все таким, как в детстве: чуть-чуть приоткрытой тайной.

Довольно лирических отступлений! Пища духовная также связана и с пищей из духовки. Поэтому фотограф в путешествии должен быть сытым. Доктор

сыт, так и больному легче. Всегда, отправляясь на природу, берите с собой запас, пусть всегда будет под рукой. В нашей Компании всегда используется карманное питание: всем участникам на день выдаются калорийные продукты (конфеты, орехи и т.п.), которые рассываются по карманам и употребляются каждым по мере необходимости. Очень удобно, и настроение хорошее! Хочется фотографировать, и в голове рождаются новые идеи.

Об аппаратуре. В далекое путешествие тяжелую зеркальную технику следует брать крайне осмотрительно. Через несколько десятков километров она становится значительно тяжелее. Я предпочитаю псевдозеркальные камеры. Очень хорошо, если фокусное расстояние 28-200, и может снимать в RAW. Крайне желательно, чтобы аппарат мог работать от простых батареек. Не пожалейте денег на хороший кофр: он должен закрываться на молнию и быстро открываться.

Я использую кофр от видеокамеры, пенопластовые прокладки в стенках — надежная защита. Носить предпочитаю на шее, получается баланс веса с рюкзаком и некоторая защита от непогоды. Ремень

отрегулирован так, чтобы на кофр было удобно производить локтевой упор. Еще одним преимуществом является то, что в случае вероятности падения положение кофра можно изменить на безопасное, и вы избежите риска раздавить аппаратуру своим весом, что имеет место, когда сумка пристегнута на пояс. В особых случаях можно даже взять ремень в зубы.

Фотоаппарат будет целее, если приложиться к нему головой, нежели местом прямо противоположным. Под рукой должны быть запасные аккумуляторы, лучше их носить в том же кофре. Обязательно надевайте на объектив бесцветный защитный светофильтр, случайно нанести царапину можно даже крышкой от объектива. Для чистки оптики приобретите углеродный карандаш, очень стоящая вещь! Сначала расположенной на одном конце кисточкой сметаем пылинки и песчинки, затем углеродной насадкой снимаем загрязнения. Если не получается, можно предварительно подышать на линзу. Чрезвычайно полезен поляризационный светофильтр. Картинка получается насыщенной, небо хорошо проработано, гасятся ненужные блики. Когда будете покупать светофильтр, обязательно возьмите с собой камеру и примерьте в магазине.

Обратите внимание, не затемняются ли углы кадра (кэширование).

Неоценимым может оказаться дублирующий фотоаппарат. Будет очень обидно, если в экспедиции произойдет поломка. Аппарат восстановить будет можно, а упущенные снимки — никогда. Дублирующая камера предпочтительна компактная, и просто великолепно, если она будет водозащищенной. В дождь, снег и туман можно не рисковать дорогой техникой, а снимать защищенной. В полевых условиях самым хорошим аппаратом является работоспособный... Таков горький опыт.

Во всех серьезных фотографических журналах пишется о пользе штативов, о том, что профессионалы снимают со штатива. Правильно. Но не всегда верно. В походе или экспедиции идет группа людей, и съемку приходится очень часто делать на ходу. Времени достать штатив нет. Да и желания нет совершенно, когда и без того тяжело. Практически полноценный штатив применяется только при панорамной съемке более 3—4 кадров. Наличие жидкостного уровня в таких случаях обязательно. Если вы рассуждаете снимать закаты на длительной выдержке или HDR, очень удобным будет штатив-

струбцина, прикрученный к воткнутому в землю дорожному посоху.

Теперь поговорим, когда снимать. Идеальных классических и приятных условий для фотосъемки в походе почти не бывает. Поэтому, если внутренний голос говорит вам, что здесь может получиться хороший кадр, надо себя заставить. Не слушайте собственные «здравые» рассуждения, это лишь оправдания, чтобы погреться и не промокнуть. Ловите кадр в видоискатель и давите кнопку. Сделайте несколько дублей.

В сложные экспедиции не стоит брать супер-профессиональную технику. Когда я участвовал в киноэкспедиции Свердловской киностудии на Маньчжулер, ограничения по весу были очень жесткими. Приходилось нести тяжелое кинооборудование, и личных вещей почти не брали. Вес рюкзаков был 35–40 килограммов. Погода была от теплой и солнечной — до пяти дней непрерывного снега с дождем, летящим почти горизонтально из-за сильного ветра. Прекрасно показал себя аппарат Olympus C50. Из сумки Lovero и шнура от сотового телефона была сделана портупея, фотокамера заняла место у левой подмышки, под курткой. Надежно

крыта от непогоды, всегда в тепле, что исключает запотевание, и выхватывается одной рукой. Удобно, быстро, располагает к творчеству. В результате — удачные фотографии, участвовавшие в выставках у нас и в США.

У фотографии есть интересная особенность. Она должна вылежаться, созреть, как хорошее вино. Или наоборот. Вернувшись через некоторое время, можно с удивлением и по-новому увидеть свои снимки. Не спешите стирать то, что показалось неудачным.

Не знаю, как у вас, дорогой читатель, но у меня создание фото не заканчивается процессом съемки. Все только начинается. В уютных стенах своего дома, сидя за монитором, происходит второй этап волшебного действия. Кадрируешь снимок, неуловимо меняешь экспозицию, накладываешь маски. А может быть, этот снимок выиграет от большего контраста? А здесь попробуем сделать монохром....

Это сильно напоминает прежние времена, когда таинство творилось в ванной комнате при свете красного фонаря. Вновь погружаешься в то время, когда вместе с друзьями, решимостью и фотоаппаратом шел по горам навстречу чему-то неизвестному и очень важному.

Алексей СЛЕПУХИН,
путешественник, врач,
действительный член
Русского географического
общества

На север Главного Уральского хребта

I.

Как рождаются проекты и что необходимо для их осуществления.

Вот и наступил новый сезон горных путешествий. Как я и планировал в прошлом 2002 году, наша группа готовится к серьезному походу на север Урала. Связавшись со знакомыми из заповедника «Денежкин Камень», получил ценный совет: сходить в район перевала Ходовой. Этот маршрут рассчитан на недельное пребывание на природе. Все, с кем я советовался, говорили, что там очень красиво. И если идти куда-то в районе Североуральска, то только туда. Готовились заранее, долго обсуждая всевозможные мелочи. Собрались пойти небольшим составом вместе с детьми. Но не тут-то было. Наше предприятие заинтересовало очень многих наших знакомых и коллег. И так, нас двадцать.

За пару недель до старта арендовали вахтовку, что может свободно проходить по разбитым лесовозным дорогам.

Все с нетерпением ожидали долгожданный отпуск, в особенности дети. Мой Тимоша, как всегда, стал заранее готовиться к нему, насобирав кучу вещей. И вот, наконец, наступил последний день — день сборов. Но он-то как раз и был самым тяжелым и

преподнес разные сюрпризы: то терялись необходимые аксессуары, то «всплывали» неожиданные препятствия. Вот остается всего два часа до отправления поезда, когда выяснилось, что арендованная машина поехать не сможет.

Что делать? Нужно искать другую. В оставшийся короткий промежуток это сделать непросто. Но все же нам повезло — соответствующее авто нам подобрали. И в очередной раз я убедился, что для реализации идеи необходимо желание, порою очень сильное, и удача, а точнее помощь сил извне, скажем так, благоволение.

II. Начало

Как всегда, рюкзаки забиты доверху, плюс неимоверное количество продуктов и три гитары. Ночью в поезде спать опять толком не пришлось — наши дети ошалели от восторга. Зато пробудка была ранняя: сначала пили чай в шесть утра, а затем разговоры и разговоры.

Наконец поезд притормозил. Перед нами предстало арендованное нами авто — вахтовка с печкой внутри. Затолкав весь свой скарб и втиснувшись туда, поняли, что на большее количество людей она и не рассчитана. Тронувшись, машина стала подпрыгивать на всех дорожных ухабах, и мы вместе с ней: кто в такт, а кто как придется.

Ехать пришлось долго. В вахтовке постепенно становится жарко, а потому тянет в сон. Чтобы не сморило, устраиваем песенный конкурс. Приз — кило конфет. Поначалу именно взрослые начинают затягивать песни, но затем включаются и дети. Никому не хочется проиграть. Но бессонная ночь и духота берут свое, и конкурс постепенно затихает. Лишь Леша Бердюгин не прекращает — уж очень хочется мальчишке выиграть.

Кое-кто из моих друзей клюет носом, «зафиксировавшись» среди рюкзаков. Меня и самого тянет ко сну, но вот, наконец, машина останавливается.

Закемарившиеся участники путешествия начинают потягиваться и нехотя вылезать наружу. Погода неплохая: солнышко да редкие облачка. Никакого намека на изменения нет. Растаскиваем вещи и делим продукты. Постепенно рюкзаки становятся тяжелыми. Мой, как всегда, рассчитан на двоих — сын несет небольшой рюкзачок, в котором лишь мелочи мальчишки. Когда он его собирал, было любопытно наблюдать за ним. Нетерпение, желание, азарт путешествия (он со мной скитается с двух лет с небольшим) граничат с нехваткой знаний и «острой необходимостью» захватить с собой половину дома. Я с любовью и теплой улыбкой взирю на него.

От ребятни так и разит нетерпением. Скоро все упаковано. Трогаемся.

Первый бросок показывает, что груза мне многовато, но нужно терпеть. Проходим пару километров — остановка. Подтягиваются все, и часть груза перераспределяется. Ко мне обращается Володя Попов, «Усатый», давний знакомец по студенческим путешествиям. Его просьба проста и наивна — понести палатку. После некоторого упорства и препирательства забираю его груз.

Ух! Первые же полкилометра допгруз (спасибо тебе, Вов! Век не забуду твою доброту и свою отзвучившую глупость!) оттягивает руки. Что же ты туда положил, дружище?!

Ну вот, наконец, мы на гребне сопки. Впереди сквозь часток лес угадываются верхушки гор, но не отчетливо. Откуда-то неподалеку слышен звук перекатов реки. Это и есть Сосьва. Про нее мне неоднократно рассказывали, предупреждая, что река не опасная, но своенравная. Спуск начинается неожиданно, и резко уходит вниз, петляя между телами деревьев, кое-где попадая в ловушки из корней северного леса.

III. Переправа

Быстро спускаемся по крутому склону, иногда почти сбегая, даже, несмотря на тяжесть рюкзаков,

и упираемся в бурлящую преграду реки Сосьвы. Течение стремительное и уносит немногочисленные палки и листья довольно быстро. Глубина достигает в некоторых местах выше метра. Для форсирования этого препятствия решаем натянуть трос, держась за который будет удобнее перенести груз и детей на своих плечах и спинах. Первым отваживается Дмитрий. Он проходит бурную Сосьву, фиксируя трос на ближайшей березе. Пока идет подготовка и переход через речку, раздается гром. Через несколько минут начинает моросить дождь. Торопимся побыстрее завершить переправу. В то время как через реку пытается пройти следующий коллега, Дмитрий на другом берегу Сосьвы отчаянно разгоняет комаров, махая руками и дырягая ногами. Издалека смотрится презабавно. Но вот, наконец, ему передают одежду. Дмитрий разворачивает сверток, и... оказывается, что ему передали лишь футболку и бандану. Следует вопрос: «А брюки?» Все понимают комичность ситуации и подбадривают Диму, мол, попрыгай еще немножко.

Я же сначала перевозку на плечах Тима, «удачно» ухватившего меня за подбородок, а затем и наш объемистый рюкзак. Вода обжигает ноги. Бр-р-р. Камни в ней круглые, отшлифованные, как в боулинге. Удержаться на них крайне сложно. Ступаешь и чувствуешь, что в любой момент нога может «поехать» на этих камешках. Воды в Сосьве после недавних дождей многовато, в среднем чуть ниже пояса. Когда вступаешь в нее, нет ощущения особенного холода, но уже через несколько минут жалеешь о том, что залез в нее. Руки сына начинают давить на горло. Остановливайся. Через грохот перекатов кричу ему, чтобы он пере-

хотился. Чудак человек! Тим с удовольствием оттягивает мои уши, особенно в моменты, когда мы вынужденно наклоняемся или соскальзываем. Мои уши, до сего момента прекрасные и аккуратные, начинают приобретать форму слоновьих, оттягиваясь книзу. Уже на берегу, ссадив Тимофейку, пытаюсь вернуть им утерянную форму. Не тут-то было. Они горят и странно чешутся. Необходимо идти обратно — меня ожидает наш рюкзак.

Володя Попов прихватил с собой несколько двухлитровых бутылок пива. Пока шла подготовка и первый переход, часть из них опустела. На переправе наши дети спрятали одну из бутылок, так что нашему усатому другу пришлось обойтись впоследствии без пива.

Постепенно преодолеваем эту «артерию», правда, кто как. Некоторые, как, например, Вера, замочив все, что было надето на тот момент: она вдруг оступается посередине Сосьвы. Мелкий дождик накапывает весь промежуток переправы. При этом наше возбуждение приправлено долей авантюризма, риска и смеха. Мои спутники оживленно обсуждают детали переправы. Игорь, например, снимает все на камеру, жадно фиксируя трудности и любые веселые моменты, особенно когда Вера оступилась и уж тем более когда насрочно переодевается.

IV. Дорога

Двинувшись дальше, упираемся в болотистую местность. Приходится то и дело переносить с одного островка на другой ребятишек. Скоро понимаем, что это бесполезная трата времени и сил, и все, включая детвору, шлепаем по мокрой тропинке и лужам. Эта болотистая почва дополняет наши «водные трудности». Дорога вьется среди непросохшего, раскоряченного леса. Дождик прекращается, но мы, потеряв много времени и сил на переправе, убеждаемся в том, что вечер затянется надолго, может быть, захватив часть ночи.

Через полтора часа передвижения кое-кто из ребятишек начинает уставать, потихоньку канюча: «Ну когда мы придем?» Тимоша, тоже устав, делает несколько неосторожных шагов, набирая воды в сапоги и вымочив спортивные брючки. Переодеваться некогда, да и смысла в этом нет никакого. Забираю Тимин рюкзак себе и, ведя его за руку, пытаюсь отвлечь его внимание на что-то другое. Делаем еще несколько переходов, каждый раз все больше уставая. Зато дети активно поглощают конфеты во

время отдыха. Наконец, в половине десятого вечера (светло как днем) упираемся в речушку. Это и есть долгожданная Ходоковка, берущая свое начало двумя истоками на одноименном перевале. Значит, осталось немного. Возвращаются ушедшие вперед на разведку Данил и Володя, принося долгожданную новость: в полукилometре находится избушка, про которую мне и говорили. Обрадованные, спешим все туда. Уставшие было ребятишки весело бегут по тропе. Вот и охотничий домик. Он небольшой.

Избушка не новая, но и древней ее не назовешь. Интерьер не богат: пара окон, полаты широкие да стол подле окон.

С чистотой в домишке не порядок. Но в первый вечер не до этого. Наши драгоценные девушки Лена, Вера и Наташа затевают срочный ужин. Несколько минут, и общими усилиями затрещал костер, а на нем уже в котлах закипела вода — каша и чай обеспечены! У ребятни в глазах ни намека на усталость, хотя мой Тим, как самый младший, все ж таки уже спит на ходу. Только пока сам об этом не знает.

Молодежь устраиваем в домике, сами же торопимся соорудить на скорую руку навес перед входом в домик, чтобы разместиться взрослым. Все устали и хотят побыстрее улечься. Процесс обустройства спальных мест занимает некоторое время. Как всегда, кому-то не хватает лежа, и начинаются дружеские препирательства, передвижения и неизменные сравнения: чье место лучше. Я проваливаюсь в сон под сопение прижавшихся ко мне Игоря и Володи «Усатого». Но я в эту ночь уже ничего не слышал. Горы охраняли наш сон.

В. У подножья Урала

Перевал медленно закрывали белесые полоски облаков, передвигаясь по склону, «съедая» сантиметр за сантиметром. Серовато-зеленая масса гор, возвышающаяся над нашим лагерем, постепенно меняет свои очертания. Верхушки кедров молча наблюдают за тысячелетним спектаклем. Хмурое утро из-за сплошного облачного одеяла безветрен-

но. Внизу в долине шумит небольшая, но активная речка Ходоковка. Рано утром она представляет великолепное зрелище: отдавая должное прохладному утреннему воздуху, образует некое подобие утреннего тумана. Точнее, это дымок, струящийся параллельно слабому водному потоку. Ходоковские бережки покрыты лишайниками и небольшой растительностью, любопытно подглядывающей за твоими движениями. Слово маленькие гномки они там и тут высываются, чтобы понять: кто ты и зачем ты здесь?

Утро настает рано — одним из первых просыпается сын. Он потихоньку начинает шевуршать в домике, не давая спать засоням. Скоро к его возне присоединяются девушки, затевающие утренний моцион у берега речки, да кто-то из мужчин зажигает костер. Все знакомо. Я знаю, как будут развиваться дальше события, кто и чем будет заниматься. От этого становится на душе приятнее. И хотя наша походная жизнь далека от пятизвездочных условий, эта наша жизнь. Мы так живем. И всем, с кем сталкиваемся, мы прививаем «вирус путешествий», образ жизни.

Пока идет подготовка к завтраку, мы совещаемся и приходим к мысли, что навес для взрослых необходимо перестроить, а в домике каждый вечер нужно устраивать «выкуривание» кровососущих.

Пока суть да дело, начинаю организовывать молодежь на приборку территории. Пусть некоторые неженки боятся заставлять своих чад заниматься таким «грязным» делом, я считаю, что именно с детства необходимо объяснить ребятам, что это важная часть пребывания человека в природных условиях. В городе все проще — бросил мусор, авось его подберут. А в диких условиях прибраться некому — твое «наследие» будет долго напоминать о твоих делах. И пусть соннут занудой, меня это несколько не волнует. Главное — прибраться, и так уже ступить некуда: масса грязи и помоек.

Поначалу неохотно, но все-таки потом дети начинают приборку. Особенно сложно приходится Роме

Шаламову и Данилке Прыткову — они новички в этом деле. Но ничего, поймут.

Природа вокруг сурова, но красива. Вокруг нашего жилища возвышаются кедры, северные исполины, а над ними реют вершины гор. Место очень красивое и притягивает своим северным обаянием. Завтра нам предстоит вылазка к вершине Гумбольдта — главной цели нашего путешествия. Ее не видно из лагеря, да и с нижнего участка перевала не заметишь. Путь к ней обходной. Сначала надо подняться к одной вершине, миновать другую и лишь там....

VI. Сюрпризы гор

Утро выдалось великолепное. Солнце только начало проглядывать сквозь ночные тучи, отдохавшие на окрестных вершинах, как мы засобирались в дорогу. Дорога вьется сначала на перевал, откуда великолепный обзор Уральских гор.

Если кто-то скажет вам, что Уральские горы невысокие и их очень легко преодолеть, на них заберется и любой новичок, не верьте этому. Горы наши хоть и невысоки, но своенравны, в них приключается всякое. А потому не рассчитывайте на легкую прогулку в окрестностях вашего мегаполиса. Все будет по-другому. Согласно, высоты не большие, но сюрпризы могут они (горы) преподнести любые.

Идти легко. Нас четверо. Кроме меня и Влада Петрова с нами идут Дима Элькин и Володя Попов. При подъеме замечаем великолепный снежник, одеялом раскинутый на склоне перевала. Вода из ручейка, что весело высвобождается из него, обжигające холодная и кристально-прозрачная. Набирая ее в пластиковую бутыл, прихожу к выводу, что тара не для этого живого существа. Правы биологи: вода — живое существо. Не хочется покидать прохладу снежника, хотя на его «одеяле» сторет пара пустяков. Прыгая по курумнику, мы, наконец, взбираемся на седло перевала, остается чуток, и увидим все, до горизонта. Но тут под ногами раздается звук, напоминающий пощелкивание, и... рассыпную бегут малыши курупатки. Лишь мать, демонстрируя извечную природную хитрость, прихра-

мывает, заваливаясь на «большой» бок. Тем временем ребяня веером рассеялась по курумнику, спрятавшись в неприметных местах. Курупатка еще некоторое время «отводила» наши глаза, а потом легко упорхнула. Но напоследок я все-таки успел ее запечатлеть. Каждый раз, когда я просматриваю альбом, эта фотография напоминает мне такие далекие приятные моменты.

Вскоре мы оказываемся на перевале. Обманчивость расстояний может сыграть шутку с вами, если опыта маловато. Каждый раз в горах кажется, что все близко и все рядом. Но это иллюзия. Иногда чтобы достичь какой-то точки, нужно очень много идти, причем не всегда по прямой или на одном уровне. Потеря высоты не очень выгодное мероприятие. Гораздо проще двигаться на одних высотах.

Мы весело начинаем взбираться на склон горы. Идти по огромному курумнику легко и удобно. Можно даже бежать. Солнышко то и дело прикрывают облачка, небольшие и прозрачные. Ничего не предвещает изменения в погоде. Вдруг слышим далекий окрик. Оборачиваемся и видим: вдалеке на гребне стоит вторая группа наших путешественников с детьми. Усаживаемся передохнуть. Вторая группа, немного побродив, машет нам и уходит обратно в лагерь. Мы же начинаем двигаться дальше.

Обогнув гребень, замечаем вершину, скрытую от нас. Это и есть вершина 1410 метров, названная в 2001 году в честь великого путешественника Александра фон Гумбольдта. Размышляя над его экспедициями, трудностями и успехами, не замечаю изменения в погоде. Небольшое облако, быстро перевалив через тело ближайшей к нам вершины, устремилось навстречу к нам. Мы торопимся побыстрее проскочить неудобный участок, но поздно. Облако, настигнув нас на склоне вершины, будто в назидание нам, цепляется за вершину и с удовольствием начинает свое «мокрое дело». Смакуя привилегию в данной ситуации, облако насылает одну за другой волны дождя. Пытаемся спрятаться под валунами. Наивные! Ручейки один за другим находят нас, проникая то за шиворот, протекая тонюсенькой струйкой по спине, то наотмашь ударяя

в лицо. Сидим промокшие насквозь, ожидая, когда природа успокоится. Через полчаса темп ливня урчаётся, отпуская нас. Прогрогшие, спускаемся вниз к подножью горы. Чтобы согреться, вылезает из своей одежды обсыхать на ветру. Зябко. По двое выжимаем одежду, активно встряхивая ее напоследок. Забираться в нее обратно удовольствие не из приятных, но необходимое.

Бр-р-р-р...

Облако так и висит над вершиной, сбросив «якорь» на пик и задержавшись на «передышку». Возвращаемся в лагерь. Как ни обидно, но это лучше сделать сейчас. У половины из нас нет плащей, да и обувь сыра — быстро разобьем ее.

Два сюрприза. Таких разных и таких памятных!

Обратная дорога всегда бежит быстрее. Близость «дома», знакомый уже маршрут, предвкушение передышки и горячая еда, сухая одежда и теплое дыхание костра. Небольшой дождь (все осадки выпали именно на нас там, на склоне вершины) лишь добавил новизны в красках зелени и серых языках курумника. Нас встречают смехом и теплотой. Все знакомо и приятно. Даже на шутки товарищей мы лишь устало улыбаемся, не пытаясь связывать в ответ. Сын прижимается ко мне, словно очень давно меня не видел. И это еще один сюрприз в горах.....

VII. Следующая вылазка

Раннее утро. Наш лагерь просыпается неохотно. Поначалу выползает один мой товарищ, покурить и привести себя в порядок, потом другой. А там и девушки понемногу подтягиваются. Сын, ранняя пташка, уже тут как тут. Проголодался. Ему первому достается порция утренней каши, горячей и вкусной. Затем начинают просыпаться засони. Если так будет каждый день, то завтракать им будет нечем. Пример тому Алексей Бердюгин, поднимавшийся поздно и почти всегда остававшийся без сгущенки, точнее, со сгущенкой на дне банки.

Сегодняшние планы — подъем на соседнюю вершину. Выходим все, кроме Володи Попова. Под-

ниматься приходится, словно по гигантским ступеням, покрытым для неудобства курумником. Забираешься на одну, а за ней видна следующая. И так несколько штук. Сын почему-то быстро устает сегодня, и мы скоро отстаем от общей группы. Она отрывается на довольно большое расстояние, и нам приходится долго нагонять их. Ну, вот мы и вместе. Перед нами простирается огромная масса зеленого моря, кое-где прерываемая лишь седьми вершинами, да внизу под нами виднеется заболоченное озеро. Поднимаясь по склону, замечаем несколько снежников, белеющих под жаркими лучами светила. Отдыхая на склоне, я разглядываю остов от деревца. Высушенный, лишенный украшений и потерявший смысл жизни, он остается здесь на долгое время, пока, наконец, под ударами судьбы и стихий не распадется на составные части. А пока он свидетель бесчисленных закатов и восходов, смен сезонов и настроений. Я испытываю уважение к таким существам, сильным и мудрым, хотя некоторые в этом никакой мудрости и не увидят. Но это дело каждого...

А вокруг огромное море. Сын, немного отдохнув, встает и рассматривает даль, указывая куда-то в глубину зеленой шерсти, отпырившейся на хребте. Так он и остается запечатленный мною на пленке с вытянутой рукой, словно профессионал. Сколько у этого мальчишки впереди! Аж завидно самому.

Короткая передышка закончена, ребята начинают подтягиваться вверх. Переваливаем через последнюю ступень, перед нами открывается огромное плато, почти горизонтальное. Ребятня рассматривает что-то под ногами, обменивается шутками. Тим, устав, начинает нить потихоньку, выпрашивая очередную остановку. Затем вообще отказывается идти дальше. Перед нами вдалеке громада вершины, куда нам необходимо забраться. Я понимаю, что он не сможет преодолеть этот маршрут полностью, решаю пожалеть его и вернуться обратно в лагерь. Жаль, конечно, но сын пока мал. Напоследок решаю пройти по плато и заснять западный склон перевала. И правильно делаю. Передо мной огромная воронка. Ее видно невооруженным

глазом даже неспециалисту. Эту воронку образовал ледник, сползавший вниз с хребта, подмяв под собой центральную часть и слегка пригладив бока. Лес, выросший на «плечах» воронки, лишь подчеркивает это древнее движение.

Стоя на краю плато, вижу отдельные вершины хребта, удаленные друг от друга, но связанные, словно канатами, между собой. Для меня это древние корабли, что встали на долгую стоянку у пристани. Своими вершинами-мачтами старые суда зацепляют облака, что огромными серыми парусами висят на них, подчеркивая элегантность линий строений. Лучи солнца, преломляясь, оттеняют бока и корму, зато освещают мачты и капитанский мостик. В принципе, древние люди, жившие вне нашей городской «цивилизации» и не знавшие телефонов и самолетов, были правы, наделяя горы сказочными свойствами. Сейчас я понимаю, что они были правы. Огромнейший живой организм — природа — имеет глубокий смысл в своем существовании и философии общения с нами, людьми. Как много нам позволено, и как мало мы сохраняем в ответ.

Ребята уходят вперед, оставляя нас с Тимом. Мы разворачиваемся и уходим обратно. Жаль, конечно, но нужно возвращаться. Моему парню такое путешествие пока не по силам. Обратная дорога вьется между языков курумника. Понемногу забираем влево, дабы мальчишке было удобнее спускаться. На последней ступени я посклизываюсь и потягиваю мышцу. Идти становится труднее. Но вот мы спускаемся к тропе. Журчит ручеек Ходоковки. Скоро будет виден лагерь. И даже, несмотря на неудачную попытку восхождения, вылазка наша удалась.

В лагере мы растягиваемся под ласковыми лучами солнца, нежась и отдыхая. Готовим совместно ужин, поджидая наших друзей. И только поздно вечером они, уставшие и довольные, с последними лучами солнца подтягиваются к костру. Стучат ложки, дети искоса заглядывают в котел, взрослые устало вы-

тянули ноги, кто-то из мужчин поблизости от костра затягивается сигаретой. Видимость почти как днем, и только глубокой ночью небо затягивается облаками. Костер облизывает сохнущую одежду, а мы поем наши песни. Глаза предательски слипаются, отказываясь слушать. Сонный, я кое-как устраиваюсь и затаихаю под звуки гитары.

VIII. Вечер

Не могу не рассказать об эпизоде «детской лихорадки», случившейся в один из вечеров. Пришедшие после очередной вылазки дети не хотят успокаиваться. Володя Ерльченков принимает решение выгнать из парочки наиболее активных «бандитов» — Сережи и Алеши — силы физическими упражнениями и отправляет их сделать два круга бегом вокруг лагеря. Они с огромной радостью делают положенные круги, но тут к ним присоединяется вся остальная наша «банда». Так что через пару минут закружились все, снос на своем пути всех и вся. Бег продолжался минут сорок, пока не выдохлись самые маленькие. Но разницы в возрасте у них не чувствовалось совсем — дети все одинаковы.

Успокоившись, молодежь неохотно присоединяется к нам, взрослым, затеявшим «лесной концерт».

Что такое «лесной концерт», вы спросите? Это наше традиционное мероприятие на всех маршрутах.

В подобном концерте участвуют все, независимо от возраста и положения. Да, каждый смущается выступать, но мы всячески поддерживаем артистов. Выступления у нас разные: от анекдотов до небольших сценок. Марьяша читает свои стихи и произведения Ахматовой. Дмитрий Елькин затянул песню Высоцкого, Владимир Ерльченков любимым мотив про «нас, богатырей». Ну, а мы с Тимом исполнили «Ложкой снег мешая...». Несмотря на то, что голоса дрожат, волнение такое, словно выступаешь перед большой аудиторией и от эффекта выступления что-то зависит. Концерт приятное и веселое мероприятие, объединяющее всех путешественников.

IX. Ода баню

Часто путешествуя, я все больше стал ценить чистоту и гигиену, хотя довольно спокойно отношусь к неудобствам и тяготам. Но если есть возможность, люблю принять ванну, душ или баню. В наших походных условиях баня, безусловно, роскошь, которую можно и нужно позволять себе.

Утро следующего дня начинается с распорядка дня, который сегодня слегка изменяется.

Мы готовим баню. Для тех, кто пользуется этим великолепным изобретением, рассказывать смысла нет, а вот для новичков несколько слов сказать стоит. От мастерства изготовить баню зависит не только чистота тела, но и настроение любого путешественника. Баню, безусловно, готовят поблизости от воды, дабы обеспечить бесперебойное снабжение водой. В нашем случае это Ходаковка. В ней устраиваем небольшую заводь, в которую можно лишь сесть, да и то неглубоко.

Володя Ерльченков и Игорь Бердюгин заняты подготовкой каркаса походной бани и заготовки дров. Поскольку нас много, то и топить придется долго. Благо дров хватает. Сухие и крепкие, они ожидают нас в округе лагеря. Готовимся с середины дня, но первая партия попадает лишь ближе к пяти часам. Естественно, первыми уходят наводить красоту дамы. К ним пытаются «набиться» в услужение то один, то другой «сердцеед», но они непреклонны — мол, сами справятся. Сидя с мальчишками у костра, обсуждаем предстоящую баню. Молодежь отказывается, говоря, что уж лучше не мыться, чем идти туда. Навивные пытаемся привести свои доводы, но скоро убеждаемся, что проще один раз сводить, нежели уговаривать на словах. Вот такая она, молодость...

А пока разговоры у костра, мерное пощелкивание огня, вечерний шепот речки, безмолвное окружение стариков-кедров да громада гор. Вот возвращаются дамы, и наступает наша очередь. Данилка Шаяхметов, пока готовимся, отказывается мыться. Особенно его не прельщает сам процесс мытья. Все это он называет модным сленговым словечком: «отстой»... Отец кое-как уговаривает его залезть под тент. Мой Тим более спокойно относится к подобному. Начинаем париться, и уже через пять минут ребятишкам нравится этот процесс. Особенно удовольствие составляет выбегать из бани в холодную речку. Покуривровав несколько раз туда-обратно к воде, мы понемногу вениками проходимся по мальчишеским узеньким спинкам. Ключиче иголки веника уже не смущают их. Разгоряченные и чистые, наконец они вылезают из бани. Данилка, видимо впечатлившись, довольный вылезает из-под тента. Того недоверия и недовольства, что было сначала, в помине не осталось. Веселая мордашка выдает испытанное им удовольствие. Наша «мелкота» мокрая начинает одеваться, отгоняя вездусущих комаров. Глядя на детей, маленьких, щуплых и беззащитных, ловлю себя на мысли, как они могли преодолеть непростой путь сюда. Молодцы все-таки! Папы активно помогают одеться молодежи. Все, теперь наша мужская очередь.

Забиваемся в баню под тент. Нас несколько: двое Володи, Влад, Фанил и я. Все крепкие мужчины,

и развернуться под тентом вокруг пышущей жаром печки непросто. Комичность ситуации понимаю, как только становится ясно, что париться веником можно только одному из нас, да и то лишь склонив голову, почти на колени кому-то из нас. И начинаем парить как раз самого высокого — Влада. Ему приходится согнуться в три погибели. А в это время друзья, т.е. мы, сзади хлещем его вениками. От души причем! Влад пытается сопротивляться и разогнуться, но не тут-то было. Похлестав драгоценного друга, отпускаем его, распаренного, на воздух. Следующий...

Наконец дело доходит и до меня. Товарищи, с удовольствием порабатыв над мной, бегут в Ходаковку. Я следом. Погружаюсь в прохладную воду, правда, лишь маленькой толпкой. Сижу голый в маленьком бассейне Ходаковки и посмеиваюсь над собой. Обмываться холодной водой приятно и полезно. Выбираемся на берег и фотографируемся на память, а хитрый Игорь успевает наши действия заснять на пленку. Потом, дома, мы с удовольствием будем рассматривать эти кадры, хохоча над ними.

Особое удовольствие это доставляло нашим дамам, они всегда радовались и поддуживали нас впоследствии.

Разгоряченные и чистые, возвращаемся в лагерь. Великолепно! Наши девушки счастливы: красота спасена, пусть и на короткий промежуток. Неспешный разговор у костра добавляет расслабления и радости. Незаметно подкрадывается сон. Под мерный разговор я успеваю забраться в спальник и, повернувшись набок, затаихо.

X. Последние успехи

Сижу на склоне, рассматривая величие наших Хмурых Гор. Они разные: зеленые, коричневые, серые, словно с проседью, лысоватые. Может быть, невысокие, но всегда величавые. Если бы не легкий ветерок, точнее дуновение, вокруг меня зависла бы тишина. Горы наблюдаю за нами. Разрезая горную тишь, прилетела кедровка. Ее голос раздается с большого кедра, подле которого я и сижу. Писать мне легко, строчки ложатся сами собой. Мысли стройны, т.к. впечатлений много. Но они не перебивают друг друга, а скорее помогают выстраиваться в стройную цепочку. И даже хочется не записывать, а просто размышлять. Моя соседка отчаянно занимается своими делами наверху, возможно, не подозревая о моем существовании. Так мы и сидим, занимаясь каждый своим делом. Мое ложе не очень удобно: камень хоть и плоский, но не ровный. И даже, несмотря на подстилку, так и норовит уложить. Но вставать я не хочу — когда еще так повезет. Изредка делаю снимки на память. Вон облако оккупировало очередную вершину, лихо оседлав его пик. В лагере заметны шевеления: мужчины расплывають очередное сухое древо, девушки хлопочут по хозяйству, а ребятя востаят между собой.

Такая походная жизнь мне по душе. Новые места, к счастью, оторванные от навязчивой цивилизации. Новые люди, что идут со мной по Тропе, несколько нервозно глаза по сторонам. Новые места, где моя душа раскрывается и прикипает своей путешествую-

щей шероховатостью, так и притягивая обратно сюда. Новые фото, что будоражат меня каждый раз, когда рассказываю о своих скитаниях. Новые статьи и старые воспоминания. Старые друзья, чьи черты характера, как и черты лица, мне знакомы и близки. Старый рюкзак, терпеливо переносящий и помнящий все.

Старое и новое — все перемешалось в моей голове, душе, привычках и отношениях. Пора бы разобраться во всем, но я не хочу. Пусть течет само по себе. Путешествия бывают разные. Но я рад, что моя жизнь путешественника не зависит от наличия пятизвездочных отелей. Так лучше.

Кедровка не унимается, интенсивно занимаясь своими делами. Вот сверху падает очередная шишка, подкатываясь к моим ногам. Смотри-ка! Она, эта хитрюшка, начала долбить еще сырые и незрелые шишки. Небольшие светло-красные ядрышки выпадают из расщуроченного корпуса, обнажая нутро.

Этот день ознаменовался окончанием сладких продуктов: сахара и сгущенки. Печенье и конфеты дети давно уже «приговорили», еще в начале путешествия. А потому становится скучно без сладкого. Да, и вообще, питание стало скромнее, т.к. время нашего похода подошло к концу.

Последний вечер выдался ярким и запоминающимся. Был красивый закат, подкрашивающий зелень крон северных исполинов, легкий ветерок, обдувающий нас и наш бивуак, да птицы, оглашающие своим разговором окрестности перевала.

Сидим у костра. Последний разговор, последние байки, чай, дружеские «подколы», искорки от очага, умиrotворенные взгляды взрослых да детская возня. Никто не хотел ложиться спать, но подъем наутро ранний. Завтра нам предстоит обратный переход,

форсирование Сосьвы и обязательный приход в назначенное время. Опаздывать нельзя — транспорт ждать не будет.

XI. Возвращение

Проснулись очень рано. Утро только начинало размышлять о своей миссии, когда началось движение в лагере. Сборы скоры и не без суеты. Расставаться с Ходовым не хочется — уж слишком здесь было хорошо и красиво.

Да, в памяти останутся его вершины, цепляющие тучи и облака, небольшая Ходоковка с неизменным утренним туманом над водой, бескрайние перспективы, что открываются со склонов ГлавУрала. Здесь тебя охватывают разные чувства: песчинки по сравнению с седловатыми вершинами, раскрывшейся души от великолепия и красоты да постоянного ощущения природной терапии.

Часть мужчин уходят вперед готовить переправу, а мы с четверой будем их догонять. Идти легко — груза мало, солнце еще не взошло, сил много. К двенадцати часам мы добегаем до Сосьвы. Переправа готова. Воды в реке стало меньше, а потому и переходить ее становится проще. Быстро форсировав ее, выходим на крутой склон сопки. Подъем несколько затянута, но к месту эвакуации добираемся намного раньше. Зато сумели перекусить, сделать массаж нашим девушкам да поиграть с детьми. А вдалеке маячат сопки, которые мы сумели пройти во время нашего путешествия.

Последнее фото на память. Лица моих друзей загорелые и радостные, хоть и немного уставшие. Путешествие удалось на славу. Когда мы еще сможем так же собраться таким большим коллективом и осуществить новое большое путешествие в наши Хмурые Горы?

Пятьдесят граммов для восторга, или Начало конца

Наш институтский ансамбль частенько отправляли на вольные заработки по области. Вольные в том смысле, что были они самовольные, в обход всех существующих законов и правил, а заработки в том смысле, что деньги мы действительно зарабатывали, но шли они на покупку аппаратуры и инструментов для клуба. Делали какие-нибудь бумажки, похожие на билеты, и «вперед!».

Это был криминал в чистом виде, и почти в каждом населенном пункте мы нарывались на людей, которые это понимали, причем потому, что ловить таких, как мы, было их профессией.

Но везде нам это сходило с рук, потому что по статусу мы были самодеятельностью, а по уровню исполнения профессионалы. К нам постоянно заглядывали за кулисы директора клубов и говорили: «Меня зрители послали узнать, неужели это действительно вы сами играете и поете? У нас никогда не было таких артистов, люди не верят, что это все на самом деле».

Доказать, что это «все на самом деле»? было просто, поэтому со сцены мы удалялись под грохот аплодисментов, которых не слышали стены местных клубов.

Почти после каждого концерта подходил кто-нибудь из местной милиции или администрации, улыбаясь, показывая наш липовый билет и говорил: «Эх, студенты, студенты, за это срок слопают — пу-стяковое дело. Я, конечно, сделаю вид, что ничего не видел и не слышал, уж больно здорово у вас получается, не хочу такие таланты в землю зарывать, но смотрите, больше не рискуйте, неизвестно, на кого можете нарваться в будущем». Мы сокрушенно кивали головами, клялись, что это последний раз, и ехали дальше со своими билетами, «косить деньги на аппаратуру».

В день, у которого пойдет речь, у одного из участников ансамбля был день рождения. Заранее была закуплена водка и закуска на вечер.

Длился наш концерт два часа без антракта, и вот, когда у конференсье был большой сольный выход, а мы сидели за кулисами, кто-то предложил: «А давайте, одну бутылку разопьем сейчас, на восьмерых пол-литра, что нам будет?»

Разлили, выпили, действительно, ничего. Хотя как это ничего? «Чего», да еще как «чего»! Глаза заблестели, настроение, и без того всегда хорошее, стало просто заоблачно прекрасным!

Оставшаяся часть концерта прошла с фантастическим успехом. Музыка просто перла из нас, причем, как это и должно быть, наш азарт передавался зрителям и возвращался на сцену, тысячекратно усиленный положительными эмоциями тех, кто был в зале.

Вечером, когда в заводской общаге, куда нас поселили, мы поздравляли именинника, у нас только и разговоров было о том обалденном эффекте, который вызвала одна-единственная бутылка водки, распитая на восемь человек. Пятьдесят грамм, а как работалось, как игралось и пелось!

На следующий день специально для концерта заранее была куплена бутылка, и вечером, в тот же большой перерыв, когда выступал конференсье, опять мы «приняли» по пятьдесят грамм, и опять все насладились тем же эффектом, что и накануне. Причем кто-то высказал предположение, что если распить не одну, а две бутылки, то наверняка будет еще лучше. И действительно, уже сто граммов, выпитые на следующем концерте, были просто изумительно хороши, как стимул для выступления.

Процесс принятия во время концерта небольшой дозы алкоголя «для восторга» прочно «прописался» в нашем коллективе, и как-то это заметил директор одного из домов культуры, в котором мы выступали. Сам в прошлом музыкант, изъездивший полстраны с гастролями, он понял, в чем дело, и, провозжа на нас на ночлег в местный дом приезжих, сказал несколько слов по этому поводу. Сейчас я знаю, что это были не просто слова, это была АКЦИОМА, которая справедлива, как закон всемирного тяготения. И, пройдя на жизненном пути многое из того, что может пройти музыкант, я сформулирую ее.

Артист или музыкант, если он профессионал, должен уметь выступать блестяще вне зависимости от того, выпил он или нет, болен он или здоров, хорошо ему или плохо.

Это главное качество профессионала — быть в форме всегда. Если он привлекается к чему-то, что помогает работать, он рискует, лишившись этого подспорья, понизит свой уровень, а то и вовсе стать профнепригодным. А у алкоголя, как у допинга, есть одно качество: количество его, необходимое для повышения тонуса у артиста, постоянно увеличивается. К чему это ведет?

Расскажу три известных мне основных варианта на конкретных примерах из жизни.

1980 год. В Свердловском Доме офицеров концерт джаз-оркестра под управлением А. К. Нет нужды писать, что это был один из лучших оркестров страны, потому что в то время коллективов, которым официально было разрешено играть джаз, было несколько на весь Союз. Играть в таких оркестрах было большим счастьем и великой честью, поэтому руководители брали к себе на работу лучших из лучших.

В больших городах джазовые оркестры всегда старались выступать по понедельникам, потому что в этот день у музыкантов, работающих в ресторанах, был выходной и именно в такие дни в зале сидела подготовленная, грамотная публика. Настолько же благодарная, насколько взыскательная, и покоришь ее было делом непростым и оттого престижным.

Я примчался за пять минут до начала концерта и сразу нырнул в буфет, чтобы «опрокинуть» стаканчик марочного вина «для настроения».

Одновременно со мной к стойке быстро подошел мужчина. Это был музыкант, в этом не было сомнений, по принципу «рыбак рыбака видит издалека» я всегда безошибочно выделял коллег из общей массы. Он заплатил, буфетчица вылила ему в тонкостенный двухсотпятидесятиграммовый стакан полбутылки коньяку, он в несколько глотков опустошил его, пока закусывая половинкой конфеты, она вылила оставшиеся полбутылки в тот же стакан, он проглотил и это. Сунув в рот вторую половинку конфеты, он быстро ушел.

Свой стакан «Мадеры» я тоже заел конфетой и помчался в зал. Как только я уселся на место, свет в зале погас, зазвучали первые аккорды вступления, и занавес пошел.

Первый музыкант прославленного джазового коллектива, которого я увидел на сцене, был барабанщик. Тот самый, который минуту назад влил в себя пол-литра коньяку. Играл он великолепно, как и все, кто был на сцене. Был ли он пьян? Да нет, конечно, он был не трезв и не пьян, он был НОРМАЛЬНЫМ, вот только для того, чтобы быть нормальным, ему нужно было влить в себя дозу алкоголя, которая кого-то другого может свалить с ног. В том, что когда-то начинал он с «пятидесяти грамм для восторга», как многие другие, можно не сомневаться. Не мне его

осуждать, он достиг заоблачных высот профессии, хотя пожалуй его все равно можно, потому что и пятьсот грамм — не предел, а ведь где-то он, этот предел, есть, уж у здоровья-то точно...

Другой вариант.

Володу Д., по кличке Марасан, а проще Мара, знал весь музыкальный Свердловск. И это было печально, потому что, если природа одаривает человека талантами так щедро, его должна знать вся страна, причем в лицо.

Высокий, стройный, с артистическим образованием, прекрасный гитарист и композитор, а главное — голос. Как он пел!

Он работал в филармонии, мы дружили с ним по жизни, и один раз я был вместе с ним на гастролях. Это был период оборочной кампании, мы ездили с концертами по деревням и маленьким городкам, в рамках «культурного обслуживания тружеников села».

Поездка была очень тяжелая, многочасовая ежедневная тряска в автобусе по бездорожью, задрипанные сельские дома приезжих вместо гостиниц, часто с удобствами только в виде холодной воды в общем умывальнике на этаже. Но самое трудное было не это. Люди, вот что было тяжелее всего. Зрители приходили на концерты после 10—12 часов работы в поле, измотанные, с неразгибающимися ладонями, падали на деревянные сиденья и сидели, полусонные, плохо соображая, что вообще происходит на сцене. «Раскачать» такой зал было непосильной задачей. Только не для Мары!

Когда он выходил на сцену и начинал петь, люди начинали поднимать головы и переглядываться, каждый словно проверял, это только ему почудилось или и другим тоже. Что почудилось? Да хрен его знает! Любый, самый «дремучий» колхозник нутром понимал, что того, что звучит со сцены, он не слышал никогда ни по телевизору, ни по радио, ни с пластинок. В его голове звучали тембры, которые к концу второй песни приводили любую публику в дикий восторг. В зале после его выступления аплодировали все, у кого были руки, причем делали это так, как будто были участниками соревнования «кто сильнее расплющит свои ладони» и призом победителю был миллион.

С такими данными даже в «совке» он мог достичь многого, стать «заслуженным», переехать в Москву, выпускать пластинки, быть любимцем миллионов любителей песни, мог... если бы не «пятьдесят грамм для восторга», которые были выпиты лет десять назад и сделали свое дело.

Мара пил.

Были периоды, когда он держался. И это было просто прекрасно: концерты, репетиции, все проходило отлично, обычная работа музыкантов в филармонии, не простая, но любимая, низкооплачиваемая, а кто в «совке» получал много, особенно в сфере искусства?

Но когда он начинал пить, остановить его было невозможно. Его не удерживали ни концерт, на котором он должен петь вечером, ни необходимость приехать на вокзал, когда ансамбль выезжал на гастроли, ничто не могло остановить его руку, когда в ней оказывалась рюмка.

Были случаи, когда за пятнадцать минут до отправления поезда музыканты мчались к нему домой на такси, выламывали дверь, давали соседу, которого хорошо знали, денег на ее восстановление, хватали его, «мертвого», на руки и загрузили в поезд. И через пару месяцев это все повторялось вновь.

Прийти на концерт пьяным, это вообще не считалось за проступок. Дело в том, что петь он мог в любом состоянии.

Однажды на концерте, в котором я тоже принимал участие, он, отпев последнюю песню, под грохот аплодисментов стал уходить со сцены. Ангел-хранитель, который управлял его передвижением по местности, видимо, что-то напутал в управлении, и Мара стал уходить не в те кулисы, из которых вышел. А в той, другой, стороне этих кулис не было, там стояла стена из красного кирпича, и он просто вошел в нее, протаранив лбом. Он был мертвецки пьян, настолько, что просто ничего не видел перед собой, но отработал так, что этого не заметили даже музыканты! Последняя его песня была шуточной, и зрители подумали, что его «вождение» в стену заключительная часть выступления, да еще и конферанسه не растерялся, выскочив на сцену, он подхватил Володу под руку, крикнул в зал что-то смешное и уволок его за кулисы.

Его увольняли, проходило время, опять брали на работу. Потом опять увольняли. Потом опять принимали.

Одной из особенностей его борьбы за выживание в сфере искусства было умение найти оправдание какому-либо опозданию или неприходу на работу. И уж тут на все сто проявлялась творческая сторона его натуры. Я расскажу только об одном эпизоде, произошедшем с ним.

Днем к нему зашли друзья-собутельники.

— У меня вечером концерт, — начал было Марасан.

— До концерта 5 часов! Проспишься сто раз к этому времени.

Он был не тот человек, которого в такой ситуации нужно было долго уговаривать, и началась обыкновенная дневная пьянка, которая действительно закончилась за пару часов до начала концерта. Мара завел будильник на полную катушку и плюхнулся на диван.

Проснувшись, он схватил в руки будильник: заканчивались последние минуты концерта, как раз те, в которые он — его «изюминка» — пел последние песни!

ДК «Урал», в котором проходило выступление, находился в десяти минутах езды на трамвае от его дома.

«Десять минут на то, чтобы переодеться, и десять — чтобы приехать ко мне. Значит, через двадцать минут здесь будут коллеги, и мало мне не покажется. Примитивное «застрел в лифте» не проходит, они не идиоты, значит, значит... ва банк!»

Он бросился в ванную, открыл горячую воду, налил полное ведро, принес его в комнату и вылил на пол. Потом еще и еще, он лил до тех пор, пока по квартире не поплыли тапочки и прочая обувь. Последнее ведро он вылил на себя, после чего вытащил из шкафа простынь, замочил ее и обмотал ей трубу батареи отопления. Вытащил моток проволоки и крепко обмотал ей простынь. В двери громко постучали ногами: разъяренные музыканты пришли выяснять отношения.

Когда они вошли... впрочем, объясняться в такой ситуации не было необходимости. Бытовая катастрофа была налицо. Вытаращенные Марины глаза, вода, стекающая по волосам, и плавающие тапочки, тут было не до разборок. Ребята бросились помогать, тряпками собирали воду, отжимали, в общем, каждый делал, что мог.

На этот раз беда миновала, но!

Все-таки настало время, когда очередное увольнение стало последним. Работа в одном ресторане, потом в другом, какой-то из них тоже стал последним: какой смысл держать певца, самого расчудесного, если его хватает максимум на два отделения, да и то если он пришел на работу?

Последние лет восемь своей жизни он уже только пил. Поменял трехкомнатную, оставшуюся от родителей, на «двушку», потом ее — на однокомнатную.

Цельми днями он сидел дома и ждал, когда кто-нибудь придет и принесет выпить. Долго ждать не приходилось, его знали все алкаши в округе, и когда у кого-либо из пятнадцати—двадцати человек, которые входили в эту компанию, появлялось, на что выпить, тот шел к нему. Если не появлялось, то все равно шел, садился и ждал, когда придет тот, у кого все-таки есть выпить.

При этом не ел Мара неделями, он только пил.

Однажды я проходил мимо и зашел к нему.

Он сидел за столом с двумя синошными приятелями. На столе на грязной клеенке лежал кусок хлеба, какие обычно режут в столовой.

— Это закуска ваша? — поинтересовался я.

Мара серьезно кивнул головой и, подняв на меня пудовый взгляд смертельно уставших глаз, попросил:

— Выручишь?

Отказать я, конечно, не смог.

Через неделю я опять проходил мимо, и опять зашел к нему.

Было ощущение, что я отсутствовал не неделю, а минуту: те же лица, в таких же позах, впрочем, нет, было одно отличие! На столе лежал не целый кусок, а другой, на треть меньше того, который я видел неделю назад.

— Вы сегодня на закуску кусок поменьше нашли? — сострил я.

— Это тот же, — в Мариных глазах не было ни намека на улыбку.

Троим мужикам, пьющим неделю подряд, хватило на закуску десять граммов хлеба!

Когда на похоронах мы подняли гроб с Володиным телом, то переглянулись: было ощущение, что мы несем пустую домовину. Весил Мара килограммов тридцать, да и не он это уже был. В гробу лежал длиннейший старичок-дистрофик, лет на тридцать нас, его ровесников, старше.

Проводить его в последний путь пришли человек десять «нашатырей» с серыми, одинаковыми лицами, все неопределенного возраста, в одинаковой, непонятного цвета одежде, и дескать известных и уважаемых в городе музыкантов.

Когда в ритуальном зале крематория, стоя у гроба, я произносил прощальные слова, бедолаг-алкаши, тесно сгрудившись, разглядывали нас, явно не понимая, откуда взялись и что здесь делают эти хорошо одетые люди. Я от имени коллег и друзей попрощался с тем Марасаном, которого мы все знали, любили и уважали, поэтому говорил о покойном то, что никак не укладывалось в их представлении о том, кто лежал сейчас в гробу. Слушая меня, они постоянно поглядывали на покойного, словно желая убедиться, что они не ошиблись и это «те» похороны.

Когда все закончилось, «перегарная фракция» похоронной процессии, заметно оживившись, бойко засемила в сторону автобуса. Приблизился самый приятный для них момент похорон — поминки.

Мы пошли в другую сторону, все приехали на своих машинах.

Кто-то сказал: «Лично я поминать Мару водкой не буду, ни за что».

В этот день никто из музыкантов за упокой души Володи Д., не выпил ни грамма водки. Той, которая сначала убила его как Артиста и Человека, а потом физически уничтожила то, что от этого осталось.

***

Ну, что же это я все о других да о других? Пора и о себе, ведь я в этой главе тоже не посторонний.

Когда я учился в институте, мое отношение к алкоголю очень точно характеризовали шуточные строчки, которые я как-то написал на лекции:

Когда играю на гитаре,
Имею грустную я харю.
Не потому, что я грущу,
А потому, что жрать хочу.

А если не хочу я жрать,
Наверняка хочу я спать,
А коль я выспался и сыт,
То у меня в носу болит:
Засел в нем чирей или простуда,

Не вытащить его оттуда.

Но даже если я здоров,
То выпить я всегда готов,
А выпить часто мне нельзя,
Поэтому грущу, друзья.

Когда играю на гитаре,
Имею грустную я харю...

В те далекие студенческие годы мне постоянно хотелось есть и спать. О моей прожорливости ходили легенды, и на то были основания, я запросто мог съесть два полных подноса столовой пищи, но при этом я был такой худой, как будто меня регулярно морили голодом и я постоянно недоедал. Просто я был очень энергичный, подвижный, и все съеденное сгорало во мне, как в хорошей топке. Спать я всегда хотел, это понятно, какой студент не хочет спать?

А вот выпить? Да, уже на втором, третьем курсе выпивка была всегда радостным событием, и случались такие события частенько, ибо поводов в советской стране для застолья было всегда предостаточно, хоть на производстве, хоть в учебном заведении. Сдал экзамен — праздник, пьем. Не сдал — пьем с горя. Красный день календаря, а их много, день рождения твой, потом соседа по общаге, потом у барабанщика ансамбля — за все это пьем. А нет повода, то «может, на лекции не пойдем, лучше в парк, да по пиву?». Запросто!

Но были лекции, которые посещались, и были сессии, которые сдавались благодаря сотням часов занятий, и многое, многое другое, чем можно и нужно было заняться. Поэтому системы в употреблении алкоголя еще не было, и это спасало. Ведь систематические занятия в любой области — это единственно верный путь к достижению прогресса, причем даже если этот процесс — деградация.

В 1975 году в Свердловске открылся «Космос» — первый ресторан с программой варьете. Я был среди тех, кто имел к этому самое непосредственное отношение, причем работать над созданием первой программы этого самого варьете мы начали за три месяца до открытия, когда внутри вовсю шли отделочные работы, и репетировали мы одновременно со штуржатурами, малярами, паркетчиками и прочим строительным людом. Вообще, моя работа в «Космосе» — это настолько объемная тема, что, конечно, я расскажу о ней отдельно, а для этой главы достаточно только сказать, что все, о чем пойдет речь дальше, началось именно в ресторане «Космос».

Один из минусов работы музыканта в области эстрадной музыки — это рутинность. Когда изо дня в день артист филармонии на концертах играет одну и ту же программу, это надоедает страшно. В ресторане разнообразия больше, но все равно каждый вечер девяноста процентов репертуара повторяются.

Как-то, во время танцевальной программы, когда посетители, уже посмотревшие концертную

программу, хорошо закусившие и еще лучше выпившие, топтались под музыку, азартно прижимаясь друг к другу, я обратил внимание на то, как работает наш солист Толя Р. В то время как я, со скучной физиономией работая медиатором, тоскливо ожидал окончания рабочего времени, он просто светился трудовым азартом и пел так вдохновенно, что мне, знающему его очень хорошо, стало ясно: что-то тут не так.

В перерыве я подошел к нему.

— Толя, колись, ты чего цветешь?

— Да ты понимаешь, надоело одно и то же долбить, я пошел в бар и «замахнул» фужер шампанского.

— И старые песни стали новыми?

— Нет, конечно, но настроение зато совсем другое. Я сейчас еще шаракну фужер, пойдешь со мной?

— Ты же знаешь, к чему можно прийти в конечном итоге.

— Да-а-а брось ты! Я три бутылки шампани могу выпить, и никто этого со стороны даже не заметит, а тут — фужер. Я ведь не собираюсь дозу увеличивать, фужерчик перед одним отделением, и следующий — перед другим. Такими темпами я сопьюсь через сто лет, а мне столько не прожить. Ладно, Михалыч, не ругайся, лучше пошли, я угощаю.

Я не был падох до халавы, к тому же у нас в ресторане, впервые в Свердловске, была введена оплата труда, которая практиковалась в системе варьете, по которой мы официально получали столько, сколько в те времена получал полковник, а с чаевыми за исполнение заказов у нас получалось «чуть больше генерала». Поэтому я мог позволить себе такие мелочи, как что-то там выпить, но настроение действительно было неважнецкое, и я согласился. Не отказался от похода в бар я и на следующий вечер.

Мы действительно не увеличивали дозу, каждый раз выпивая по фужеру шампанского перед каждым из двух танцевальных отделений, поднимая себе таким образом настроение.

А человек, работающий с настроением, это ведь здорово?

Через неделю после внедрения в нашу с Толей творческую жизнь шампанского в малых дозах «для восторга» ко мне подошел один из коллег и сказал:

— Я тебя слишком хорошо знаю, чтобы читать нотации, ты сам, кому угодно начитаешь. Ты мне скажи вот что, ты хотел на машину откладывать, тебе не жалко тех денег, которые ты ежедневно оставляешь в баре?

— Два по сто пятьдесят шампанского — что там оставлять?

— А ты посчитай ради интереса.

Это была историческая для меня фраза. Каждое утро я стал в ежедневник записывать все, что выпил за вчерашний за день, причем память у меня была феноменальная, я помнил, что я выпил, сколько и сколько я за это заплатил.

Система записи была такая: я делил все выпитое по видам: водка, крепленое вино, пиво, шампанское, коньяк, сухое вино.

Ежедневная запись выглядела примерно так:

1,0 Жигулевское — 70 коп.

100 Водка — 1 руб.

300 Шампанское — 4 руб.

На следующий день:

0,5 Жигулевское — 40 коп.

0,7 Сухое — 1 р. 70 коп.

200 г. — Коньяк — 2 руб.

В деле учета выпитого я достиг уникальных высот точности, сколько бы я ни выпил, в каком бы состоянии ни закончил день, наутро я всегда точно записывал, что и сколько я выпил. И сколько я на это потратил. В конце месяца я сводил все данные в таблицу, а в конце года я подводил итог за год. Так продолжалось ПЯТЬ ЛЕТ! Причем все, что я записывал и подсчитывал, не оказывало никакого воздействия на то, что происходило со мной как человеком. Я просто автоматически записывал все, что вливал в себя и сколько я на это тратил, а то, к чему это вело... как-то проходило мимо сознания и почему-то не помогало встряхнуться и посмотреть на себя со стороны.

Сейчас этот ежедневник лежит передо мной. Я посчитал все, что выпил за пять лет, с 1981 по 1985 год. В этот период я, мужчина весом в 60 кг и ростом в 1 метр 62 см, пропустил через свои почки и печень:

Сухого вина — 283 литра

Крепленого вина — 450 литров

Коньяку — 6 литров

Пива — 675 литров

Водки — 184 литра

Шампанского — 29 литров

Итого: 7736 литров алкогольных напитков. Если все это разлить по полулитровым бутылкам, то получится 15500 бутылок, если разложить их в стандартные ящики, по 20 бутылок в каждом, то получится 775 ящиков. Чтобы перевезти это количество, потребовалось бы три автомобиля «Камаз».

Потрачено денег на все это было 6000 рублей. Тогда столько стоил автомобиль «Волга».

Представьте себе картинку: стоит мелковатый такой мужичок, а зади три «Камаза», и все, что в них, а там ведь не вода, там каждый литр может с ног сбить, он выпил!!!!!!!

1985 год. Перестройка. Страна стала бороться... она сам не знала, с чем она стала бороться. Партия приказала, страна сказала «выполним». Вот только что выполнять, не знал ни тот, кто от имени ее, страны, сказал, ни тот, кто это все затеял.

Стали рубить виноградники, хорошо еще, что великий «вождь и учитель» освободил Родину от своего присутствия, а то стали бы расстреливать виноградарей, а заодно их родственников, соседей и родственников соседей.

Раньше музыканты имели на вооружении крылатую фразу из старого кинофильма: «Я артист, мое

место в буфете». Вид музыканта, прогуливающегося в кухонных недрах с фужером или рюмкой в руках, не вызывал ни у кого никакой реакции.

Стал вызывать. Резко отрицательно.

Я к тому времени в деле прогресса по части употребления алкоголя достиг... ой, не знаю, чего я достиг. Пил я каждый день, утром, днем и вечером, до работы, во время работы и уж конечно — после. Все силы были направлены на то, чтобы на работе «соответствовать». Как Мара, я играл в любом состоянии, если я мог стоять и сидеть, то я мог играть и петь. Пальцы жили отдельной от меня жизнью, они спасали своего хозяина, добросовестно «выгребая» все, что они должны были играть под моим руководством, и, понимая, что хозяину плохо, они самостоятельно спасали положение.

У любого человека с обычной профессией, если он любит выпить и делает это часто или постоянно, жизнь идет по схеме: поработал, выпил, пошел домой (или пошел домой, выпил), лег спать, встал проспавшийся и пошел на работу. Все нормально.

Но не так у пьющего обладателя артистической профессии, который работает вечером.

Тут схема очень неудобная: утром встал, днем выпил, попытался проспать и, независимо от того, получилось это или нет, пошел на работу. Если «не получилось», то нужно держать себя в руках, чтобы отвечать профессиональным требованиям, или придумывать оправдание, если опоздал.

Я писал о том, как умудрялся изворачиваться Марасан, ну что же, расскажу об одном таком случае из своей практики.

Я сидел с друзьями в пивном ларьке, именно в нем, внутри, потому что «пивник» был наш общий приятель. Это было время застоя, все было в дефиците, а уж пиво-то и подавно. Мы чувствовали себя элитой: народ снаружи давится в очереди, а мы внутри, сидя на бочках с банками в руках, услаждаем слух друг друга высокоинтеллектуальной беседой. И так хорошо на душе, такая благодать от свежего любимого напитка в изобилии и от всего, что происходит. Всем, кроме меня, потому что я знаю, мне через час надо уходить и переться на работу, а так не хочется! Я легко мог придумать какое-нибудь бытовое приключение, в которое я попал, и принести справку, подтверждающую мой рассказ, но у администрации ресторана это прошло бы, а вот у коллег — нет. Все знали, что я личность в городе популярная и друзей, работающих в различных «мен-товках» города, у меня — пруд пруди. Требовалось что-то из ряда вон выходящее.

— Эврика! — сказал я.

— Что, «Эврика» разберет тебя на части, если ты сегодня не придешь на работу? — спросил кто-то из ребят. Это было название ансамбля, в котором я работал.

— Нет, «эврика» в том смысле, что я нашел, как «отмазаться» так, чтобы поверили.

Я оглядел своих друзей.

— Дайте мне кто-нибудь в морду, — попросил я.

Они переглянулись.

— Ты чего, Михалыч, перепил?

— Да ни хрена я не перепил, просто если я приволоку очередную справку, то меня «чаевых» на неделю лишат, потому что никто в бумажку не поверит, а вот если я завтра приду с «фонарем» под глазом, то тут и справки не нужно будет.

— Пожалуй, — заметил кто-то, — только что ты нам предлагаешь, бить тебя, что ли?

— Зачем бить? Один хороший удар по недвижимой мишени, с полуметра, идеальные условия. Только нужно точно под глаз, чтобы синяк был. Ну что, кто готов?

Ребята замялись. Приятели у меня были все как на подбор — здоровенные, а я в то время весил килограммов пятьдесят семь, худенький такой мужичок. Желающих не находилось.

— Вы что, выручить меня не хотите, я ведь не прошу руку мне отрубить, всего лишь треснуть по репе, только точно. Слава, ну давай ты, а, очень прошу.

Он помялся.

— Ладно, только здесь я не буду, выйдем.

Мы покинули ларек и отошли за гаражи, около которых он стоял. Я встал и зажмурил глаза.

— Давай.

Подождал секунд десять, долгие, кстати, секунды, никакого удара. Открыл глаза.

— Ты чего?

— Пойдем, не могу я, рука не поднимается.

Мы вернулись.

— Ну, как? — встретила нас вопросом компания.

— Не получается, может, кто другой, — сказал неудавшийся соискатель на звание «ставим синяки по заказу».

— Давайте, еще по кружечке, может, там что и выплывет.

Мы сидели еще, причем я постоянно канючил: «Эх вы, друзья называется, сами будете сидеть тут и балдеть, а мне тащиться и лабать целый вечер».

Бяц!

Я слетел с бочки, на которой сидел, и через несколько секунд понял, что я получил именно то, чего хотел, запричитал:

— Слава, дружище, век не забуду! Выручил в беде! Гоша, наливай еще кружку!

На следующий день я заявился в ресторан в черных очках и, предьявив качественный «фонарь» под левым глазом, рассказал историю о том, как я попал в драку на улице, милиция прихватила всех

ее участников вместе со мной, и я просидел ночь в «обезьяннике», откуда вышел только на утро. Это было самое убедительное оправдание из всех, которые я предьявлял для оправдания своих опозданий или прогулов.

А была и такая вот история, сейчас мне кажется это забавным.

Ведомый внутренним авиадиспетчером, руководящим перемещениями, осуществляемыми в ночное время, я плыл домой. Причем он, мой поводырь, был поставлен в очень сложные условия: неимоверное количество выпитого алкоголя притупило возможности органов, осуществляющих взаимодействие организма с окружающим миром, оно свело видимость трассы к нулю, и пилот шел вслепую. Ему приходилось осуществлять движение на посадочную площадку постоянного места жительства исключительно на слух. Когда сработала пружина и раздался звук закрывшейся двери, стало ясно — посадка осуществлена! Остались пустяки: раздеться и рухнуть в постель. Снять с себя одежду на ощупь было обычным делом, руки начали осуществлять привычные манипуляции, ноги старательно двигались вперед, и все бы было отлично. Если бы не одно «но». Двери действительно захлопнулись,

пилот был у цели, но не совсем, потому что это были двери подъезда, а не квартиры!

Что снимает с себя человек, когда зимой приходит домой, в первую очередь?

Шапку. Правильно, снял, стряхнул с нее снег, бросил ее на первом этаже.

Шарф был повешен на перила. Полушубок брошен на окно между первым и вторым лестничными пролетами. Пиджак на втором. Аккуратно поставив зимние сапоги на половочик у чьей-то квартиры на третьем, заодно там же оставил и носки.

И так далее, с первого до пятого этажа.

Оказавшись перед родной дверью, привычно начал на звонок.

«Ограбили! Раздели!» — подумала жена, открыв дверь, быстро выглянула в подъезд — погони не наблюдалось. Втащив меня в квартиру, осмотрела — крови нигде не было.

Около полуночи, пройдя пятнадцать кварталов по заметенным ночной пургой улицам, я вошел в квартиру в трусах и часах.

— Ты чего? — спросил я, заметив, что жена смотрит меня не так, как обычно. — Ну, выпил с ребятами... немножко, ничего страшного. Слушай, я спать хочу.

— Подожди, у тебя все в порядке?

— Ах, ты моя хорошая, за все переживаешь, — полез я целоваться.

Она пихнула меня по направлению к спальне, и я ползл к постели.

Было ясно, что меня не грабили... а что тогда?

Она открыла дверь и выглянула в подъезд. Между лестничными проемами что-то белело. Спустившись, подняла с пола мою майку, посмотрела на плечики четвертого этажа: сомнений не было, там лежала рубашка. Так, дойдя до первого этажа, она благополучно собрала все мои пожитки, аккуратно разложенные по подъезду.

Хотя истинная суть всего, что произошло во время моего пути по стране «ну, что, по маленькой», была весьма удручающей.

Я понимал, что состояние, в котором в целом я нахожусь, это агония, я знал, что мой образ жизни уже соответствует классическим определениям описанных наркологами стадий алкоголизма. На работе я ходил по лезвию бритвы: все чаще и чаще

коллеги качали головами, глядя, как я пытаюсь «соответствовать», я понимал это, и это было унижительно. Дома было хуже: от жены нельзя было скрыть то, что удавалось скрыть от коллег на работе.

Я отправился в длительную экскурсию по наркологическим инстанциям. Примерно через год я понял, что многомоудрое на выдумки человечество панацеи от этого дела так и не изобрело.

Любой, самый занюханный алкаш может вести на нет усилия коллектива профессоров в области наркологии: они год будут его лечить, учить, гипнотизировать, используя самые последние достижения науки. Но, когда они выведут его на кафедру самой авторитетной медицинской академии, чтобы продемонстрировать ученому миру свои достижения, он, достав из-за пазухи припрятанную чекушку, отхлебнет и перечеркнет все их усилия... так это, за просто. Вот что я понял.

Но! Если последнее слово в деле борьбы с алкогольной зависимостью остается за алкоголиком? Это же здорово! Он ведь может принять и другое решение?

НЕ ПИТЬ!

И тогда то, что придумали врачи, может стать подспорьем в деле достижения того, что человек хочет добиться сам для себя.

***

Я не пью уже двадцать лет. Зашиваюсь, кодируюсь, я перепробовал все, и все мне помогает. Помогает, потому что, приходя в диспансер, я прихожу с готовым решением, которое я принял для себя, и, получая в вену дозу препарата, несовместимого с алкоголем, я лишь констатирую факт: я не хочу пить и не буду. Когда заканчивается срок действия того или иного лекарства, я гарцую некоторое время по киоскам и ларькам, но потом это проходит, и такие паузы в трезвости становятся все менее продолжительными. Мне есть чем заниматься.

Омут трезвой жизни затягивает тоже очень сильно, каждый день просыпаться с хорошим настроением и двадцать четыре часа в сутки хорошо себя чувствовать — это клево! Порядок в делах и спокойствие в семье — это клево! Уверенность в себе и уважение окружающих... да что там говорить!

Мне это нравится, чего и вам желаю!

АВТОР Валерий Костюков родился в 1952 году. Гитару в руки взял в 15 лет. Сначала — дворовый ансамбль. Потом, будучи школьником, играл в институтском оркестре СИНХа. С 1970 года: самодеятельность в УЛТИ, ансамбли УрГУ («БИОС»), СИНХа («ВИТА»), УПИ («ЭВРИКА»). После окончания УЛТИ в 1976 году поступил на эстрадно-музыкальное отделение в Свердловское музыкальное училище, которое окончил в 1980-м. Работал в оркестрах ресторанов: «Свердловск», «Малахит», «Ермак», «Океан», «Космос», «Уральские пельмени». Преподавал класс электрогитары на эстрадном отделении музыкального училища, работал в Свердловской филармонии в ансамблях «Малахит» и «Лица друзей». 1990—1994 гг.: группы «Апрельский марш», «Банга-Банга», студийная работа. 2000—2001 гг.: частные уроки, работа в барах и ресторанах курорта «Золотые пески» и г. Варны (Болгария).

Роковая любовь командарма

К 85-летию крестьянского восстания в Сибири

Бабий бунт

Новотравное — село в истории 21-го года примечательное. По сути дела крестьянское восстание началось именно здесь. А зачинщикам его стали женщины. Бабий бунт возглавила Татьяна Ивановна Григорова, попросту — Игнашиха. В центре села, там, где сейчас клуб и школа, до революции стояла церковь, а рядом — большая площадь. Именно здесь находились «анбары», куда свозили реквизированное у крестьян зерно. Сюда, к «анбарам», с криком «Берите вилы!» кинулись бабы в отчаянной попытке вернуть отнятое. У них не было другого выхода — в их закромах не оставалось ни зернышка, весной нечего было сеять, а значит, впереди ожидали голод и смерть.

Красноармейцы, охранявшие хлеб, открыли беспорядочную стрельбу. Одна из женщин была убита. И тогда поднялись мужики, до этого тихо роптавшие, но все-таки мирившиеся с властью...

Забегаю вперед, скажу, что Игнашиха, зачинщица бабьего бунта, умерла в 1980 году в возрасте 88 лет. В деревне и сейчас живет ее внучка — Валентина Степановна Алексеева. «Бабка была среднего роста, худенькая, — вспоминает она, — но вредная, характерная. Ходила с клюкой и до конца жизни курила «козью ножку» — самокрутку, сворачивая ее из газеты и набивая табаком-самосадам».

Наверное, в Новотравном было много тех, кто прошел фронты I мировой и гражданской войн. Во всяком случае, обороняли село по всем правилам боевого искусства. В роще за деревней был оборудован наблюдательный пост — следы от окопов видны были и спустя несколько десятилетий. Проулки, по которым неприятель мог ворваться в деревню, перекрывались ошетиившимся с двух сторон боронами — такими своеобразными предшественниками противотанковых ежей. Регулярные части Красной Армии трижды пытались взять Новотравное, но им это не удавалось. Крестьяне даже разработали хитрую тактику заманивая противника в ловушку: завидев отряд, наблюдатели сообщали в село о его приближении. Жители прятались в погреба и подполья. Убирали бороны и пропускали красноармейцев в деревню. Как только враг доходил до центра села,

крестьяне открывали перекрестный огонь, разумеется, перед этим перекрыв пути к отступлению...

Надо ли говорить, что Новотравное было бельмом на глазу у армейского командования.

Михаилу Мефодьевичу Агаркову в 1921 году было семь лет. Он запомнил третий и последний бой за деревню, после которого крестьянский бастион пал. Произошло это после того, как красные подтянули артиллерию. Били прямо по домам, нимало не думая о том, что там прячутся женщины и дети. Когда в деревню ворвалась кавалерия, какой-то отчаянный смельчак, забравшись на церковную колокольню, ударил в набат.

Не выдержав натиска, мужики дрогнули и побежали. Они бежали тем самым проулком, где стоял разбитый снарядом дом Агарковых. Семью спасло лишь то, что незадолго до решающего штурма они спрятались в доме родственника, служившего в Красной Армии. Когда ослепленные кровью солдаты ворвались в дом, мать маленького Миши, словно иконой, прикрывала детей фотографией зятя — красноармейца.

«Много народу погибло на перевулку (в перевулке), — вспоминает Михаил Мефодьевич, — кругом лежали мертвые. Как их красные гнали, так они и лежали...»

Оставшихся в живых защитников Новотравного взяли в плен и пешим ходом отправили в Ишим. Но до города они не дошли. Их расстреляли на окраине деревни Синицино — там до сих пор сохранилось место, которое так и называется «Братская могила».

Телеграмма Помглавкома по Сибири В.И. Шорина командиру 85-й стрелковой бригады г. Омск 22 февраля 21 г.

Во избежание излишнего кровопролития при взятии деревни Травное приказываю:

1. Установить имеющиеся у вас орудия на близких дистанциях и прямой наводкой метким огнем разрушать каменные строения, где засели бандиты.

2. Из числа охотников, наиболее отважных, организовать команды, которым поручить производить взрывы домов при помощи ручных гранат.

3. Организовать команды, которым поручить при помощи горючего материала производить поджоги домов.

(Продолжение. Начало в № 10, 2006)

По выполнении тщательной предварительной подготовки решительно атаковать деревню, стремясь окружить ее со всех сторон.

Помглавом Шорин, начстасиб Афанасьев.

Командарм Атаманов

Из Новотравного наш путь лежал в деревню Смирное.

Здесь 29 января 1898 года в семье зажиточного крестьянина Дениса Михайловича Атаманова родился сын Григорий, будущий командарм Ишимской группы Повстанческой армии, которая по приблизительным подсчетам составляла шесть тысяч человек.

Денис Атаманов был человеком пришлым — в Смирное приехал из центральной России и здесь уже женился на местной жительнице Вере Павловне Тагильцевой.

Дело теперь, конечно, прошлое, но поговаривали, что след за Денисом Михайловичем тянулся темный, недаром он даже фамилию сменил: был Чайкин, стал Атаманов. И деньги у него водились. Поэтому, обосновавшись в Смирном, купил дом, обзавелся хозяйством.

Дом был двухэтажный, на первом этаже — магазин и столовая, где бесплатно кормили рабочих, на втором — гостиная и жилые комнаты.

Говорят, скота Атаманов держал — счету не знал. У крестьян скупал молоко, обменивая его на железные изделия. Было у него три молоканки и маслоделательный завод. Торговать ездил — от Ирбита до Петропавловска. Только в Ишимском уезде у него было семнадцать торговых точек.

Неудивительно, что революцию семья Атамановых встретила без особой радости. И тем более не удивительно, что один из четырех сыновей — Григорий — стал активным участником повстанческого движения.

Гриша в семье был младшим и, должно быть, любимым. В деревне его звали белоручкой — таким он всегда был начищенный и наглаженный. Стоит добавить: и наверняка образованным, потому что именно крестьянская армия под командованием 23-летнего Григория Атаманова отличалась хорошей организацией. Штаб Атаманова, к примеру, мобилизовал сапожников для работы на армию. Женщины шили халаты для лыжных команд. В сельских кузницах изготавливались пики, в ружейных мастерских чинили пулеметы и винтовки. Делали даже трещотки для имитации пулеметных выстрелов и макеты деревянных орудий! Для агитационной работы были привлечены учителя, псаломщики, священнослужители, которые писали прокламации и воззвания к красноармейцам. Ежедневно выпускалась сводка, которая через местные штабы доводилась до сведения населения.

И еще один момент. Зверства обе воюющие стороны творили ужасные. На этом фоне диссонансом звучал приказ Григория Атаманова, в котором

Гриша Атаманов

он предлагал устранить мародерство, принимать по-братски захваченных в плен красноармейцев, виновных в самосудах и жестокости привлекать к ответственности и «наказывать теми же способами, что и пострадавших».

Сводка

Каймакскому военному штабу. Сообщается нами, Ново-Травинским штабом, что звери-коммунисты после отступления из села Травинское отряд ихний заехал по пути в деревню Кислово и вырезал половину деревни, не смущаясь тем, что если под шашку коммуниста попадала и голова грудного ребенка, не умеющего отличать правой руки от левой. Так вот поступают с крестьянами коммунисты.

Подлинное подписал начальник военштаба оперативного отдела Атаманов. 14/II-21г.

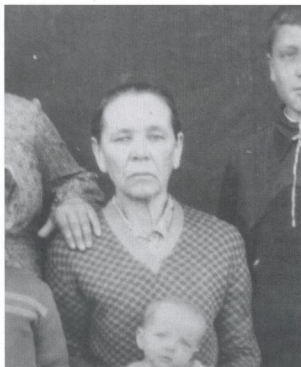
Конечно, «белоручка» Гриша Атаманов был белой вороной среди ожесточившихся сердцем командиров повстанческой армии. И конечно, его гуманизм, как бы мы сегодня сказали, не мог не вызвать подозрения, тем более, что старший брат Григория — Иван служил в Красной Армии.

На протяжении второй половины февраля Атаманова несколько раз то отстраняли от командования, то вновь назначали. И все же судьба его оказалась трагической. В апреле 1921 года Гриша Атаманов был схвачен под подозрению в измене, препровожден в Уктуз, где находился штаб Повстанческой армии, и расстрелян. Было командарму, напомним, всего 23 года...

Русские стреляют в русских

Что стало с большой семьей Атамановых после подавления восстания — никто не знает. В их двухэтажном доме долгое время была школа, потом правление колхоза. Потом дом раскатали. Местные ребятишки, зная по рассказам старших о богатстве бывших хозяев, искали в развалинах клад...

Уходили из жизни те, кто знал Дениса Михайловича и его сыновей. Но жила в Смирном женщина, которая не просто помнила, но до конца своей жизни молилась за убиенного Гришу Атаманова. Жила и

Александра Захаровна

Александра Захаровна Ельцова. И, думается, она сыграла роковую роль в судьбе юного командарма.

Александра Захаровна была женой коммунар — в этом состоянии ее вина перед повстанцами. Вся ее семья — муж, брат, еще несколько родственников, члены Смирновской коммуны, созданной осенью 20-го года, были зверски замучены в феврале 1921 года.

«Убитых, — рассказывает внучка Ельцовой Зинаида Ильнична Крамор, — привезли в село смерзшей грудой, голых, изуродованных, с выколотыми глазами и вспоротыми животами». Смерть спаяла их навсегда — их даже не смогли внести в избу. Так и похоронили в одной братской могиле.

Троих детей Ельцовой спасла ее сестра Катерина — она была замужем за повстанцем и потому могла надеяться, что в ее доме ребятешек искать не будут. Семеро малышей — трое Ельцовых, трое — самой Катерины и сын убитого брата месяц провели в погребке. Даже еду им туда спускали на веревке. Когда опасность миновала и детей подняли наверх, они, отвыкшие от света, долгое время боялись открыть глаза.

Беременную четвертым ребенком Александру Захаровну вырвал из рук повстанцев Гриша Атаманов.

— Гриша не успел... — часто говорила потом Ельцова, вспоминая те страшные дни.

Что не успел? Спасти остальных?

Наверное, он все-таки любил ее. Александра Захаровна в молодости, говорят, была красавицей. Правда, старше Гриши на несколько лет, но разве возраст имеет значение, когда речь заходит о чувствах. А если не было любви, то зачем ему нужно было возить ее повсюду за собой, оберегая от косых и откровенно враждебных взглядов товарищей по оружию? Ему, кого то и дело пытались уличить в измене и предательстве. Еще бы! Мало того, что брат — красноармеец, так теперь еще и баба-коммунарка недобитая.

Агарков

Говорят, будто бы Гриша решил-таки уйти от повстанцев, и будто бы даже человек с двумя лошадьми — для самого Атаманова и для Александры — ждал его за околицей деревни Окунёво, где располагался штаб его армии. А, может, этот слух был лишь поводом для ареста — уход из рядов повстанческой армии рассматривался как тягчайшее преступление против народа и карался расстрелом.

Командарма Григория Атаманова, схваченного в Окунёво и обвиненного в дезертирстве, ждала смертная казнь.

Вместе с Гришей была арестована и Александра Ельцова.

Может, все было проще? Может, повстанцы потребовали выдать им коммунарскую жену, а Гриша встал на ее защиту? Не потому ли до конца жизни Александра Захаровна вспоминала Гришины слова: «Лучше меня расстреляйте, но женщину не трогайте!»

В Окунёво сохранился старинный купеческий лабаз, в подвале которого вместе с окуневскими коммунарками сидела Александра Ельцова. Там она преждевременно родила сына Алексея. И вот что удивительно: будучи в Окунёво, мы совершенно случайно познакомились с 93-летним жителем деревни, чей отец, брошенный повстанцами в подвал, принимал роды у коммунарки!

Спасла Александру жена охранника, сторожившего арестованных. Она принесла мужу обед и услышала крики несчастной женщины. «Ты что, не русский? — заплавав, сказала крестьянка мужу. — У нас же у самих дети!». Охранник прислушался к словам жены. Так судьба во второй раз отвела руку смерти от Александры Ельцовой.

Новорожденный сын умер через два дня. Чуть окрепнув, Александра Захаровна вернулась в Смирное, где ждали ее трое детей. Она прожила 76 лет и до конца жизни молилась за Гришу Атаманова и крестьянскую семью, которая, рискуя своими детьми, спасла ее из окуневского подвала.

Окончание в следующем номере.

Глубина

I

На это лесное озеро Борис приезжал в четвертый раз. Укромное, оно не сразу показывалось; только через несколько длинных поворотов мелкой тропинки. Точно осторожно разворачивалась зеленая бархатная ткань, в глубине которой поблескивал крупный бриллиант.

Первый раз Борис увидел озеро зимой. Его воды затвердели, а усыпанные снежинками цилиндрики камыша хотелось откусить, как в детстве эскимо.

Следующая встреча случилась весной. Озеро недавно перебороло свою ледяную гордость и слегка выгнулось в середине линзой... Видимо, чтобы усиливать еще слабые солнечные лучи.

А осенью в потемневшей воде отражались и казались тяжело намокшими разноцветные сарафаны березок, которые зябко поджимали так и не загоревшие за лето ноги.

Сегодня же был летний вечер. Озеро, хорошо протомившись за день в июльской жаре, как в русской печи, пахло растворенным в воде солнцем, прибрежной бесшумной травой и намокшим утиным пером. Вечерняя прохлада остужала горячую хвою елей и начавший мутнеть янтарь сосновой смолы. Рыба явно тяготилась своими клеевыми обязанностями и шумно плескалась в воде, стараясь по-дельфиньи выгибать хребет.

Борис перестал следить за поплавками и лег на дно резиновой лодки.

Ветер мягко, как комар, касался лица. Облака плотно шевелились и, казалось, о чем-то думали. Звонко скрипнула лягушка, готовясь к ночной спевке.

Борису захотелось вытянуть затекшие в тяжелых болотных сапогах ноги, и он приподнялся.

В метре от дороги по воде равномерно расходились круги. Из центра этого волнистого цветка на Бориса смотрела женская голова. Неожиданно он разглядел руки, странно раскинутые в стороны и слегка согнутые в локтях, словно непонятно откуда взявшаяся купальщица держала под водой широкое стекло. Узкие пальцы, словно готовясь что-то схватить, шевелились.

Борис с изумлением понял, что ее дремучего цвета неровные волосы совершенно сухие, и только капли быстро скатывались вниз, не оставляя водяных дорожек, будто шарики ртути. Лицо было узковато в скулах, но глаза большие, почти круглые; взгляд равнодушен и пристален одновременно. Губы пухлые, даже красивые, однако совсем белые, а уголки высокомерно опущены вниз.

Женщина несколько раз приоткрыла рот. Борису показалось, что она говорит ему о чем-то, и, стараясь разобрать, почти перевесился через борт.

С берега донесся сухой треск моледного мотора.

Алексей Zubov живет в Екатеринбурге. Ему 45 лет, менеджер. Увлечения — книги, спорт. Публикуется впервые.

Незнакомка прижала руки к бокам и как-то вкось стала быстро уходить на глубину. Серебром блеснули хвост, обнаженная спина по-змеиную изгибалась.

«Да это же!..»

Вода легко успокоилась, и на место недавнего происшествия легла тень чайки.

— Эй! — донесся до лодки голос с берега.

Борис стал собирать удочки. Вялые пальцы тряпично болтались, только запутывая леску. Бросив ее на дно лодки, Борис медленно поплыл к берегу, слабо работая враз огузневшими веслами.

У небольшого, в три оранжевых побега, костерка сидел Михеич, пятидесятилетний мужик, сдававший комнату Борису. Просоленный едикм потом в раскаленных кабинах комбайнов, с обваренными морозом кистями рук, Михеич напоминал темную стальную пластину, о которую не раз ломали кулаки любители деревянного бокса.

Он стал быстро и крепко чистить окуней, разбрызгивая вокруг себя чешую...

— Слушай, а здесь на озере нечисть какая-нибудь водится? — спросил Борис.

— Да как, поди-ка, не бывать... Место, сам видишь, потаенное, вода глубокая. Я не видел, а люди рассказывают, что и легшего с лешачьей здесь встречали, и русалки пошалают.

В свежем лунном свете седая щетина Михеича переливалась, как благородное столовое серебро, правда, давно не чищенное ленивой прислужгой.

— У меня вот удочку на дно утащило, лет десять назад, — продолжал он, — как, слышь, на ворот колодезный леску наматывало. Уж на что силенка есть, а не справился. Прямо как танком из рук утянуло. Если б руки не разжал, только сапогами бы сбубульвал. Ищи меня потом...

Темная вода и ночное небо соединились, и звезды закачались на безветренных плоских волнах.

Михеич шаркнул спичкой, и его горбатые ногти изнутри зажглись легким белым светом, будто фонари в тумане.

— Леску жалко, японская — сын с Дальнего Востока привез, дорогая, небось.

Похвалив уху, им же самим сваренную, Михеич неловко, как больная ревматизмом собака, залез в палатку и затих.

Борис сидел, слушал горячий шепот прогорающих головней, перебирал взглядом заплывшие чернотой стволы сосен и берез, стоявших друг перед другом, как две шеренги парней и девчат в самом начале кадрили.

Одна из березок тихо посеменила прямо к Борису. Она плавно приближалась, уменьшаясь

в размере, широко расставив нижние ветки.

«Начинается!»

Борис выхватил штык-нож, с которым отслужил два года в морской пехоте, и шагнул навстречу.

— Ну, красавица, подгребай ближе, я сейчас проверю: кровь у тебя или сок березовый, — стараясь не дрожать зубами, держа лезвие от себя и вверх, как учили.

«Что ты, Боренька, на девушку с ножом, как на врага... Боишься меня? Подойди, возьми меня за руку, ну...»

Шея Бориса словно одеревенела от трехлетнего прикосновения пальцев, а губы мягко ожег поцелуем.

«Да ведь я ее даже не рассмотрел. Как она очутилась возле меня? Ослепила, что ли?»

«А что на меня смотришь, Боренька, чувствуешь мою любовь, и ладно... Обними сильнее, чтобы я твое сердце услышала.»

Беззвучные слова сладко покалывали затылок; напряженная грудь Бориса размякла, руки девушки раскатывали ее как тесто: испечется его душа на мощно разгорающемся пламени желания.

«А если хочешь меня рассмотреть, пойдём к озеру. Я достану луну из воды и подниму над нашими головами. Кого нам стыдиться, да?»

У ног Бориса оказалось озеро. Поверхность его казалась зеркальной.

«Видишь, мой любимый, всю грязную глупую воду я убрала из озера. Смотри, как оно заблестело! На красивом цветке ты же не ищешь лица или фигуры, просто чувствуешь эту красоту. И прекрасную музыку ты не можешь обнять и поцеловать.»

«Мне не все понятно, но я хочу тебя любить, сейчас, скорее...»

И Борис побежал к той, невидимой, что звала его и ждала, очень ждала.

Зеркало вдруг стало плавиться под ногами, стало разгавать грудь, скрутило руки, и ночное небо погасло.

II

Михеич выдрал Бориса из воды, взвалил его себе на спину и, глубоко калеча ровный песок, пошел к палатке.

Тревожные ночные запахи уходили из леса, а трава начала ронять круглую росу.

Тело Бориса мучительно исторгло воду, казалось, кожа сейчас не выдержит и кости выйдут наружу. Михеич бегал с котелком за водой, неумело обмывал Борису постаревшее за ночь лицо.

К полудню Борис приоткрыл слипшиеся от высохших слез ресницы. Его глаза казались ко-

мочками туго скатанной желтоватой глины.

Михеич заволновался:

— Ты, Бориска, лежи, не говори ничего... Я ж понимаю, не зря ты про нечистую-то силу спрашивал... С ними только свяжись, с русалками али еще с кем... Только что ж смолчал-то? Сказал бы мне, я бы, старый хрен, и спать не завалился, с тобой бы ночь-то и проночевали. Хорошо, хоть услышал, как ты по воде бежал.

Погода теряла равновесие. Березы замахали ветками, ветер с шумом растягивал озеро между берегами.

— Я час, мигом сгоняю за машиной и обратно. На машине и тебя, и барахлишко увезу, — скорее для себя, чем для Бориса, бормоча Михеич, — давай в палатку занесу тебя, вдруг дождь али еще что...

Он завел мопед с гордым названием «СС-50» и запрыгал на нем по выпирающим из тропинки корням. «СС-50», как и его знаменитая тетка, межконтинентальная ракета «СС-20», обозначало «Советский Союз», так как мопед был собран из деталей со всего СССР — Львова, Риги, Пензы. А цифра «50» говорила о пределе скорости, за которым агрегат начинал ощутимо вибрировать, готовясь перейти звуковой барьер.

А вернулся Михеич на «Москвиче». Борис сидел возле палатки и смотрел на волны. Хрипло и тихо выговорил:

— Спасибо, Павел Михеевич... что... спас... меня...

Михеич, не слушая, быстро собрал палатку, вещи, снасти и пошел за лодкой. Вытащив ее на берег, Михеич обнаружил рваную дыру на резиновом борту.

«Ишь ты, зараза, чисто волкодав, выхватила кусок. Взбесилась, что к себе парня не утащила».

«Москвич», порывкая, полз на первой скорости, уронив голову на спинку сиденья, Борис что-то шептал, изредка подрагивая синими губами.

— Нехристи мы, Бориска. Богу не молимся, креста не носим, грешим — не каемся. Вот и лезет к нам всякая чертовщина. Да ты спи, спи, не слушай меня, ничего, как-нибудь...

В лобовое стекло глухо и неритмично, словно больное сердце, застучали первые большие капли.

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ НА ОЗЕРЕ «БЕЗ ДНА»

Летом меня пригласили в качестве гидробиолога в экспедицию на озеро Бездонное. Я охотно согласился, так как старыми стали уже открытия последних трудов краеведческого музея. Ехать отважились тринадцать человек, включая трех ребят из Висма и нас, двух взрослых: руководителя-педагога Альберта Мустафина и автора-гидробиолога, бывшего аквалангиста.

В первый день путешествия все шло с задержками и надрывом сил от непредвиденных трудностей. Кое-кто был поначалу не совсем здоров, включая и меня, но пасовать не хотелось, и путешествие состоялось вопреки всему довольно удачно. После десятого июля навалилась жара, вода в озере нагрелась, и оказалось возможным не только исследовать, но и ощутить прелесть плавания в прозрачной, морской по цвету воде, отлично смыывающей усталость, что и делали с удовольствием все наши юные натуралисты, а также мы, взрослые.

До Висма по трассе добрались быстро. Затем свернули на плохонький, заброшенный тракт, идущий на север рядом с рекой Межевая Утка. В одном месте дорога оказалась размыта, и пришлось повозиться, помогая водителю, чтобы выбраться из ямы. Лишь к двум часам автобус довез к берегу Смородинского водохранилища, где нас

ждал неприятный сюрприз: прудка как такового не оказалось. Его спустили, убрав несколько стальных балок из крошечной переливной плотинки. Зато появился добротный домик какого-то предпринимателя. Вместо того чтобы собрать катамаран и на нем доставить большую часть грузов к озеру Бездонное, что находится всего в двухстах метров от бывшего водохранилища, пришлось почти все тащить на себе: речка мелковата и закоряженной, заваленной выгядела даже для катамарана.

Девочки перешли вброд, кто постмлее из ребят перешли по доске над бурлящим водопадиком, оставшимся на месте плотинки. Много раз преодолевали с грузами расстояние в полтора километра по лесной тропинке. Измучились все, особенно мы, взрослые. Части катамарана также пришлось нести на себе. К вечеру доставили почти все. Установили палатки. Худо-бедно, но разместились, устроились.

Мало кто умел готовить — первые два дня пища не вызвала особого аппетита, спасли консервы, соки, сыр и хлеб. Позже искусством готовить выделялась девушка из Висима Ольга Асхатова, сельское происхождение явно чувствовалось. Она же единственная из ребят проявившая большой интерес к предстоящим гидробиологическим пробам на

Лаборатория под открытым небом. Автор с ассистенткой Ольгой Астаховой определяют качественный состав планктона

озере. С ее слов, в поселке всего два юных биолога, это она и ее подруга. Из юношей удивил Никита Чернышев: своей судьбой, умом, живым языком, тем, что прочитал многие статьи автора. Часто нагрянул на рыбалку, но не проявлял постоянства, вместо него со мной на Межевую Утку ходил Петя, тагильский парень.

Прошло два дня, погода улучшилась, вызвав большую научный энтузиазм, что, впрочем, неудивительно. Озеро в солнечную летнюю погоду — зелено-голубая жемчужина, светящаяся и манящая. Но когда становится пасмурно, и оно мрачно, страшит.

Получив от Альберта черпак кустарного изготовления, решили сразу брать пробы бентоса у самого берега. Добровольной помощницей оказалась все та же Ольга Асхатова. Пробы осуществляли с катамарана в нескольких местах. Организмы бентоса искали на берегу среди ила, растений, песка, камешков, и кое-что новенького удалось обнаружить.

Кроме старых знакомых: рачков-бокоплавов, двусторчатых моллюсков и других существ, впервые попала личинка вислокрылки, мотыль, еще один вид крошечных улиток с раковиной-башенкой, и, наконец, удивительный вид поденки (личинка) с тремя хвостовыми нитями, одетыми в полупрозрачные «штанишки», что не наблюдал ни у одной из видов поденок в Тагиле и Пригородном районе. Вид поденки так и не смогли определить. На мелководье заметил перловицу — самого крупного моллюска наших вод, а ведь еще несколько лет назад его не было. Почти уве-

рен: занесли его случайно даже не рыбы, а туристы, так сказать, остатки их экзотической трапезы.

Однако самые интересные открытия нас ждали на следующий день в планктонных пробах. Юная «биологиня» из Висима проявила и здесь живой интерес. Сперва планктонную сеть на капроновом шнуре пришлось доводить до ума самому, лишь после этого удалось взять пробы не только с поверхности, но и с глубины 30 и более метров. Сиюновцы перед нами измерили уже с катамарана прозрачность воды диском Секи, оказавшейся равной шести метрам. Кажется, в такой холодной чистой воде нет планктона, однако полученные добытые пробы слегка ошаршили и позволили сделать новые открытия.

Если ранее просто отмечалось наличие дафний, циклопов, водяных клещей в озере, то глубинные пробы преподнесли небольшую сенсацию, которой мы обрадовались как открытию: четко и ясно выявилась особенность распределения планктона, состоящего в основном из низших ракообразных, по вертикали. Прогреваемый, хорошо освещенный верхний слой воды — среда обитания исключительно ветвистоусых рачков — мелких дафний, что, впрочем, вполне объяснимо: рачки потребляют и зеленые микроводоросли, их можно назвать «микрорывками» озера. Глубинные же пробы принесли веселого рачка, в основном циклопов, предпочитающих холодные воды и склонных к хищничеству. Планктонная жизнь под бинокуляром

своей активностью, анатомией удивила и вызвала жалость; всех рачков слили из проб в одну емкость и вернули в родные воды.

Изучение планктона и бентоса происходило у костра, чтобы дымом отгоняло слепней, комаров. «Кабинет» — лист фанеры с бинокулярами и чашками Петри. «Потолок» — небо с ветерком, стены — шелестящий лиственный и ветками лес. Работа на виду у всех. Счастье, что не было дождя, и все-таки условия необычны и необустроены в отличие от города.

Оркестры кузнечиков днем и цикад по вечерам. Резкие крики черных воронов и коршунов, щебет лесных птиц с утра до вечера. Летнее буйство цветов на лугу, где мы расположились: герани, лютиков, васильков, лесного клевера, горца змеиноного, лабазника, зверобоя, лопухи и даже орхидей и лесных лилий. Все это было средой жизни, фоном жизни натуралистов Тагила и Висима, конечно, как и всегда в компании оказались ребята, далекие от природы.

В глуши быстро узнавали друг друга. До глубокой ночи не могли наговориться девушки и юноши, благо погода установилась теплая. Правда, старшеклассникам не хватало наблюдательности, а также опыта жизни в лесу. Может, поэтому им не везло в рыбалке, а многие девушки не могли готовить пищу на костре и не совсем ладили друг с другом. В результате самая младшая из них 12 летняя Бэла, «Белочка», оказалась непонятой, лишней и залила лагерь слезами в один из вечеров. Приходилось как-то отвечать на такие ее вопросы: «Зачем жить, если все равно умирать? Почему против России все воюют?» Вопросы сложные, а отвечать надо просто и понятно, кажется, мне это удалось даже для понимания девочки. Явно у нее на душе не спокойно, не ладится что-то дома, возможно, жизнь в лесу отвлекла ее от грустных дум.

Или, например, хвастовство и грубость Андрея, парня 15—16 лет. Склонность к браконьерству, хитрость привлекли к нему часть ребят. Но эти же «достоинства» скрывали слабость, ненадежность характера в трудных условиях, что рано или поздно обнаружилось, главное, что он понял сие сам.

Руководитель экспедиции натуралистов, Альберт Мустафин, ненавязчиво, незаметно, как настоящий педагог, учил ребят строить отношения друг с другом в жизни, в частности, в лесу, вдаль от дома, города. Я же, наверное, был примером, как надо понимать, наблюдать, чувствовать жизнь озера, реки, леса, гармонии с природой и самим собой. И, кажется, несмотря на неожиданности, трудности, неприятности, в целом путешествие на озеро «без дна» оказалось увлекательным, интересным, запомнившимся надолго для школьников и для нас, взрослых.

БОГОЛУБОВА Людмила Васильевна, авт. воспоминаний.

Сестра гос. и воен. деятеля М.В.Фрунзе. «В тревоге за жизнь брата». — В кн.: Н.В.Фрунзе: Воспоминания родных, близких, соратников. Фрунзе. 1969. С.32-36; «Пламенный революционер» — В кн. О Михаиле Фрунзе: Воспоминания, очерки, ст. современников. М., 1985. С. 27-30.

ИДРДВ. Т.4. Ч.2. № 2757; Т.5. Ч. 2. Ук. им.

БОГОЛУБОВА О., поэтесса.

«Сказки усталого сердца». СПб., 1912; «Стихи». СПб., 1914; печатала стихи в «Журн. для всех» (1900) — О.Б.; в «Образовании» (1903. № 11; 1905. № 5, 10; 1906. № 11). В сб. «Избранные произв. русской поэзии». Изд. 5-е. СПб., 1909.

Масанов; Венгеров. Источ.

БОГОЛУБОВА Ольга Милитоновна (1869 —), авт. воспоминаний.

Сотр. инстит. эксперим. медицины. «В.Л.Омелянский: Из личных воспоминаний». — Архив биологических наук, 1928, т.28, вып. 3, с.228-234.

ИДРДВ. Т.4. Ч.3. № 5303.

БОГОЛУБСКАЯ Александра Семеновна (1854 —).

Гор. школьный врач в СПб.

Венгеров. Источ.

БОГОМАЗОВА Зинаида Андреевна.

Сотр. журн. «Коммунист. просвещение» (1924), «Вест. Книги» (1924-25) — З.Б.; «Библиографического ежесемейника» (1917-18). Авт. ст. «Наши поэты о природе» \ Биб-ка по детскому чтению. № 1. М., 1914. Изд. кн-ва «Новое сотрудничество». М.Б. она авт. кн.: «Книга и ее прошлое». М., 1914.

Масанов.

БОГОМАЗОВА Зинаида Петровна, авт. воспоминаний.

Выпускница Петерб. высших женских политехнич. курсов Инженер путей сообщения. Ее основная деятельность — научно-исслед. работа в области гидрогеологии. Имеет ряд печатных трудов. Участвовала в сост. справочн. Издания «Водный кадастр СССР». Защитила диссертацию на тему «Ливни на территории СССР». Ее воспоминания «Оглядываясь на прошлое» напечатаны в кн. «Первые женщины-инженеры». Л., 1967. С.181—190.

БОГОМАЗОВА М.М.

Сотр. журн. «Вест. Книги» (1924) — М.Б.

Масанов.

БОГОМОЛЕЦ Зоя Вячеславовна, авт. воспоминаний.

Невестка патофизиолога, проф. Саратов. ун-та А.А.Богомольца. «Два сияния: Из воспоминаний об А.А.Богомольце. — «Радуга», 1973. № 7, с. 137-145.

ИДРДВ. Т.4. Ч.3. № 5641.

БОГОРОДСКАЯ А., переводчица с франц. 1890-91 гг.

Венгеров. Источ.

БОГОРОДСКАЯ А.Г. (псевд.; наст. имя Анофриева Александра Гавриловна), драматург.

«Пьесы»; Драма «19 февраля. В память освобождения крестьян» (М., 1910); «Страшные враги России». М., 1906; «Л.Н.Толстой не прав». М., 1903.

Масанов; Венгеров. Источ.; РНБ.

(Продолжение в следующем номере)

Озеро Иткуль и Шайтан-камень

Испокон веков жили-были два духа-брата Добро и Зло. Ходили они по миру и творили добро и зло. Дух Добра был широким и светлым, как горное озеро. Когда он заходил в гости к людям, он приносил всем свои дары и каждому дарил самое лучшее. Дух Зла был холодным и твердым, как скала. Когда Зло приходил к людям, он разил старейшину, вождя, лучшего воина, а когда он встречал человека один на один, то всегда находил в его душе самое уязвимое место.

Много лет ходили братья порознь, но однажды встретились и заспорили, кто из них идет правильным путем, а кто — неверным. И сказал Зло Добру: «Ты слишком много предлагаешь людям. Но даже все вместе они не могут взять всех твоих даров. Каждый из них берет только то, что его не обременяет. Люди не в силах принять твои дары». В ответ Добро отвечал брату: «Если ты хочешь битвы, вызывай людей

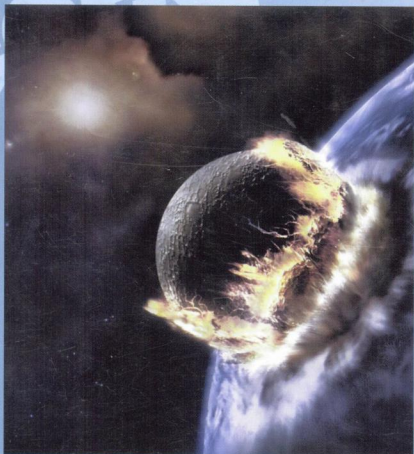
на равный бой, не нападай в спину, бейся честно». Долго длился их спор, но никто не мог в нем победить. Брат Добро предлагал брату все свои дары, но Зло не принял ни одного из них. Зло искал в доводах брата уязвимое место, но не мог найти.

И тогда дух Добро решил показать брату, что его путь отражает небесный закон, как водная гладь — небо, и в доказательство обратился в чудесное озеро, в котором отразилось небо и весь поднебесный мир. А Зло в ответ обернулся черным камнем-скалой посреди его вод. Так, что всем приходящим к этому озеру бросался в глаза именно этот камень, а не отражение неба.

С тех пор люди стали приходить на то озеро — испрашивать себе у него даров, кто какие хотел, и к тому камню-скале, чтобы узнать, как можно победить врага. И озеро то прозвали Иткуль — Священное озеро, а скалу — Шайтан-камень.

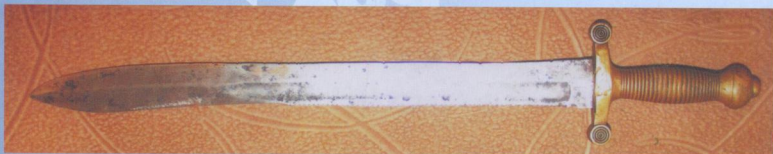

Образование метеоритных кратеров — процесс мгновенный. Метеоритный удар разрушает породы земной коры и создает новые породы и минералы. При падении на Землю метеорит проникает в грунт, мгновенно тормозится и разогревается до высоких температур, при которых он сам и породы вокруг него плавятся и испаряются. Происходит взрыв. От точки взрыва метеорита распространяется ударная волна, имеющая шаровидный фронт. Наверху, где слой грунта сравнительно тонок, породы сначала вспучиваются, потом появляются яркие языки плазмы. Затем кровля этого «пузыря» раскрывается во все стороны, подобно распускающемуся цветку, и тонкие края ее падают на землю в перевернутом положении. В нижней полусфере ударная волна образует округлую пустоту — первичный кратер, у стенок которого горные породы уплотняются и частью плавятся. Далее волна идет по породам, сжимая их.

Уникальное и очень красивое массивное холодное оружие (палаш) в 80-е годы прошлого века нашли березниковские подростки в исторической части г. Усолья — в Никольской церкви, (памятнике русского классицизма, возведенном в честь победы русского оружия в войне 1812 года). Сегодня он выставлен в экспозиции городского историко-художественного музея. Палаш был аккуратно завернут и, видимо, определен «на вечное хранение» в алтарной части храма. Интересно, кто его заложил? В память какого события? Или человека?

«Нам много говорили об опасности, которой подвергается охотник за кораллами из-за присутствия в этих водах акул. Первоначальное утверждение наших ученых мужей о том, что акулы не заплывают на глубину менее полутора метров, было опровергнуто нашими личными наблюдениями на острове Гарден, где эти хищницы ловили рыбу во время отлива, буквально ползая брюхом по камням дна, на глубине в 20-30 сантиметров. Поэтому к акулам мы относились с большой опаской и старались не добывать кораллы и ракушки в местах интенсивной охоты хищников.

Снаряжение добытчика кораллов очень простое: корзинка из-под овощей с привязанными к ней пенопластовыми доплавками, которая с помощью капронового шнура крепится к поясу, ломик длиной около полуметра, привязанный к запястью, маска с трубкой и — обязательно — кеды на ногах. Без них — никак, потому что царапины и раны от кораллов долго не заживают...»
В гостях у «Уральского следопыта» — настоящий герой, мореход из Асбеста — Владимир ЛОЗМАНОВ.

